

№ 10
2010

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **А. М. ШМИДТ** (г. Алматы).

В номере:

Поэзия

И. Брейдо. «Реальный признак бытия...». Стихи..... 3
Г. Ударцев. «На земле, святой и грешной...». Стихи 39
Ю. Показанов. «Серебряный звон тишины...» Стихи 65

Проза

Н. Зайцев. Утренний свет. Повесть (продолжение) 11
О Чон Хи. Два рассказа (Беглец; Магнолия) 45

К 65-летию Великой Победы

С. Жагипаров. Последний фронтовик из Даукары... 71

Документальная проза

В. Владимиров. По уставу быть самим собой (продолжение) 75

Наш общий дом

А. Бекбосын. Сын солдата,
или По Пушкинской, Пушкинской (окончание)..... **99**

Культура. Общество. Личность

В. Гундарев. Почётный гражданин моего сердца **118**

В семейном кругу

Р. Махатадзе. Новые грузинские сказки для взрослых **124**

Параллели и меридианы

С. Беккулова. Семь встреч, или Золотое небо Индии **145**

Искусство

Е. Дайлидко. Хозяйка «Кукольного дома» **151**

Природа и мы

С. Горбунов. Рассказы о животных **153**

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Не от мира сего. *Повесть-пародия.*
Часть вторая. С того света (окончание) **159**

Сатира и юмор

И. Криштул. Антикризисное эссе; Смерть подвижника; Резюме.
Юморески **187**

Изоальбом «Нивы»: фотоиллюстрации к материалу «Семь встреч,
или Золотое небо Индии».

Иосиф БРЕЙДО

“Реальный признак бытия...”

Приходим в мир по одному,
 Назад ползём поодиночке,
 И в промежутках потому
 Так тесно сердцу в оболочке,
 Когда затягивает вдруг,
 Возможно, по велению свыше,
 В неведомый доселе круг,
 Где в такт с тобою кто-то дышит.
 Душ неприкаянных родство:
 До перекрёстка иль погоста —
 Рождается из ничего,
 Но дышится легко и просто.
 И в хаосе прошедших дней,
 В случайности всех наваждений,
 Коль вспомнишь, не было важней
 Вот этих редких совпадений.

Ветер крутит в белом поле,
 заметая все следы.
 Он с нечистой силой в доле
 провозвестником беды
 просвистит. И только ты,
 не о норове коварном
 вспомнишь зимнею порой,
 улыбнёшься благодарно,
 как он дерзкий и лихой
 был всего лишь миг, но твой.

Иосиф Вульфович БРЕЙДО

родился в 1947 г. в Киргизии на берегу озера Иссык-Куль. Окончил Ленинградский электротехнический институт. Служил на Тихоокеанском флоте. С 1974 г. постоянно живёт в Караганде. Работает в государственном техническом университете заведующим кафедрой автоматизации производственных процессов, доктор технических наук, про-

фессор. Публикации в книгах “Метки и осколки бытия...” (2002), “Наворожи, гадалка, нам...” (2004), “Дорожная молитва” (2006), в коллективных сборниках “Я вижу сны на русском языке” (2007), “Сквозь наслоенья лет” (2009), в литературных журналах России и Казахстана “Сибирские огни”, “Нива” и “Простор”, в республиканских и областных периодических изданиях.

Постоянный автор “Нивы”.

Взору негде задержаться, взгляд куда ни кинь:
солонцовые поляны, горькая полынь.

Днём и ночью пролетают мимо поезда,
с нетерпением привычным ждут их города.

Главному Творцу, наверно, не хватило сил,
когда в спешке полустанок здесь он сотворил.

Нелегко ему достались горы и моря,
травы, лес, цветы, озёра, радуга, заря.

И с насмешкой или верой, что спасти должна,
дал он имя полустанку: "Станция Весна".

Поезд Алматы — Караганда, 03.06.07 г.

Садовник

И. В.

Растить цветы — нелёгкая стезя,
они свои секреты держат в тайне:
капризны, своенравны, и нельзя
упрямство победить их силой знаний,
подвластны лишь канонам волшебства.
Едва заря взойдёт над садом сонным,
нашепчет маг заветные слова,
и расцветут пурпурные бутоны.
Когда достигнет тонкий аромат
небесных сфер, то сверху серафимы
опустятся неслышно в этот сад,
дыханьем ветерка неуловимым.
И, не спеша, положат на весы
эгоцентризм цветов, характер склочный,
но перевесят капельки росы
на совершенных лепестках цветочных.
Вот потому от утренней зари
до поздней ночи трудится садовник
и сдержанно судьбу благодарит,
не замечая стёртые ладони.

К.

Смысл иной не ищи между строк,
Нету там никакого подтекста:
Лишь мотивы забытых дорог,
Только сказки далёкого детства
Да засушенный в книге цветок.

Если слышится голос живой
Или чувствуешь запах озона,
Что от строчки исходит простой,
То подтекст в ней искать нет резона:
Не ищи между строк смысла иной.

С.

Рок, судьба или случай просто
Свёл нас вместе в дальнем краю,
Пахло зимней корюшкой остро,
Предрекали нам жизнь в раю
Океан да из песни остров.

Но мы столько сломали копий
И в друг друга пустили стрел,
И в бессмысленной вязли топи,
Ведь никто никак не хотел
Расставаться с миром утопий.

Ты бывала чернее тучи,
Прожигал я взглядом насквозь,
Кто сильнее обожжёт, тот круче:
Вместе — трудно, но страшно — врозь,
Видно, страх одиночества мучил..

Но желанье остаться рядом
Оказалось сильнее, ведь нет
Долгожданной сейчас награды,
Чем улыбка твоя в ответ
Моему усталому взгляду.

Ты, по-прежнему, непоседа
И когда на недолгий срок
Улетаешь зимой иль летом,
Всё становится поперёк:
В доме пусто и мало света.

Памятник

Из переулка на Арбат
выходит Окуджава.
Зеваки на пути стоят:
они имеют право
потрогать бронзовый пиджак
и щёлкнуть аппаратом,
чтобы потом небрежно так
сказать, вот был с ним рядом.
Другой шумит вокруг Арбат,
иною ценят мерой
то, что искал любви солдат,

но не расстаться с верой:
мир на его китах стоит,
коль девы, боже правый,
ревут отчаянно навзрыд
от песен Окуджавы.
Напоминает он живым,
от скверны очищая,
что жизнь, по-прежнему, увы,
короткая такая.

Москва. 3.07.07.

То прореха, то заплатка:
Рвётся ткань.
Улыбнёшься виновато:
Дело — дрянь.
Лоскутов ложатся пятна
Вразнобой,
И гармонии, понятно,
Никакой.
Кто снуёт иглой проворно
День-деньской,
Швы наложены неровно
Чьей рукой?
Если это божья милость:
Благодать

Надо, раз она явилась,
Принимать.
Коли дьявол обозначил
Свой узор,
Не подписан им, тем паче,
Приговор.
То ли с неба, то ль из бездны,
Но судьбой
Управляет неизвестный
Нам с тобой.
И пока они бесстыдно
Делят власть,
Божьим тварям, очевидно,
Не пропасть.

Не разуму — инстинкту внемлю,
когда невмочь,
пусть звёзды падают на землю
всю эту ночь.
Как идолопоклонник древний
со страхом жду
глубокой ночью предосенней
свою звезду.
Коротким прочеркам мгновенным
потерян счёт.
Костёр погас и студит вены
не кровь, а лёд.
Языческих рефлексов токи
сильней ума,
рассеется ли на востоке
ночная тьма?
Забрезжило. Конец кошмарам.
На небосвод
ложатся отблески пожара.
Рассвет идёт.

Бывший профессор и бывший полковник,
Волею судеб сантехник и дворник,
Спорят, ссылаясь на факты и даты,
Так же, как дома, на кухнях, когда-то,
Ссорясь, смеясь и о родине плача,
Судьбы свои представляли иначе.
Пусть нет на карте предмета их спора,
Вряд ли они успокоятся скоро,
Если в сердцах сохранилась держава,
Даже не поступь её или слава:
Встречи, прощания, книги, основа,
Почва, могилы, общение, слово,
И ощущение бескрайних пределов,
Но разобщённость мечты и удела.
Знают, едва ли, признаются оба:
Там не нужны, да и здесь не особо.
Бывший полковник и бывший профессор,
Ранее интеллигент и агрессор,
Держатся, словно за якорь, за дружбу,
В Хайфе неся коммунальную службу.
Верят, упрямо скрывая обиды,
Выпадут внукам иные планиды.

Дорога на Экибастуз

Уже не жить спокойно нам,
коль ритм выдерживая строго,
пространство режет пополам
степная узкая дорога.
И эта чёрная змея,
переметаемая снегом,
реальный признак бытия,
единственный под этим небом.
Туманно-снежные миры,
где силуэтами вдоль трассы
молчат до утренней поры
заснувшие в пути "КамАЗы".
Легко забыто, что в ночи
нас, сонных, выгнало из дома,
а за рулём Харон молчит,
дорога лишь ему знакома.
И нет обратного пути
из белого ночного ада...
Пусть не доехать, доползти,
но утром быть на месте надо.

Красивый строй высоких слов
поманит, как огонь костров,
и время бабочкам лететь

легко на собственную смерть.
А ты всё шепчешь до зари:
О чём молчишь, ну говори ...
и тихо падают слова,
как осенью с дерев листва.

Какие розовые дали
Нас с нетерпением ожидали!
До счастья — шаг...
Но дьявол прячется в деталях
Или шевелится в кустах.
Увы и ах.

Когда гранатой ручной
взрывается мадам, рыдая:
сейчас же, здесь, любой ценой —
причина может быть любая.
Не уподобься храбрецу,
что закрывает амбразуру,
и не высовывайся сдуру,
так должно поступать юнцу.
Иное дело ветеран,
его заслуженные шрамы
свидетельство великой драмы,
и переждёт он ураган.
Когда же кончатся снаряды,
из-под обломков бывших стен
он встанет, отряхнёт награды
и побредёт сдаваться в плен.

Исторический момент:
воля, рад интеллигент.
Он свободен, ведь ему
с шеи сбросили хомут
и пустили без ярма
на подножные корма...
Быстро понял контингент,
что кормов на воле нет.
С брюхом тяжело пустым
долго петь свободе гимн,
жизнь опасностей полна
без привычного ярма...
Ныне же благая весть,
коль хомут на шее есть,
с мягким валиком хомут
даже создаёт уют.

Был человеком, понимал собрата,
 Порою улыбался виновато,
 Во власть попал — ну чисто вождь приматов:
 Оскалом замещается улыбка,
 Глас человека — рыком жоака,
 Как всё же власть заманчиво сладка,
 Насколько человеческое зыбко!

Когда недрогнувшей рукой
 ты по живому режешь мерно,
 то верю: может лишь такой
 карать всех грешников примерно.
 Ты миссией своею горд,
 в непогрешимости уверен:
 взять нерадивых в оборот,
 приговорить их к высшей мере.
 Будь то отступник от идей
 или копатель недостатков,
 раскольник, шут, лентяй, злодей —
 придётся каждому несладко.
 Пусть скальпель безнадёжно туп,
 и хлещет кровь сплошным потоком,
 но ты, борясь за чистоту,
 освободишь мир от порока.
 На репутации твоей
 нет пятен: чист и неподкупен,
 ты выше всех людских страстей
 и, безусловно, неподсуден.

N.

Свинья ты, но не в том беда,
 Что всё вокруг тебя зловонно,
 Итоги твоего труда
 Страшней, опасней, безусловно.
 Для поросят своих кумир,
 Как на тебя они похожи,
 Что ожидает бедный мир?
 Вот подрастут они, о, боже...

Как жили б человеки без лентяев,
 Подумать страшно, я не представляю.
 Лентяев, пригвоздив к доске позора,
 Катали б камни, надрываясь, в гору,
 Сбивая в кровь натруженные ноги,
 В пещерах проживали бы убогих.

Верней всего, мы до поры прекрасной
Не дожили б, надеюсь, это ясно.
Рычаг и колесо — продукты лени,
Лентяям — благодарность поколений.

Сегодняшняя пыль обочин,
Обломки, мусор и стекло
Потом составят, между прочим,
Эпохи сей культурный слой.

Это было со всеми
И происходит сейчас:
Мы убиваем время,
Оно убивает нас.

Никак не утолишь ты страсть,
что воли собственной помимо
ведёт тебя неодолимо
к стопам хозяина припасть.

Камешки, пыль да песок —
Времени труд и итог.

Нет ярлыка с ценой, но я то твёрдо знаю,
Что продаётся, а цена — договорная.

Богаче в мире есть страна едва ли:
Столетия тащат, но не всё украли.

И в снег, и в дождь, и в зной
Доход — любой ценой.

Какое прибыльное дело:
Торговля совестью и телом!

Вы спорите, кто главный за столом,
Когда горит и рушится ваш дом.

У правды — тяжела рука,
А ложь округла и легка.

г. Караганда.

Николай ЗАЙЦЕВ

УТРЕННИЙ СВЕТ

Повесть

(Продолжение. Начало в № 9 за 2010 год)

“Опять привиделось”, — подумал Царёв, очнувшись, сидя притиснутым спиной к толстому стволу берёзы. Но сильно болело ушибленное колено и кровоточила рана на руке, саднило правую щеку. Он осмотрелся вокруг себя — ни пня, ни валежника. Чистенькая осенняя рощица, пронизанная светом и омытая недавним дождём, совсем не будила воспоминаний о сумеречном происшествии. Поднявшись, размял руками колено и, прихрамывая, зашагал в сторону, откуда, как ему показалось, свет дня пробивался мощнее. Через несколько минут, выйдя на окраину рощи, ещё раз подивился несоизмеримости масштабов весёлой берёзовой рощицы и глухой, непроходимой чащобы мрачного леса, плохо понятного произошедшего и милой ясности происходящего. Опасаясь возврата кошмаров лесной прогулки, Царёв ускорил шаг, насколько позволяла ушибленная нога, и вскоре оказался у ворот дома, где ожидал встречи, а может быть, и сочувствия. Но дом встретил пустотой духа — никого живого не нашлось ни на первом, ни на другом этажах. Костюм пришлось снять — испачканный и порванный там, где выпирало ушибленное колено, он не годился для выхода на люди, а уж тем более для randevу с девушкой. На улицу вышел в халате, набрал из колодца воды, сбросил одежду, облился ледяной водой, потом ещё и ещё, пока тело не перестало гореть и, приняв температуру воды, перестало реагировать на холод. Лишь тогда, накинув халат, дрожа, он затрусил в дом. Впервые открыл холодильник и обнаружил в его бесконечных, морозно пахнущих внутренностях всё, чего бы мог пожелать вкусить или выпить современный человек. Выбрал на закуску заботливо порезанный и красиво уложенный в тарелку кусок красной рыбы, прихватил бутылку водки и уселся за стол. Телевизор работал (водитель-кабан не потрудился выключить), на экране бродили диковинные животные, диктор рассказывал о природе Австралии. “Это уже лучше”, — решил Царёв, по-хозяйски налил полный стакан водки, вспомнил про больное колено, намочил спиртным ладонь и растёр ушибленное место, и лишь потом опрокинул содержимое стакана в рот. Через некоторое время тепло разлилось по телу, и он успокоился. Кусочек красной рыбы, уложенный на ломоть чёрного хлеба, выглядел очаровательно, а на вкус изящный бутерброд оказался просто изумителен. Передача из Австралии показалась откровением самого пятого континента, и Пётр Петрович на время забыл неприятные события дня. А может, и навсегда. Он блуждал взглядом по просторам саванны, знакомился с аборигенами тех далёких земель — племенем маори, узнавал привычки кенгуру и восхищался умелостью тамошних фермеров, собирающих три урожая в год.

Сумерки за окном начинали сдавливать пространство света, где в одиночестве коротал отведённое благодетелем время отдыха писатель Царёв. Он подлил в стакан водки, но тут вспомнил о сигнальном экземпляре книги, который должен был просмотреть. Но где искать рукопись, не

знал, и брал ли он её из машины, не помнил. Оставив выпивку, поднялся наверх, открыл дверцы шкафа и обнаружил то, что хотел найти. Пробный экземпляр его новой книги был отпечатан на отличной белой бумаге в великолепной твёрдой обложке, а внушительный объём издания вызывал уважение даже у самого автора. Выпив оставленную на столе водку, начал просмотр. Чем дальше прочитывался текст, тем болезненней становилось ощущение, что книга уже живёт сама по себе. Она родилась и успела вырасти за тот период, когда он пытался устроить рукопись в редакциях журналов. Не удалось, но за это время его мытарств, ссор с редакторами, разочарований в людях, между ним и строками романа выросла стена отчуждения. Слова помнились, но казались чужими, а иные надсмехались над автором высокомерием ранних мыслей, более тонких и изящных, нежели нынешние, а может, и будущие литературные изыски. Он устарел — роман оказался намного современнее и своевременнее, а попытки прояснить некоторые мысли на страницах собственного произведения не удавались, он опередил себя и потому состарился, слова в строках романа торжествовали победу над временем и событиями в нём. Писатель очень скоро устал, закрыл книгу, не подчеркнув и не исправив ни единого слова. “Что же это такое происходит? — горестно вздохнул он. — Ведь я всегда оставался недоволен написанным ранее. А тут будто бы рад всему, что ни сказано. Очень странно. Наверное, правда, что мне нужно отдохнуть. Почему бы и нет? Зачем я себя мучаю? Чего мне не хватает? Баста. Просмотрю последнюю главу и на этом всё”. Но едва он снова открыл книгу, как вдруг среди строк появилось лицо Леона. Мёртвыми глазами он смотрел со страниц, потом в них сверкнул недобрый огонь. Буквы поплыли и исчезли с листа. “Ну и денёк”, — испуганно прошептал автор и захлопнул книгу.

После всех злоключений минувшего дня необъяснимое предчувствие опасности приступило к нему со своими беспокойными грёзами. В ночных шорохах и неожиданных вскриках ночных птиц за окном слышалось страдание оставленного им мира. Он боялся пошевелиться, в углах комнаты затаился страх и, казалось, что если произойдёт какое-либо движение, то ужас заполнит пространство и выйти отсюда будет невозможно. Снова пришло ощущение своей потерянности в глубинах необъятного Космоса. Это чувство сковало все его члены и мысли и, словно усталый сфинкс, с приросшим вместо туловища креслом, он замер, ничего не ожидая и ничего не страшась. В ушах свистел неведь откуда взявшийся ветер, уносящий прошлое, настоящее, оставляя малые надежды на будущее, и Царёв явственно и воочию узрел, как взбесившийся воздух понёсся над взлохмаченным штормом неизмеримым океанским простором, завихрил все узнаваемые события в клубок, вздыбился смерчем и исчез в пучине вод. Стало тихо, углы комнаты просветлели, кресло отделилось от своего пленника, он поднялся, облегчённо потянулся и отправился спать. “Утром пойду на реку. Там легко дышится, и нет леса”, — решил писатель, поднимаясь по лестнице.

Необычные происшествия дня породили усталость, и он быстро задремал. На время отступили мысли о любви и её постоянстве, грехопадении и святости, продолжение жизни оставлялось на следующий день, благодатный сон опутал непрозрачными сетями Морфея голову и тело писателя, вывернул сознание на потусторонние встречи, порою совершенно неясные в своей надобности, но они происходят, кем-то ограниченные по времени, и часто, проснувшись, становится жаль незаконченных видений

ночи. В этот раз ночь не подарила никаких волнений, сон случился непрерывен и тѐмен — без сновидений. Проснувшись под утро, он сразу почувствовал, что рядом кто-то есть. Рука потянулась в сторону ожидания тепла и натолкнулась на шелковистость кожи женского тела, задрожала, дрожь перекинулась на тьму комнаты, стала слышной, застучало сердце и, чтобы унять чувственную лихорадку, Царѐв прижался к найденному теплу и так остался ждать оживления предмета своей радости. Ада пошевелилась и обвила руками шею влюблённого писателя. Этот чувственный зов был тут же услышан любовником и, нашедши её губы, он сразу забыл обо всѐм, что когда-то происходило вокруг. “Ада, Ада”, — шептала ночь, и слух наслаждался произносимыми звуками милого имени. Страсть немедля срослась в объятия и ослабила их, когда иссякли её силы, и последний, едва слышный выдох любимого имени сладким изнеможением затрепетал на губах Царѐва, утро уже вкрадывалось через портьеру на окне и неровным светом высвечивало лицо девушки в ореоле разметавшихся по подушке волос.

После всех волнений в событиях, потрясших воображение Царѐва, в его душе и сердце неожиданно наступил покой. Он безмятежно валялся на постели, хотя утро ярким светом пронизало тяжѐлую ткань портьеры, не хотелось вставать с места, где простыня ещё теплела страстью любви. Улыбаясь воспоминаниям счастливых минут, он поднялся и тут понял причину хорошего настроения — Ада находилась рядом сегодня ночью и утром это тоже была она. Да, она и только она должна быть рядом с ним, и тогда счастье, наконец, улыбнѐтся ему прямо в лицо. До этой ночи он плохо представлял, что с ним происходило. Не помнил и не понимал, где находится, и какая фея приходила ночью, что за чудеса пугали своими колдовскими чарами в роще, какой-токой человек встретился утром на перекрёстке и о чём говорили его слова. Теперь всѐ стало по-другому, он видел девушку в свете раннего утра, спящую здесь, на этой постели, и это была Ада. Она есть, она существует, а более ничего не нужно, остальное у него есть. Царѐв раздвинул портьеры, и солнечный свет залил комнату. И утро есть — яркое, солнечное, замечательное.

Дни полетели, замелькали, как огоньки в окнах ночного поезда, но уже счастливые, ожидающие приближения того пространства, куда и спешит состав и где обновятся мысли, слова, и жизнь станет непохожей на прежнюю скуку души, исчезнут беды, и запестрят из нового календаря сутки, месяцы, годы любви и блаженства. Царѐв понимал, что таких чудес на свете не бывает, но душою, доверчиво обратившейся к юной любви, верил — так и произойдѐт потому, что там, куда спешат дни его гостевания на этой милой даче, ждѐт счастье, которое имеет своё имя — Ада. Она была здесь, рядом, но ждала его и там, где они должны встретиться уже навсегда. Он стал беззаботен, как мальчишка, гулял по утрам на реке, радостно спускался и поднимался по крутым берегам её поймы, бродил на дальние расстояния по каменистому руслу, ему нравились тихое одиночество и созвучное мирному течению воды мысленное созидание удивительных зарисовок, окрашиваемых причудливой формой слов, что казались ему началом будущих романов и даже стихотворений, которых он никогда не писал во взрослой жизни, а тех, что сочинял в юности, не помнил. Огромные камни, в обилии встречавшиеся на пути его продвижения

в юность, казались живыми и своей постоянной задумчивостью дополняли счастливое одиночество, а их вечная неподвижность подтверждала радость несуетного пребывания на земле. Царёв стал неуютим в этих походах, забирался всё дальше и дальше, хотелось увидеть начало истока, но русло в верховьях реки становилось узким, вода не давала прохода, а выбираться на берег он не имел желаний, там теснились дачные домики и жили люди, общение с которыми было противно тихой красоте природы. Силы его воспрянули, ноги легко скакали по камням, в руках появилась крепость, а в глазах живой блеск, и только тетрадь, что вручила ему Ада в начале встречи, оставалась забыта и пуста, как и вся прошлая жизнь. И даже когда писатель возвращался домой, усталый, полный восторга и мыслей, он не прикасался к перу. Купался у колодца, обедал, дремал в кресле у телевизора и ждал появления Ады, и когда она, наконец, приходила, у него пропадали все чувства, кроме желания наслаждаться движениями и улыбкой возлюбленной. Ожидание ночи утомляло его сознание, он тяготился мучительно долго тянувшимся временем вечерних часов и, не выдержав любовной пытки, пораньше укладывался в постель, ворочался, вздыхал, кашлял, призывая девушку последовать за ним на ложе любви. Но Ада приходила поздно, когда сон морил чувства и недовольное сознание засыпало, и только ближе к рассвету она дарила ему свою близость и исчезала, когда комната наполнялась светом. Но даже такая не очень ясная радость овладела им полностью, покорила разум, объединила все стремления в одно желание — обладать девушкой не периодически, а всегда — вечно. Влюблённые категоричны, и в этом их сила и слабость. Скорее, слабость потому, как в период безумной влюблённости мужчина подвержен опасности остаться навсегда безголовым самцом. Забывший о себе и творчестве, Царёв никак не думал о таких пустяках, он чувствовал пробуждение сил, которые дарила любовь, всепоглощающая страсть терзала душу и тело, принося радость новизны в его жизнь.

Забыв счёт и названия дней, он и в это утро бродил по реке и возвращался домой в самом благостном расположении духа, когда увидел у ворот чёрный автомобиль. Сердце вздрогнуло от недоброго предчувствия.

— А вот и наш отпускник, — встретил его у двери Леон. — Посвежел. Воздух вам на пользу, Пётр Петрович. Но собирайтесь, едем домой, в город.

— Да, конечно, но я хотел бы... — замялся Царёв.

— Попрощаться? Не стоит. Да и прощаться здесь не с кем, — Леон повёл рукою вокруг. Уныло опустив голову, писатель отправился переодеться, по пути соображая о продолжении разговора.

— А Ада, она где? — спустившись вниз, спросил он.

— Нигде. Её больше нет.

— Как нет? Она была здесь, со мной. Я бы хотел и дальше быть с ней. В конце концов, я могу на ней жениться, — отчаянно выпалил Царёв.

— Не можете, — спокойно возразил Леон. — Ада не существует. Она плод вашего творческого воображения. Призрак, подаривший вам мгновения радости, не более того. Уверяю вас — всё пройдёт, едва мы переберёмся в город. Нельзя серьёзно воспринимать любовь к женщине. Тем более к той, которую больше никогда не увидите. Напишите о своём пережитом счастье, и чувства ваши станут вечными, на бумаге.

— Но вы не можете так поступить. Я люблю Аду, — восстал дух влюблённого.

— Могу. Потому что желаю вам только хорошего. От начала своего сотворения мужчина никогда ещё не бывал счастлив рядом с женщиной. В крайнем случае — надолго. Даже в раю, ради соблазна, Ева предала Адама, скормив ему остатки запретного плода, чтобы разделить с ним ответственность за содеянное ею зло. В результате был потерян рай — беззаботное человеческое детство. И виновна в этом женщина. Это причудливое создание только форма, наполненная соблазнами, грозящими мужчинам крупными неприятностями. Я ненавижу женщин, они не позволяют человеку вернуться в райские кущи. Ну да об этом мы ещё с вами поговорим. А сейчас в путь, — категорично отмёл все будущие возражения Леон.

Усевшись в автомобиль, Царёв почувствовал такую тоску, будто его заключили в темницу на вечный срок. Не существовало никакого выхода из этого мрачного пространства, кроме побега, но как и куда бежать, автор романа не ведал даже в самых фантастических помыслах. Трудно было вообразить, что слова Леона несут неотвратимость разлуки с Адой. “Не может быть, он наверняка шутит”, — билась надеждой мысль в голове Царёва. Он боялся обратного и потому молчал, чтобы не приблизить окончательное разочарование. По мере приближения к городу стало казаться, что всё произошедшее ранее — сладкий сон, пронёсшийся в ночи как весенний ветер, пахнувший осенней жаркой листвою, укладывающейся немислимыми узорами на остывающую ко времени зимы землю. Этими узорами расцветало лицо Ады, разметавшей волосы на подушке тем утром, когда он не мог наглядеться на случившееся чудо своей любви. Он не пытался убедить себя в нереальности произошедшего, находился где-то на границе были и сна, но слова отрицания в существовании девушки, пронесённые Леоном, склоняли мысли к мистическому восприятию времени присутствия на даче. По дороге к дому писатель впал в состояние полной апатии, и только при лёгком потряхивании автомобиля как бы пробуждался, но тотчас пропадал на необозримых просторах видений утомлённого разума. Мелькали, как искры, эпизоды из прошлой жизни, они угнетали своей беспризорностью, неприкаянностью, саднили болью обид, вздрагивали, когда среди безобразного хаоса неудач вспыхивал красивый образ Ады, тогда он открывал глаза, и видения пропадали, и вот в одно из таких прозрений перед открытым взором вырос город, и машина запетляла по его, обрамлённым желтизной осенних деревьев, улицам.

— Вот мы и дома, — послышалось с заднего сидения. Машина остановилась, но Царёв не спешил выходить. Он не узнавал своего жилища. Всё вокруг было ему знакомо, а вот сам дом изменил окраску, высоту и все прочие архитектурные особенности своего бывшего присутствия на этом месте.

— Что это? — спросил Пётр Петрович, не узнавая родного дома.

— Я подумал, что великому писателю не подобает жить в старом, обветшалом доме, и попросил своего архитектора создать строение, достойное хозяина. Простите, что не посоветовался с вами, но кажется, получилось неплохо. Зная о вашем отверженном ныне обществом консерватизме, постройку исполнена в стиле ретро. Поглядите, какой чудный балкон, стоя на нём, будет легко размышлять, объединяя прошлое и грядущее. И потом, после выхода романа будет много гостей — умных, глухих, всяких, что явятся вас поздравить. Нужно их будет достойно принять, чтобы видели, что Пётр

Петрович не только умеет хорошо писать, но и живёт вполне прилично. Нужно привыкать к славе, а это первые шаги на пути к ней, — Леон указал на новый дом. Царёв не сумел ничего возразить, хотя было очень жаль старых уютных комнат, белёных потолков, зелёных ставней, скрипучих половиц, которые воспроизводили звуками настроение жильца, всё это помнилось с детства и всегда жаль потерять такие простые, родные взгляду вещи и звуки так неожиданно и скоро. По уложенной плиткой дорожке Царёв подошёл к крыльцу, осмотрел фасад дома вблизи. Леон намеренно отстал, давая возможность хозяину привыкнуть к новой обстановке. Пара белых колонн, что поддерживали небольшой по размеру, резного дерева, балкон, красноватое, как и плита дорожки, крыльцо, большие светлые окна, тяжёлые с вида деревянные двери тёмно-коричневого цвета — и всё новое, нетронутое, дополненное чистотой осеннего света, сияло свежестью.

— Возьмите ключ, Пётр Петрович, — раздался позади голос Леона. — Сегодня вам предстоит знакомство с новым домом и книгой, что вы найдёте внутри, а завтра состоится её презентация в зале нашей редакции. Народу будет много, так что извольте подготовиться. Забудьте о прочих делах, устраивайтесь в новом доме, а вечером я к вам загляну.

Тяжеловесные двери на удивление легко растворились, и хозяин оказался в сверкающей зеркалами передней. Понурое его отражение в них никак не сочеталось с белизной стен, лакированным паркетом и зеркальными платяными шкапами. В своём старом, выдавшем виды костюме он не вписывался в интерьер даже прихожей своего дома. Не ощущал радости возвращения, а все новости в судьбе, новый дом, другие события начинали тяготить своей невыносимой скоростью. Царёв ослабел уже от начала впечатлений и пошёл дальше в глубь дома с одним желанием где-нибудь прилечь. Прошёл по наполненной сверкающим хрусталём люстры и новой мебелью зале, нашёл уютную комнатку с небольшой софой и завалился на неё прямо в одежде, сняв лишь пиджак и башмаки, и пропал в пространстве, где громоздились мрачные, безрадостные мысли.

“Глупости всё это, — подумал Царёв, то ли проснувшись, а может, просто очнувшись в маленькой уютной комнатке, разглядывая гладкий светло-синий потолок. — Мне помогают, а нам ещё и не нравится. Прошлого жаль. Молока давно в долг не брал. Живи, радуйся. Заботятся о тебе, о твоём таланте, а ты всё недоволен. Свойство каждого маломальского писателя — всегда быть чем-то недовольным, даже хорошей жизнью. Поэты, наверное, единственные люди, что помнят небесный рай, и потому приемлют земную жизнь как случившееся с ними несчастье. Причём только с ними, остальные земляне не в счёт. Зачем их считать, если многие не помнят события вчерашнего дня, а уж счастливое детство человечества и подавно. Вставать надо и делом заниматься — рай трудом человеческим возвернётся. Дом осмотреть надобно, вдруг придёт кто-нибудь, а хозяин и сам здесь будто чужой. Привыкать к славе будем прямо сегодня, сейчас”. Осмотром дома он остался доволен. Наверху просторная спальня с мягким ковром на полу, широкой кроватью, плотными шторами на окнах была наполнена тишиной, что и навевало покой в состоянии души. Рядом небольшой кабинет с письменным столом, шкапами, в которых Пётр Петрович обнаружил свои бумаги — старые рукописи, всё в отдельных папках (он вспомнил всегдашнюю неразбериху своего архива, долгие поиски нужных произведений и поблагодарил кого-то за наведённый порядок),

пронумерованных и разложенных в степени исчисления. “Как же это можно за неделю успеть обустроить дом, разобрать бумаги, ещё и обстановку сменить”, — неопределённо подумал он. Спустившись вниз, прошёлся по гостиной, уставленной мягкими диванами и стульями с большим круглым столом посередине. Широкие окна наполняли комнату ровным дневным светом. В соседней зале лакированный паркетный пол приглашал к танцам, а кресла и диваны к отдыху под декоративными деревьями, растущими в деревянных кадках, и любованию домашними цветами, весёлыми красками облепившими подоконники. Кухня блестела посудой и современной техникой, какую Царёв видел только в телевизионной рекламе, а в противоположной стороне дома он обнаружил туалетную комнату и душ с горячей водой, что его искренне обрадовало: “За холодной водой за два квартала ходил в колонку, а тут кипяток в кране и сколько хочешь. Чудеса, не поверишь”. Познакомившись с убранством комнат, интерьером стен, окон и потолков и вновь поднявшись на второй этаж, нашёл в кабинете упаковку книг своего романа, распаковал, и в его руках зашуршала страницами, пахнущая типографией, красочная и довольно увесистая книга. С оборотной стороны жёсткой обложки на него смотрел он сам, с фотографии, которой не помнил, и где, стоя под раскидистой берёзой, возрастом моложе нынешнего, улыбался чему-то открыто и смело. На фасаде обложки молодой человек, уже подготовив для своей шеи петлю, смотрел через этот гибельный размер на светлеющий невдалеке православный храм. “На лету схватывают тему, — удовлетворённо подумал автор. — Фотография, конечно, хороша, но откуда взялась — вопрос. Не забыть спросить Леона о дизайне книжной обложки, откуда эти фантазии”, — решил Царёв и увлёкся чтением собственного сочинения. Старые переживания захватили воображение автора, и он перенёсся во времена рождения произведения, когда бродил по улицам города, обдумывая сюжеты, где герои подчас оказывали сопротивление его замыслу и заводили мысли в такие дебри, откуда часто становилось трудно выбирать, но он не ограничивал их свободы и усматривал в этих вольностях справедливость нелёгкого писательского труда, где в удивительных лабиринтах мысли обнаруживались совершенно неожиданные движения человеческих намерений, начисто отвергающих прежние, еще недавно явственно слышимые мотивы произведения, и нередко требовали переосмысления работы над ним. Он возвращался домой, что-то переписывал заново, вставлял в уже определённые линии сюжетов выверты своих неугомонных, непредсказуемых героев и наслаждался незаконченностью распределения ролей, главных и нет, посредственных и великих, и оставался после перемен действий в событиях романа доволен своей режиссурой в жизни вымышленного им мира. В отличие от небольших рассказов, что он писал и печатал в газетах и журналах, где герой в своём одиночестве был обречён совершать поступки, согласные замыслу писателя, не успевая отклоняться от означенной судьбой дороги, которая уже к началу написания в своём истоке имела придуманное окончание, и образы действующих лиц раскрывались скорыми движениями мысли и пера, не давая времени возникнуть искажениям в рядах повествования, роман не поддавался быстрым решениям, его герои отчаянно спорили с автором, предлагая свои пути, определяющие их жизнь в книге, и даже мелкие поступки вдруг становились судьбоносными и выделялись высшими категориями человеческих

качеств. Часто продолжение написания романа тормозилось из-за упрямства героя или героини, их нежелания вращаться в оболочку, придуманную автором. Стройность композиции распадалась, мысли разбивались на малые формы, а содержание некоторых глав романа становилось бессмыслицей. Тогда писатель уходил из дома, заглядывал к кому-нибудь в гости, отвлекался от переживаний, но, оставшись в одиночестве, дискутировал со своими героями о продолжении действий в ареале оных на страницах книги. И вот роман закончен и книга — доказательство окончания событий, заключённых в ней, читается автором как чужое произведение, творение незнакомого вдохновения, потому что создавалась усилиями творца, но созданные по образу и подобию живые существа перехватили инициативу в продолжение своей жизни и дописали картину бытия красками, отличными от замысла создателя. И потому по мере перелистывания страниц росло напряжение на лице Петра Петровича. Он не справлялся с полётом мысли своего раннего вдохновения и вскоре, устав от недопонимания высказанных в прошлом слов, захлопнул книгу. “Недолго и свихнуться. Для того чтобы писать новое, надо забыть всё содеянное вперёд. Так говорили великие люди. Забыть, забыть и не вспоминать”, — он оделся и вышел прогуляться в город, где отсутствовал целую неделю.

Захватив книгу, Царёв отправился на окраину города, на улицу Навои, к своему другу — поэту Никитину. Поделиться радостью и услышать отзыв друга на своё многострадальное произведение было естественным желанием автора. Ещё никто ничего не сказал о вышедшей книге, и хотя хорошо организованная презентация романа, несомненно, вызовет всплеск критических статей, но мнение близкого по духу человека всегда важнее оценок продажных литературоведов, зачастую судящих об изданных книгах по дизайну обложки и мельтешению писателя в околотитурных тусовках. Природа городского ландшафта уже готовилась к зимнему сну, многие деревья сбросили листву, сквозь их голые ветви просвечивало мутное осеннее небо, и только красавицы-ели чудными тёмно-зелёными свечами тянулись ввысь, радуясь наступающей зиме, ожидая, когда снег украсит их ветви белоснежным одеянием и они станут самыми красивыми созданиями природы в шубках из настоящего небесного меха. Пётр Петрович любил свой городок и пристально всматривался в остатки отчаянной красоты облетающих листьев, поднял несколько из них и с этим полыхающим огнём осенним букетом в руке постучал в калитку дома Никитина. Хозяин появился не сразу, но, закрыв собаку в будке и дождавшись, когда друг войдёт во двор, радостно облапил его за плечи и, не убирая рук, повёл в дом.

— Где ты пропадаешь, Петруха? Тут такие дела происходят. Фаерфас, твой друг, изволил отдать концы прямо на заседании литературного совета. На посту преставился, представляешь? Не знаю, как кому, а мне его жаль. Зануда, конечно, был, но отличал ремесло от искусства. Журнал на нём держался, и пусть половина страниц заполнялась всяческой мурой, но парой неожиданных и смелых вещей, откопанных им среди тонн макулатуры, поддерживался живой читательский интерес к “Горизонту”.

Царёв даже остановился от такого известия. Недавний сон явно проявился в сознании писателя, и он, слушая Никитина, лихорадочно искал связь между видением и явью, тем прозрением, которому он не придал

особого значения, и смертью редактора, отправившемуся на его глазах в потусторонние дали. Стало страшно, он плюхнулся в кресло у стола и сделал вид, что переживает по поводу неожиданной кончины Фаерфаса. Но пугало его другое — слова покойного, сказанные в том вещем сне: “Ты в начале пути и хозяин твой уже рядом”. Что бы такое это могло значить? Фантазмагория сна, но Фаерфас-то упокоился по-настоящему. Может, хотел подарить новый сюжет столь необычным способом? Говорил же он потом беззвучно, но понятно, со стены о писательском провидении. Поиски ответа прервал хозяин дома, отсутствовавший некоторое время и появившийся под руку с миловидной молодой женщиной.

— Знакомся, Пётр Петрович, моя сестра Алевтина, приехала из Красноярска навестить брата. Так что сегодня у нас праздник в честь желанной гостьи. — Царёв поднялся, поклонился и сразу растерял мрачные думы, весь отдавшись приятному созерцанию женской, не то чтобы невиданной, но какой-то заповедной, красоты. Полное круглое лицо, алые, не тронутые помадой губы, чёрные, будто насурьмленные брови и корона из волос, заплетённых в косу, сверкающих антрацитом, венчала голову женщины. Тёмные, глубокие, как ночь, глаза её вздрогнули тёплым светом, когда она подала руку гостю, и щёки от волнения зарумянились.

— Аля, — выдохнула она своё имя, и Царёв, прикоснувшись губами к маленькой, спрятавшейся у него в ладони руке назвал себя. Его поразили бездонные глаза женщины, и он задержался в их дивном пространстве, забыв о причине своего прихода, и ожидание хозяина не смущало его искреннего восхищения чистотою взгляда сибирской гостьи.

— Как там Красноярск? — задал он лучший в своём состоянии вопрос.

— Стоит. На том же месте, что и много лет назад, — улыбнулась начав его пробуждения Аля. Её мягкий, похожий на улыбку голос окончательно очаровал писателя и, присев в кресло, он вознамерился слушать женщину, но она вышла в другую комнату, а её присутствие сменил Никитин.

— Что, с первого взгляда? Я не против, влюбляйся. Но вначале нужно хотя бы стол накрыть. Не возражаешь?

— Нет, — согласился гость и, вспомнив о причине визита, достал книгу. — Вот, издали. Дарю.

— О, это уже серьёзно. Поздравляю. Рад за тебя, очень рад. Прочту сразу же. Теперь у нас два праздника, — обратился он к сестре, вносящей на широком блюде круглый румяный пирог. Потом появились дымящиеся вареники, рыба, варёная баранина и салаты — красиво уложенные овощи в зелени, среди которых аппетитно выглядывали кусочки крабового мяса и морские водоросли. Запотевший графин хозяйского самогона, настоящий на ягодах красной рябины, алел в центре стола.

— Давайте выпьем за искусство, которое пополнилось новым произведением, надеюсь, оно станет украшением нашей литературы. За тебя, Пётр, дай Бог новых вдохновений в творчестве и жизни, — хозяин стоя осушил рюмку.

Царёв тоже выпил, и тепло разлилось по телу, воздуху, стало уютно и светло то ли от напитка, а может, от сказанных добрых слов, или это присутствие милой женщины создало атмосферу праздника в давно знакомом, дружеском доме. Но тут во дворе совсем дико и отчаянно залаяла собака, слышалось даже, как она билась в запертой будке, пытаясь вырваться на волю. “Леон”, — определил по бешенству собачьего лая Царёв, и тот тут же вступил на порог дома.

— О, да я вижу у вас тут пир горой. Вы уж извините, неотложное дело, — вместо приветствия проговорил вошедший. — Хотел многое сказать, но в дороге от вашего дома, Пётр Петрович, сюда, слова растерялись, потому буду краток. Презентация книги завтра в 17 часов, но вы, Пётр Петрович, приготовьтесь пораньше, за вами заедут, нужно будет ознакомиться со сценарием вечера. Оденьтесь приличнее. У вас в доме, в платяном шкафу, я оставил свои подарки, привезённые из Парижа. Думаю, одежда будет вам в самый раз. Приглашайте своих друзей, — Леон положил на стол пачку новеньких абонементов. — Жду вас непременно. А теперь не буду мешать вашему празднику.

— Но позвольте, разве так уходят? Попробуйте пирога, напитка, — поднялся гостеприимный хозяин.

— Только несколько минут, — Леон присел, скинув на спинку стула чёрный длиннополый плащ. Тёмный с блестящей костюм, белоснежная рубашка с чёрной бабочкой, чёткий пробор меж смоляных напомаженных волос, бледность чересчур красивого, но холодного лица, учтивость и независимость взгляда завораживали и оставляли гостям и хозяевам лишь роль присутствия при появлении и действиях этого человека. Он не раздражал своим видом и поведением, но и не радовал, и почему-то хотелось быстрее избавиться от напряжения атмосферы воздуха, внесённого его приходом, но хлебосольство хозяина не позволило сразу отпустить загадочного гостя.

— Я хочу выпить за поэзию. Мои знакомства с великими поэтами, состоявшиеся в разные годы, столетия и эпохи, подарили мне несколько необычные переживания. Вергилий и Данте, Шекспир и Гёте, Байрон и Пушкин, Блок и Хлебников бывали моими друзьями и восхищали строками своих произведений. Наступило время познать нынешнюю поэзию и дать оценку её творцам. За вас, чья душа ещё помнит красу цветения райских садов, — Леон выпил, ни с кем не чокнувшись и, подставив тарелку под кусок пирога, поданный Алей, принялся закусывать.

— Вы имели в виду произведения поэтов, о дружбе с которыми сейчас говорилось, — после небольшой паузы подал голос Никитин.

— Конечно, как вам будет угодно. Дружба в том и состоит, чтобы похитить душу, наслаждаться необычайной красотой таящихся в ней чувств, а потом, может быть, вернуть всё это хозяину, а лучше впитать в себя душевные качества друга, а ему взамен предложить другие, земные блага. Петрарке — Лауру, Лермонтову — гордыню, Гоголю — сумасшествие. На свете много вещей, что достойны подмены души. Однако мне пора. До завтра, — взмахнул крылами чёрный плащ, залился во дворе свирепым лаем верный пёс, а застолье поблёкло в веселии и стало оживать только после вопроса Али:

— А кто он, этот человек?

— Не знаю, — честно признался Царёв. — Он издал мою книгу, но даже причины этого поступка неясны. Завтра на представлении романа на публике, может быть, и прояснится подоплёка его участия в моей судьбе.

— Дай-то Господь. Подождём завтрашнего вечера, а потом, не торопясь, обсудим наши скорбные мысли и дела. У нас праздник или похороны? Сестрица, ты бы спела нам чего-нибудь повеселее, — и хозяин снял со стены гитару. Алевтина, не отказываясь, прошла по струнам, пощипывая их длинными красивыми пальцами, подтянула колки, и первые же аккорды возвестили, что инструмент попал в руки профессионала. Следом за музыкальным вступлением, переборным звучанием струн которого наполнилась

комната, полился ровный, чистый, как свет утреннего неба, голос: “В горнице моей светло...” и, право же, Царёв почувствовал, как осветился воздух над столом. Запахло цветущим клевером, сенокосом, зубы заломило от вкуса ледяной колодезной воды, что принесла матушка, и тёплые струи ветра, вырвавшиеся из-под пальцев от струн гитары, и голос певицы обдали памятью из радостной поры детства. Песня кончилась, струны смолкли, зажатые ладонью, а молчание слушателей осталось — как переживание одного из лучших моментов в долгом и беспокойном течении дней и лет жизни. Переполнившись благодарностью за подаренные прекрасные мгновения слов и звуков, Царёв поднялся и поцеловал Алевтину в уголок губ, мягко очерченных милой, рассеянной улыбкой. Женщина благодарно прикрыла глаза, а мужчины встали, и тост прозвучал сам собою:

— За вас, за минуты незабываемого, волнующего счастья. — Да, оно существовало, это волнение, пронзительное, изошедшее от волос женщины, когда писатель приблизился к её лицу с поцелуем, и даже отошедши, он продолжал ловить нечто вроде аромата осенних сновидений, где очень редко появлялись милые лица, пахнущие весной. Сны стали явью, эпизод одного из них сидел за столом в образе нежного, небесного создания, и держал на коленях гитару, остальное растворилось в небытии, нирване. Там легко и весело подымались тосты, и слова звучали внятно и достоверно, и от дружелюбия людей и произносимых слов застолье ширилось, мужчины не только славословили, но и подпевали знакомым словам песен, а в перерывах звенели бокалы, и звонкий женский смех будоражил вкрадывающийся через окна сумрак, а художественный слух Царёва напряжённо вылавливал из звуков песен и разговора слова внимания, обращённые к нему. Ему хотелось этих знаков, и пока он не знал зачем, но интуитивно чувствовал необходимость этих улыбок и взглядов, адресованных только ему. Неожиданно вспомнились Ада, дача, свобода прогулок, и грусть полонила его мысли. Эта резкая перемена настроения, будто чья-то месть за радость встречи с другом и его сестрой, опустошила сознание Царёва, отвлекла от восприятия праздника и, поняв, что горечь памяти недавнего отдыха будет усугубляться тоской и может омрачить весёлое настроение участников этого удивительного вечера, гость засобирился домой. Подписав два пригласительных билета на праздничный завтрашний вечер, он вышел из дому в сопровождении Алевтины. За калиткой женщина взяла его руки в свои и тихо проговорила:

— Не думайте сегодня ни о чём. Завтра я смогу быть рядом с вами. Не грустите, — и она, отпустив его руки, пригладила волос на голове Царёва, как это делают матери, желая успокоить огорчённых первыми неудачами детей. Большой ребёнок благоговейно прижал нежную ладонь к своему лицу, но, испугавшись навернувшихся на глаза слёз, низко поклонился и, резко развернувшись, зашагал в сторону дома. “Завтра всё разрешится. Или пан, или пропал”, — подумал он, укладываясь спать в маленькой комнате своего большого дома.

Поднявшись рано утром в бодром состоянии духа и хорошо отдохнувши телесно, Царёв вышел во двор размяться, но не нашёл старых деревьев, между которыми была вбита металлическая перекладина, заменявшая турник. Сад посвежел от посадок молодых плодовых деревьев, голых

и, казалось, совершенно беззащитных перед наступающей зимой, но по всему периметру садовой изгороди распушились довольно взрослые ели, до полутора метров высоты, чтобы защитить юные, нежные побеги от холодного ветра, до поры вступления в зрелую крепость их стволов и ветвей. От ворот вдоль дорожки высадился десант черенков роз, присыпанный у корней жёлтыми опилками. “Ну что ж, совсем неплохо, — констатировал свершившийся факт исчезновения старого сада старо-новый хозяин и вспомнил строки своего давнего стихотворения: “Хочу дом большой, чтобы розы к дверям \, Чтобы маленький гном сумрак плёл по углам”. Будет или нет домовый исполнять свою мелкую работу — вопрос времени, но розы к подъезду уже есть”. С такими добрыми мыслями он прошёлся туда-сюда по дорожке, сделал несколько дыхательных упражнений и вернулся в дом. Хотел было чего-нибудь закусить, но вспомнил, что нужно приготовить одежду на вечер, прошёл в спальню и открыл шкаф. “Боже мой”, — только и вымолвил будущий денди, увидев целый ряд разноцветных пиджаков, топорщащихся пустыми рукавами на вешалках. Нашёл в другом отделении шкафа светлую в полоску рубашку и на неё стал примерять костюмы, сразу же отвергая один за другим. Слишком уж необычной казалась одежда, хотя приходилась впору по всем параметрам. Наконец ему понравился тёмный элегантный костюм, его пошив не стеснял движения, стройнил мощную фигуру Царёва, не бросался в глаза цветом, но определял своим видом хороший вкус владельца. Галстук, подвешенный к рубашке, писатель убрал сразу — никогда не носил и не желал изменять этому правилу. Из обувных коробок, стоявших понизу шкафа, выбрал чёрные без глянца башмаки на небольшом каблучке и, оставшись довольным нарядом и собой в нём, разложил вещи на кровати и направился на кухню, завтракать. Уверенность в будущем успехе уже ощущалась в его движениях, ставших лёгкими и немного барскими. Он с аппетитом закусил сыром и ветчиной, найденными в холодильнике, выпил крепкого чая и пошёл в кабинет готовиться к встрече с читателями и почитателями своего таланта. Он всегда разделял эти две категории ценителей литературы. Одни ценят саму книгу, слово, умение автора создавать неожиданные в своей новизне образы и сюжеты, саму вязь языка, влекущего в прекрасный мир изящной словесности, и иных любителей встреч с писателями, обожающих сам предмет своего восторга, ищущих момента, где можно будет заявить о своём близком присутствии к знаменитости. Он любил и тех, и других. Понимание первых давалось трудно — они многое знали и понимали в литературе, не терпели фальши и искренне радовались находкам на страницах известных, новых и совсем забытых произведений, никогда не пытались пробиться сквозь толпу поклонников, чтобы упасть на грудь поэта и остаться в истории в обнимку с будущим памятником. Эти люди приходили на литературные собрания не ради торжества и чествований, а для утверждения каких-то своих особых впечатлений от прочитанной книги. Именно от них расходились круги читательской популярности, в тайных лабиринтах которых, минуя критиков и болтунов, создавались общественное мнение и покупательский спрос на книгу, независимые от красочности обложки и увесистости фолианта. За читателями в книжную лавку приходили почитатели, покупали большие тома и просто книжницы, сперва из тщеславия приобщения к мудрости вечного, но понемногу выучивались поиску тревожных и счастливых событий в литературных изысках мастеров

художественного вымысла и пополняли, таким образом, незаметное сообщество ценителей настоящего искусства. К будущим своим читателям и хотел в первую очередь обратиться автор и, забыв о минувших, не совсем понятных событиях, приступил к подготовке выступления на предстоящей презентации изданной книги.

В половине пятого, вечернего часа, Пётр Петрович вышел из дома, спрятав, однако, до времени начала встречи под старым, но ещё вполне приличным плащом роскошный костюм, подаренный Леоном. Перед уходом он, заглянув в зеркало, поразился перемене облика неудачливого писателя на образ уверенного в себе джентльмена нездешнего происхождения, будто бы не только одежда, но и он сам прибыл из-за семи морей для того, чтобы удивить местную публику своим временным присутствием. Но и под новой изысканной одеждой билось доброе, страдающее от невысказанности и непонимания сердце, горела жаждой воскрешения в творчестве и общении душа, и когда у ворот его дома остановился прибывший за ним автомобиль, он вдруг понял, что ему дан шанс и должно употребить этот случай, чтобы выйти победителем в схватке за читательский интерес и самому убедиться в надобности своих произведений.

Здание издательства “Христофор Колумб” полыхало яркими огнями, широко раздвигая осенние ранние сумерки. Асфальтированную площадку перед входом облепили легковые машины разных мастей и размеров. “Что это за народ такой прикатил? Такие авто не всякому по карману”, — подумал Царёв, и не зря. У гардероба его встретил швейцар в ливрее с галунами, забрал плащ и, махнув пушистой щёткой по плечам, проводил и отворил двери в зал торжеств, и когда будущий триумфатор вошёл, то сразу понял, что здесь состоится праздник по какому-то другому поводу, а он служит лишь некоей причиной этого собрания людей. В большом, ярко освещённом зале стояли столы, накрытые на четыре, шесть и более персон, а за ними сидели расфранчённые, с умопомрачительными причёсками дамы с кавалерами, не уступающими им в желании блеснуть одеждой, лысиной на голове, золотом очков и побрякушками на руках. Он было замешкался, желая определиться в этом обществе, но его тут же препроводили на сцену, где редактор издательства, казавшийся ещё более обугленным, в белоснежной рубашке и светлом фраке, пожал ему руку и начал призывать публику к вниманию. Пётр Петрович огляделся, но за ближними к сцене столами не заметил знакомых лиц, и только в дальней стороне зала ему махали руки людей, трудно узнаваемых даже в ярком свете. Но вот у середины зала, у стены, поднялась богатырского сложения фигура и приветственно подняла руку. Царёв узнал поэта Никитина и тут же успокоился: “Не все чужие, и свои пришли. Поддержат, если что”, — пронеслось в голове, но от чего и зачем его нужно будет защищать, он не представлял. Пока издатель делал представление книги и автора, а у него оказался голос оратора и талант конференсье, Царёв приходил в себя от первого впечатления своей ненужности на этом празднике и озирался, желая найти людей и предметы, свидетельствующие об обратном. Взгляд его упёрся в постамент, на котором возвышался больший макет его книги, в развёрнутом виде, красочной обложкой обёрнутый в зал, к зрителям. Редактор “Колумба” заливался соловьём, сыпал шутками, возбуждая интерес присутствующих к происходящему на сцене, и в первую очередь к персоне Петра Петровича. Но необычность явления такого масштаба в своей жизни заставляли писателя искать

и другие признаки внимания личного характера. И он, казалось, находил их в макете изданного произведения, взмахах рук, улыбках на лицах, словах редактора и уже ждал начала своего общения с публикой. Правда, его смутило внимание семи старцев, сидевших за столом прямо у сцены. Все они были одеты в длиннополые кафтаны, распахнутые книзу. Седые бороды густо окаймляли благообразные, ещё свежие лица с живыми глазами, головы их прикрывали шапочки из чёрного атласа, похожие на головной убор римского папы. В центре стола в старинном рогате подсвечнике горело семь толстых свечей, несмотря на яркое электрическое освещение. Старцы воззрели свои взгляды на автора и оживлённо обсуждали какие-то мнения, пытаясь жестиковать, чему мешали длинные рукава кафтанов, где терялись ладони рук. Совсем не слушая слов выступающего, они говорили между собой, прихлёбывая из бокалов вино и закусывая чёрным виноградом. Разговор явно шёл о виновнике торжества, они обсуждали предмет, часто взглядывая на стоявшего в немом ожидании Царёва и даже указывая на него сухими пальцами, вытягивая их из рукавов одежды. Было в их поведении что-то предельно независимое — они пришли сюда не слушать, а обсудить нечто важное для себя. Общество этих довольно нелепо одетых старцев существовало само по себе, отдельно от человеческой суеты и, судя по бородам и средневековым одеяниям, очень давно — может, сотни, тысячи лет, возможно, менялось только наполнение кафтанов и ермолок, всё остальное оставалось прежним — мысли, дела, видение мира. “Зачем они-то сюда пришли, эти мудрецы”, — недоумевал автор новоизданной книги. И вдруг осознал, что эти старики и есть персона грата, определяющие главенство ролей в высоком нынешнем собрании. И его творчество они рассматривают как объект, подлежащий достройке до необходимой величины, либо разрушению до основания. “Это от волнения, — процитировал Царёв себе свои мысли о чудных стариках. — Деда как деда, может, общество какое-то или сектанты-книгочей”, — и тут же редактор Роман передал ему микрофон.

Многое хотелось высказать Царёву и залу и миру, но поначалу он смелся и, только рассказывая о работе над замыслом романа и его написанием, увлёкся, и речь окрасилась живыми оборотами слов и фразами, достойными самобытного таланта писателя. Он жил в словах, извлекал их из прошлого, вдыхал душу, оживляя этим глаза присутствующих в зале, и когда почувствовал духовную связь с небытием во времени, что осталось на страницах книги, прочёл несколько отрывков прошлых мыслей, изложенных в романе, и удивился, вдруг услышав аплодисменты, которыми, встав, наградила его речь публика. Писатель одинок и представляет своё одиночество как некую свободу от чужого присутствия в том пространстве, где он живёт, часто не приемлет внимания незнакомых и даже родных людей к своей жизни и потому боится обсуждения своего творчества более чем невнимания к нему. И теперь хлопотливые звуки бурных оваций так взбудоражили слух похожестью на смех, что он, пожав руку редактору, быстро спустился в зал, пересёк его по диагонали и оказался в кресле за столом между поэтом-другом Никитиным и его сестрой Алевтиной.

За уходом автора со сцены к микрофону потянулись критики с якобы своим особым мнением, редакторы журналов долго и нудно расхваливали свои издания, каждое претендующее на исключительность в мире литературы, команды своих редакций, ежечасно отделяющих зёрна таланта

от плевал посредственности под мудрым руководством и неусыпным оком главного, чью справедливость трудно оспорить, если он сам оповещает о том с трибуны. Им пытались задавать вопросы о трудностях, возникающих на пути молодых авторов в период роста, невозможности проникновения на страницы популярных изданий произведений авторов без имени или протекции, но дискуссии не получилось, ответ звучал единственный из всех уст: “Приходите, поговорим”, — что означало: “Проходите, у нас свой клуб и свои интересы в нём”. Ничего нового для себя никто не услышал, не узнал, не определился, и потому вскоре зал успокоился на достигнутом, и когда на сцене появились дети, одетые в чудные ангельские наряды с крыльшками за спиной, публика оживилась, и все глаза устремились на действие в желании отдохновения от напрасных фантазий ожидания нежданного обретения неуловимой славы. Дети, чьи белые одежды дополнялись золотом кудрей на прелестных головках, пели, танцевали, исчезали за кулисами и возникали вновь в костюмах герцогов, князей, баронов, фрейлин, а то внезапно перед взором публики вырастали декорации древнего Рима, и маленькие гладиаторы сражались короткими мечами на арене Колизея. Спектакль сопровождался изумительной по звучанию музыкой всех народов, соотносительно ко времени происходящих на сцене событий. Зрители ликовали, забыв обо всём на свете, они упивались радостью зрелища и чародейством маленьких артистов. И вот, запрятав золотые кудри под красные фески, дети танцуют экзотический турецкий танец, но взмах руки дирижёра, и уже гарем восточного владыки предстаёт перед глазами ошеломлённых зрителей, где наложницы водят вокруг восседающего на подушках султана томительный, как любовное ожидание, хоровод, и тела их трепещут под тонкими узорными покрывалами. Их сменяют зажигательная, представляющая целую эпоху танца испанского юга — фламенко, печальная еврейская хора у освещённой рампы стены плача в Иерусалиме, чинные немецкие пляски на зелёных лугах Баварии, ужасная по замыслу итальянская гарантелла, сопровождаемая переборами гитары, стуком тамбурина и кастаньет. Надменных, даже в танцах, англосаксов сменяют весёлые шотландцы в клетчатых килтах и тягучие звуки волынок, потом сцена будто бы расширяется, вырастает до размеров планеты, и уже разные народности в своих национальных костюмах заполняют всё пространство земного шара и от души веселятся небывалому празднику. Вдруг всё исчезает, и хор среди бегущих декораций дворцов и каналов исполняет прекрасную песню венецианских гондольеров, и дети выпускают из рук белых голубей, которые, покружив над залом, взмывают в открывшийся на потолке проём, прямо к горящим в ночном небе звёздам.

Едва последний голубь улетает в ночь, как потолок нависает над залом огнями хрустальной люстры, исчезает сцена, подождав, однако, пока дети убегут за кулисы, раздаётся лёгкая инструментальная музыка, и публика начинает делиться мнениями, ещё пребывая в душевном неравновесии и выражая громкий восторг полученных впечатлений от необычайно красивого спектакля. И только очень наблюдательный зритель заметил, что кулисы, куда скрылись юные артисты, обратились стеной, неотличимой от других стен зала и даже с окном в ночную пустоту. Но тут появился Леон. Первой из всех, сидевших за столом, его заметила Аля и шепнула Царёву: “Будто снег на голову, этот ваш друг. Не было видно, а тут прямо в центре внимания”. Пётр Петрович повернул голову вполборота и

тоже увидел устроителя торжества, в костюме кофейного цвета, белых туфлях, с белой бабочкой на чёрной рубашке, идеальным пробором в напомаженных волосах. Его высокая стройная фигура и лицо потомственного аристократа сразу привлекли внимание присутствующих, но он, не вникая в взмахам рук и блеску женских глаз, направился к столу семи старцев, присел среди них, как у стола добрых друзей, оставив другим приглашённым право развлекаться кто как желает и умеет.

К столу, где обосновались друзья героя нынешнего вечера поэт Никитин с сестрой Алевтиной и редактор небольшого литературного альманаха "Камо грядёши" с супругой, началось паломничество любителей автографов с просьбой расписаться на первой странице, уже невесть где приобретённой книги. Многие хвалили произведение, ещё только взглянув на обложку, зная заранее, что никогда не прочтут даже авторского вступления к роману. Книга раскупалась как память о праздничном вечере, своего присутствия на нём, увековеченного автографом самого автора. Так было всегда, везде и всюду — говорились фразы, сменяющие одну пустоту на другую, в этом вакууме пытался вежливо улыбаться автор романа, прочитанного пока лишь только им самим и, может быть, редактором издательства. Настоящий читатель появится позже, а может, и вовсе не найдётся, как бы ни были пышны церемонии презентации книги. Выручил Леон, незаметно присевший к столу на приставленный каким-то строгим и неприятным на вид субъектом стул, объявивший очереди, жаждущей росчерка знаменитого пера, чтобы приходили в понедельник каждой следующей недели в офис редакции, где писатель подарит желающим свою подпись и даст необходимые разъяснения по содержанию произведения. Разочарованные поклонники отстали, и Леон произнёс тост за литературу, а также за ярких представителей этого жанра искусства, с которыми он имеет честь находиться за одним столом. Выпили, но вопросы относительно праздника остались, и Царёв спросил:

— А что здесь делают эти старики, что приветствовали вас первыми?

— Норбонские старцы? Покрылись мхом в своих средневековых замках, мало показываясь на людях, я и решил пригласить их сюда размяться, и случай представился важный — выход вашей книги. Они хорошо разбираются в литературе, живописи, изделиях из драгоценных камней, а также могут помочь в переводе и издании книги на Западе, — буднично ответил Леон.

— Почему их семеро и все так одинаковы в одежде, да и образом схожи? — допытывался писатель.

— Они занимаются одним делом, долго живут, часто видятся и, видимо, потому похожи даже мыслями, в которых великая забота о будущем мира, упреждение нежелательных событий на планете и достижение прогресса в созидании общемировой системы управления людьми. Такие вот они, наши старцы. Пробудут недолго, познакомятся кое с кем и назад в Европу. А мир наш всегда имел семиполярное расположение. Мышление, созидание и разрушение происходят по тому же принципу. Потому их семеро, и освещают их разум семь свечей светом прозрения древних пророков. Пойдёмте лучше танцевать, — и он через стол подал руку Алевтине. Они заскочили по паркету под звуки аргентинского танго, заполонившие пространство зала жгучей мелодией любовной игры.

— А вы хорошо танцуете, — освоившись в ловких руках Леона, похвалила его лёгкие, как ветер, и изящные, как статуя Аполлона, движения партнёра.

— О, если бы вы посетили такое количество балов, приёмов, раутов и всяческих других сборищ человеческого бахвальства, смогли бы кружиться в вальсе с закрытыми глазами, а танго — это просто новомодная скука и не требует особого умения. При дворе несчастной Марии-Антуанетты, погубленной якобинцами, танцы заменили само бытие и полыхали так жарко и ярко, что, увлечшись этой придуманной жизнью, король Людовик проморгал начало революции, а с ней и настоящую жизнь, свою и королевы, — развивал мысль о влиянии танцев на судьбы властителей партнёр и добавил: — И здесь ни при чём возросшее народное самосознание.

— Вы что, бывали во дворце Бурбонов? — недоверчиво отпрянула Аля.

— Конечно. Я бывал везде, где богатство и веселье заставляли людей забывать о своём Небесном происхождении, долге и совести. От роскошных торжеств во дворцах царицы Савской, до шабашей большевистских вождей, на вакханалиях древнеримской знати и на церемониальных приёмах китайских мандаринов, на праздниках у хитромудрых византийских басилевсов, на посиделках у турецких султанов, где дымятся кальяны и воздух одурманен сладким запахом гашиша. Желаете что-то узнать о природе и нравах людей различных эпох, обращайтесь. Только скажу сразу — очень печально такое многознание. Кроме жестокости и страха не остаётся на земле ничего, что могло бы отвлечь помыслы людей к подлому и ужасному. Горстка храбрцев в разных концах планеты сражается за идеалы Божественного писания, но они всё меньше слышимы, а их подвиги уже едва различимы в мире, где царят мерзость разврата, лживость и властолюбие. Белый свет человеческого разума покорён, обращён во тьму и пребудет в оной до конца земных дней. Это говорю Я, — партнёр изящно наклонил даму к паркету.

— Как ваше настоящее имя? — очень всерьёз спросила женщина.

— О, у меня много имён. Разные народы присвоили мне свои звучные названия. Есть имя, которым звал меня Вседержитель в своих чертогах, оно мне дорого и потому меня редко так величают, остальными именами меня наградили люди. Моё самое известное земное имя... — он наклонился к плечу партнёрши и что-то прошептал, как могло показаться, какую-либо нежность, возбуждённую близостью в танце. Однако женщина побледнела, потяжелела в движениях, но партнёр твёрдо держал в объятиях её обмякшее тело и в ритме угасающей мелодии танца приближался к столу и без всякой угрозы в голосе предупредил:

— Никто не должен знать о нашем разговоре. Пожалейте своих близких и себя, хотя вы и так ничего не скажете — никто не поверит. А теперь веселитесь и забудьте малые знания, большие откровения ждут впереди, но не вас, — Леон усадил полуживую женщину в кресло, присел сам и предложил налить Алевтине фужер красного вина, так как её немного укачало в танце. Аля опростала большой фужер, до краёв налитый вином, и откинулась на спинку сидения, взгляд её оставался неподвижен и пуст. Между тем разговор склонился к трудностям издательского дела. Подходившие редакторы жаловались на недостаточное финансирование их изданий, невозможность увеличить объём журналов, платить авторам гонорары, полагая, что организатор пышного, богато оформленного и сервированного (столы ломились от яств и питья) праздника, пожелает помочь им в их высоких стремлениях на благо искусства. На все эти слёзные сетования Леон не ответил ни слова, отвечал на приветствия людей, но никому не подал руки, даже убелённым сединой ветеранам литературоведения,

зря они с усилием клонили перед ним негнувшиеся спины. Вдруг он встал и, прощаясь, в двух словах ответил продолжавшим клянчить его милости нищим пропагандистам искусства:

— Завтра приходите сюда же, вас примет мой зам. Он и решит ваши проблемы.

— Очень вам будем обязаны, — в один голос благодарили редакторы.

— Называйте меня другом, не более того. Так же, как обращается ко мне Пётр Петрович. За ваш успех, — протянул он руку с наполненным вином бокалом в сторону автора книги, лежавшей теперь на каждом столе среди разграбленных закусок, вилок, ножей, водок, разлитых по скатерти вин и скомканных грязных салфеток. Царёв встал, звякнул бокалом за дружбу и творчество:

— Спасибо, мой друг! Не забуду вашего участия в моей судьбе.

— Моё участие здесь неважно и незримо, но дружба моя вечна, — он пригубил вино. — И нет причин сомневаться в крепости мох дружеских объятий ни до, ни после минувших событий. — Он отошёл в глубь зала и растворился среди гостей и громких разговоров.

Как будто сопровождая уход наблюдателя от сил неизвестных и непознанных, но любимых за щедрость и размашистую неповторимость в создании красивой жизни, появились цыгане, и запела, заплясала вся замученная славословием и злословием толпа, освобождаясь под звуки гитарных всхлипов от последних наваждений нахождения не в своей жизни. Сидевшая безмолвно Алевтина вдруг ухватилась за рукав пиджака Царёва и горячо зашептала прямо в ухо безумные, как показалось герою дня, слова:

— Вам грозит опасность. Нам нужно бежать с этого шабаша. Надо быстрее отсюда уйти. Я должна, должна вас увести, — напуганный поведением сестры, Никитин встал и увёл Алю через двери, ведущие на улицу, но очень скоро вернулся и, наклонившись к другу, сквозь шум цыганской песни-пляски взволнованным голосом прокричал:

— Она не в себе и зовёт тебя. Говорит, что не уйдёт, пока не вытащит тебя из этого ада. Я боюсь за неё. Иди к ней, Пётр, а что делать, решай сам. — Царёв вышел и когда в свете фонаря среди осенней полуночи увидел лицо Алевтины, где вместо обаяния отразился жуткий страх, искаживший милые недавно черты так, что он содрогнулся, поразившись безыскусной перемене образа женщины, за считанные минуты состарившейся даже фигурой, что согбенным изваянием застыла в бледной желтизне дрожащего света. Не на шутку испугавшись, он уже и не думал о возвращении к веселью, остановил отъезжавшую от крыльца машину и, усадив потерявшую дар речи женщину на заднее сидение, сел рядом и через недолгое время скорой езды открыл двери своего дома и ввёл, почти занёс Алю и усадил в кресло. Хотел пойти на кухню, согреть чаю, но гостя вцепилась в него мёртвой хваткой и горячо зашептала:

— Прошу вас, закройте двери. Никому не открывайте. Он придёт, и тогда мы погибли.

— Да-да, — с волнением, проникшим в голос, ставшим вдруг хриплым, зашипел: — Конечно, сейчас закрою двери и окна. Ворота тоже закрою, — он готов был спрятаться где угодно, только бы не видеть горящих ужасом глаз на смертельно бледном лице женщины. Когда он вернулся, Аля спала, будто заколдованная каким-то пережитым наяву кошмаром, тени которого и теперь бродили по её лицу, вздрагивали на губах и ресницах.

Царёв бережно поднял свою неожиданную гостью и перенёс её на диван, уложил, принёс из спальни пушистый плед и, укутав в него спящую женщину, присел в кресло и задумался о причине такого неожиданного поворота в событиях прошедшего вечера. Но усталое сознание отрицало все попытки сомнений в собственном величии, а поведение сестры Никитина он счёл излишней эмоциональной насыщенностью нежной души провинциальной красавицы. Лишь вяло припомнил, что не называл водителю машины, что доставила их домой, своего адреса и ничего не успел заплакать, как она отъехала. «Странно. Может, кто знакомый был за рулём. Ладно, утро вечера мудренее», — ложась в постель, решил Царёв.

Ночью хозяина разбудили неясные звуки движений, происходящих в доме. Казалось, что кто-то бродит по комнатам, ища что-то нужное, но темнота мешает поискам, и ночная тишина выдавала невидимого гостя стуками о предметы, преграждающие путь к цели. Царёв замер, не от испуга: он как бывалый охотник старался определить точное местонахождение живого объекта, который пытался в слепом пространстве найти выход или вход. Так и не определившись со свойством звуков, доносившихся, как ему показалось, из соседней комнаты, хотя основания для такого вывода были мизерны — сам плохо ориентировался в новом доме, он поднялся, прокрался в чуть видимом лунном свете к выключателю, резко зажёл свет и не увидел ничего, кроме обстановки и спящей на диване женщины. Не поверил и пошёл к входным дверям, и тут явственно услышал, как они захлопнулись. Он выскочил во двор и увидел, как к калитке пронёсся шлейф необычного красного света, обволакивающий тёмную фигуру человека, которая показалась ему знакомой своею лёгкостью движений. Не отворяя ворот, это красно-чёрное видение проникло на улицу, взмыло и исчезло, осветив напоследок пустые кроны деревьев, спящую улицу и дорожку, ведущую к дому. Можно было бы посчитать виденное сном, но тьма, сглотнувшая призрак, окутала голое тело очевидца осенней сыростью и дрожь внезапной прохлады определила явь ночной прогулки. Он вернулся в дом, заново затворив на ключ двери и, улёгшись в тепло постели, задумался о происшествии, но, не находя причин его совершивших, не смог вести следствие по верному пути и заснул, так ничего и не заподозрив.

Утро случилось пасмурное, в небе низко над землёю ворочались тяжёлые, наполненные водой облака, готовые смыть последнюю красу осени, хмурый свет заполнил комнаты дома, и в нём скрылась разгадка вчерашнего поведения женщины, которая на вопрос хозяина о самочувствии смущённо ответила:

— Нормально. А что-то случилось? Простите, я ничего не помню. Наверное, выпила лишнего, радуясь вашему успеху, — она виновато улыбнулась.

У Петра Петровича заныло в груди от жалости к этой её искренней виноватости, мучительной в отсутствии воспоминаний минут безумного ожидания трагедии, неслучившейся и потому забытой, но, видимо, тревожившей сознание обрывками каких-то слов, уже не таких страшных, но готовых вновь обнаружить свою связь и стать доказательством неслучайности произошедших событий. Чтобы отвлечь мысль женщины от поиска подтверждения сохранившихся в памяти вспышек, освещающих сцены каких-то неприятных действий и слов, сказанных при этом, он присел к

ней, обнял за голову и поцеловал в губы долгим, исцеляющим от невзгод, поцелуем. Ему тоже требовалось лекарство от всех свершившихся и будущих напастей, и он нашёл этот бальзам для своей души в женщине, растворившей ему навстречу объятия.

Весь наступивший день они провели вместе. Ему нравилось слышать её мягкое похаживание по дому, нежный, немного неуверенный голос, а утренняя близость взбудоражила леность мыслей и подвигла их к мечтам о счастливом будущем, не разлучая радости нового времени со словами, движениями и, конечно, улыбкой милой женщины, что прошлой ночью неожиданным образом вошла, ворвалась в его дом, жизнь и мир, совсем не мешая покою стен и утреннего света, а наоборот, соединившись со всем этим, ещё и хозяйну неизвестным пространством, внесла своё тепло и растворила его в предметах, воздухе, из чего образовалось начало домашнего уюта. И как подтверждение обновления в жизни дома из кухни певуче прозвучало:

— Милый, что ты желаешь на завтрак? — хозяин поднялся из кресла от неожиданности забытых слов. Когда-то он слышал такое название, но как оно звучало, забыл, и теперь это распевное: “Ми-лы-й”, — произнесённое невидимо, вернуло значение обстоятельства, его родившее. Это любовь к нему исторгнула из уст женщины такие чудные звуки и наделила их чувствами, которые обратили слова в песню. Да-да, в звучную, бескрайнюю песню призыва. И он отправился на зов любимой, отвечая по пути на вопрос:

— Что приготовите, то и хорошо. — Присев у кухонного стола, он смотрел на ловкие движения Али, нарезающей помидоры в салатницу и тут же приготовляющую на плите яишню с сыром. Давно ему было отказано в таком простом житейском зрелище, и сейчас он наслаждался этой возможностью возвращения к обычной человеческой радости. Вспомнил неделю, проведённую на даче, там он никогда не видел, как готовила еду Ада, она не звала его к себе нежными словами. Изголодавшийся по женской ласке, он любил её, но ответного чувства не добился. Этого не могло случиться, она потакала его желаниям, будто выполняла чей-то наказ. Кончилось время спектакля, и она исчезла, правда, замысел режиссёра продолжается — новый дом, пышная презентация, а что, если эта женщина тоже талантливое представление в театре Леона? Нет-нет, он сам нашёл её, она сестра его друга и не может быть призраком. Она излучает любовь, Ада же обладала лишь притяжением страсти. Он вспомнил ночное происшествие и фигуру, окутанную красным светом. “Ада, — представил он ещё не забытую прелесть знакомых движений. — Зачем она приходила? Она была здесь, чтобы похитить Алину память о вчерашнем вечере, — говорило сознание, начинающее привыкать к необъяснимости происходящих с ним в последнее время виртуальных событий, но привычка разума к реальности возражала. — Абсурд. Шумное торжество, волнение, стресс — и как результат временное беспамятство. Но зачем приходила Ада?”

— Пётр Петрович, вы где? — потрепала его плечо Аля. — Завтрак готов.

После чая Аля попросила:

— Мне бы надо проведать брата. Он, наверное, и не знает, где я? Я только туда и быстро вернусь.

— Должен догадаться. Он сам выслал меня к вам, и мы уехали домой. Вы были в крайне напряжённом состоянии, и наше возвращение в зал не имело смысла. Я тоже прогуляюсь с вами и друга заодно навещу, если вы не против, — решил хозяин.

— И как долго мы будем на “вы”? Нужно выпить на брудершафт или просто поцелуемся, а Пётр? — переменяла тему разговора Аля.

— Согласен на поцелуй, но долгий, как жизнь, — поставил своё условие писатель.

— Всего-то. Я думала, мы перешагнём это нашим слиянием в вечность. Жизнь для любви очень коротка. Мгновение. Успеваешь почувствовать озарение светом необыкновенного огня, жар которого воспламенит душу к любви, но скоро только пепел вздымается над пространством грустных воспоминаний о минувшем счастье и, опускаясь к земле, посыпает голову печалью седины. “Не обещайте деве юной любви вечной на земле”, — сказал поэт и пророк. — Женщина сама поцеловала Петра Петровича, сменив, таким образом, прошлое и будущее — настоящим.

Через полчаса они шагали по городу в направлении улицы Навои, желая доказать другу и брату, что они уцелели в торжествах вчерашнего спектакля, и даже наоборот, в результате катастрофы сознания, обернувшейся временным безумием Алевтины, случилось счастье любви. Но уже издали Царёв заметил у ворот нужного им дома знакомую чёрную машину и, почувствовав противную дрожь в спине, подумал: “Нужно как-то предотвратить новую встречу с Леоном. Что же он делает у Никитина? Почему ему до всего есть дело? И какой интерес он блюдёт здесь?”. И предложил, сославшись на раннее время, пойти прогуляться в соседний парк. Аля же только ускорила шаг, объявив, что начало дня не помеха для посещения родного брата.

— Он всегда волновался за меня, а нынче, я уверена, совсем расстроен из-за моего ночного отсутствия, — не признала женщина заботы любимого.

— Я уверен, он знает, где ты провела это время, — Царёв пытался преградить дорогу, изображая пылкого юношу, желавшего продления одиночества вдвоём с любимой. Но та мягко отстранила его настойчивость и продолжила путь туда, где, как казалось её спутнику, ожидала беда. За воротами встретил пёс, но не радостно повизгивая, как всегда, а тоскливо скуля, и скоро, отказавшись от ласки вошедших гостей, понуро волоча, будто кандалы, гремящую цепь, ушёл в конуру. “Начинается”, — почувял писатель в поведении собаки обречённость так замечательно начавшегося светлого осеннего дня на перемену к непроглядной тьме. Так и случилось. Едва они вошли в двери комнаты, где у стола, в мягком кресле, закинув ногу за ногу и оборотясь лицом к откинувшемуся на спинку дивана хозяину дома, сидел Леон, Аля смертельно побледнела.

— Нет, только не это, — прошептала она, чуть шевеля помертвевшими губами.

— О, народу пришло на целый литературный форум. Мы тут как раз ведём беседу на тему отношения людей к изящной словесности. О поэзии. Хозяин дома оказался очень учтив и согласился посвятить меня в свои мысли о силе, участвующей в сотворении гениальных строк стихов, — будто не замечая волнения на лицах вошедших, с пафосом завсегда поэтических вечеров отразил причину присутствия в доме поэта Леон. Совладав с необъяснимым страхом, Аля рванулась вперёд, упала на диван рядом с братом и прижалась к нему, ещё подрагивая телом. Глаза Леона вспыхнули безжалостным огнём и медленно, как бы остывая, погасли, остановленные взглядом на женщине. Пригвождённый к месту

нерешительностью в своих дальнейших действиях, Пётр Петрович продолжал стоять у двери.

— А вы что ж, мой дорогой друг, застудились в осенней прохладе или как? Проходите. Поможете нам разобраться в различных поэтических направлениях. Я плохо понимаю нынешнюю поэзию. Знавал Гомера, Юго, был дружен с Хайямом, перекидывался в картишки с Пушкиным, а вот сейчас не с кем слова молвить. И услышать его не от кого. Хотел обговорить эту проблему с поэтом, слова которого ценю, но чувствую отчуждение, виной коему моё дилетантство в теме. Надеюсь на любезность Николая Ивановича найти возможность в какое-нибудь из времён продолжить начатый разговор. Мне пора, — он поднялся, показалось, что его фигура чёрной тенью нависла над столом, и Царёв ощутил ничтожество соотношения себя, предметов и величия растаявшего видения. Одно мгновение — действие чар исчезло, хлопнула дверь, взвывла собака и наступила тишина. Долгая пауза, потом заботливый голос Никитина:

— Аля, скажи, что с тобой? Ты дрожишь. Ещё вчера я встревожился за тебя. Может, доктору показаться?

— Нет-нет, я сама справлюсь. Немного утомилась. Долгий перелёт, вечер, музыка, танцы ... Жила тихо, одиноко — и вдруг сразу столько впечатлений. Не волнуйся, — она прижала губы к щеке брата. — Мне уже лучше.

— Слава Богу. Принести вина? — спросил хозяин, обращаясь уже к Царёву.

— Можно немного. О чём вы здесь беседовали? И что про Гомера с Пушкиным — это у вас серьёзно? — определялся в разговоре гость.

— У кого это у нас? У него сдвиг какой-то нечеловеческий. Бахвальство вроде бы, но не пустое. Знания огромны и точны и оперирует он ими очень искусно. Очень и очень одинок. Всё дружбу свою предлагал. На века, — поднялся поэт.

— А ты? — тоже привстал Царёв.

— Что я? Посмеялся. Ответил, что вечен только Бог.

— А он? — не унимался писатель.

— Он сказал — знаю, но ведь душа бессмертна. Ещё он спросил — вы верите в Бога? Я ответил — да. Но ведь это абсурд, его никто никогда не видел, — сказал он. Вера всегда вопреки всему существующему, иначе её бы не было никогда, — ответил я, и дебаты наши прервал ваш приход. Отпустите-ка за вином, — и он вышел. Аля оправилась от своего, только ею знакомого, испуга и виновато улыбнулась Царёву:

— Прости, чуть не испортила встречу. Вчера, во время танца, твой друг сказал что-то такое, отчего мне и стало безумно плохо, и далее я почти ничего не помню. Автомобиль, мелькание фонарей на пути, твой дом и всё. Но сегодня, когда я вновь увидела это чересчур красивое лицо, какая-то догадка явилась ко мне страхом беды, которая грозит не только тебе, а всем и всему вокруг. Это выражение глаз — оно всюду, везде преследует меня и не только сейчас, а до и после того, как я родилась. Я уверена, что знаю, кто он. Но он содержит в себе тайну, которая всем давно известна, но о ней ничего невозможно сказать. Эту тайну нельзя выразить словами. Не знаю кто он — злодей или же высшая добродетель, хотя и то и другое в чрезмерном измерении — зло.

— Аля, успокойся, — заволновался за её потревоженный разум Пётр. — Не существует такой добродетели, что обращена ко злу. Не нравится тебе

Леон, не станем больше с ним встречаться. Попрошу его устраивать наши дела без твоего присутствия. Вот и всё.

— Дело вовсе не в том, милый, что всё будет происходить без меня, но что же коснётся тебя и как это будет выглядеть? И потом, ты не прав, говоря, что Леон мне не нравится. Он завораживает, мне хочется упасть к нему на грудь и остаться подле него навсегда, пусть не любимой, но даже став его рабой, мне кажется, я буду счастлива, как никогда, — она глянула в глаза Царёву, и он понял, что её слова — правда. Положение дел принимало серьёзный оборот, требовалось решение, но его не могло быть, происходящее было так нереально, что даже думать о последствиях необычных женских наваждений казалось глупым. Выручил от необходимости слушать бред близкой женщины (Царёв считал именно таковым откровение Алевтины), Никитин, вошедши с графином вина и корзиной, наполненной крупными краснобокими яблоками.

— Воркуете, — по доброте душевной определил он тему разговора. — Сейчас выпьем, и ты расскажешь, где ночь гуляла, молоденька? — лукаво поглядывая на сестру, наливал вино в бокалы хозяин. И удивительно, его настроение наполнило атмосферу дома любовью. Брата к сестре и друга к другу, и Царёв легко вздохнул, ощутив прилив энергии от милого взгляда Алевтины и добрых слов Никитина.

Из гостеприимного дома своего друга писатель возвращался один. Аля пожелала остаться с братом, чтобы успокоиться и сообщить, что её жизнь меняется и она решила задержаться в гостях, потому как встретила человека, которому верит и любит. Петра Петровича проводили за ворота, долго прощались, продолжая лёгкую беседу, начатую за столом. Аля увлекательно рассказывала, как в детстве, собирая грибы, отошла далеко от подружек и заблудилась. Ночь ей пришлось коротать в лесу у огромного, поросшего мхом пня, который светился во тьме, и она, прижавшись к нему, согревалась о мохнатый бок и на время засыпала, но кричала страшная птица, хлопала крыльями, будила её, и она долго следила за парой глаз, огнями бегающих во тьме, потом опять дремала, обняв замшелый пенёк. Когда всё вокруг стихло и мох вокруг пня превратился в мягкую тёплую постель, она сквозь сон слышала далёкие крики людей, потом совсем близкие голоса и проснулась дома, в своей постельке с кусочком тёмно-зелёного мха в руке, вспомнила страшную птицу, которую не видела, а лишь слышала, но помнила метавшиеся поверху, польхающие огнём глаза, и ей стало жаль птицы, что осталась одна тёмной ночью в лесу, и она долго просила отца найти птичку и взять к себе жить, на что отец улыбался и говорил: “Найдём. Тебя нашли и птичку отыщем”. Скоро он принёс домой совёнка, она кормила его из рук кусочками мяса и ждала темноты, когда у птицы начинали гореть огнём глаза, и он сердито хлопал ещё неокрепшими крыльями. Она пыталась испугаться, как когда-то в лесу, но не получалось повторить пережитое, и она грустила. Потом совёнок подрос, улетал куда-то в ночь, но утром в своём, приготовленном ею гнёздышке ждал свою хозяйку и угощения. Однажды он не появился, она долго скучала, подкладывала для него корм, потом забыла, и только иногда ночью, неожиданно проснувшись, слышала хлопанье крыльев, а во тьме за окном горели угольки птичьих глаз. От этой трогательной детской истории пела душа и как-то необыкновенно легко чеканился шаг к дому, но вот совсем недалеко

от цели пути, на крыльчке магазина, из его двери показался мужчина, очень знакомый по внешности, одежде и особенно по выражению светлого взгляда, устремлённого навстречу Царёву. Пьяной походкой он спустился с крыльца и, качаясь, подошёл к Петру Петровичу:

— Здравствуйте, а я всё вас поджидаю. Думаю, спросить, как в новом доме живётся? Благополучно ли со здоровьем? А я всё так же бродяжу. Кто приютит, тому и спасибо. “Это же тот мужик, что в дачном посёлке встретился, — вспомнил Царёв. — Пьяный, но на бродягу не похож — одет чисто и лицо светлое”, — а вслух сказал:

— Пойдёмте ко мне, там и поговорим.

— Я хотел к вам напроситься, но, думаю, стесню. С вами нынче женщина молодая проживает, помешать боюсь, — мужчина достал платок и отёр и без того чистое лицо. — Если разрешите, проживу у вас. Я не просто так, могу по хозяйству управляться. Долго живу, многое умею. Одно условие — чтобы ваш новый друг обо мне не узнал.

— Какой друг? — не понял Царёв.

— Тот, что одаривает вас щедро, — глянул светлыми глазами мужик.

— А вы его откуда знаете? — не поверил Царёв.

— Его все знают, да не многие признают, как надобно. Ухватист больно. Так закогтит, что и мать родную некогда вспомнить будет. Пойдёмте, Пётр Петрович, — и, пошатываясь, мужчина двинулся к дому. Когда, миновав двор, Царёв распахнул двери в дом, гость вдруг остановился и показал на небольшое строение у задней ограды:

— Я там остановлюсь. Мне удобно и вам не стану надоедать. Буду проживать тихо, незаметно. Другу вашему обо мне ни слова, — ещё раз напомнил гость.

— Но как же еда, питьё? Прошу вас заходить обедать. Если что понадобится, милости прошу, — пригласил хозяин.

— Нужда будет, зайду. Не беспокойтесь, много не привык иметь, малое всегда при мне, — твёрдо ступая, гость отправился к домику. “Странный какой-то, — подумал, глядя ему вслед, хозяин. — Встретился пьяный, рассуждает трезво, одет хорошо. Завтра поговорим”, — неожиданно зашумевший ветер прогнал сомнения прочь, а хозяина в дом.

Непогода быстро сгустила сумерки и пришлось зажигать свет. Шум ветра за окном усилился. Осень заканчивалась и вот-вот должен выпасть снег, а перед тем как обернуться тихой зимой, природа решила сорвать, растащить буйство осенних красок или, наоборот, собрать их в один огненный вихрь, который помчится ветром по лугам, морям, странам, рассыпая по белому свету красивые приветы из ярких листочков от неведомых в тамошних краях мест, где по Божьей воле заканчивается очаровательная пора увядания и наступает томительное зимнее ожидание весны. Ветер шумел так, будто бы вся округа приняла на свою территорию потоки вселенских перемещений воздушных армад, что сошлись здесь померяться силой тепла и холода и в этом противоборстве обозначить победу зимних морозов и укрыть землю, деревья, дома в мягкие покрывала снега. “Кончилась благодать, — подумал Царёв в унисон порыву ветра. — Мужика взял на постой и даже не спросил, как зовут. Откуда он всё про меня знает? — он достал из холодильника кем-то припасённую здесь бутылку коньяка и распочал её, налив в чайную чашку, стоявшую на кухонном столе, и, облокотившись на стол, подперев голову рукой, задумался. —

Что происходит вокруг него и написанной книги? Какие вихри несут его к вершине славы? А какая она — эта благодатная слава? Что в ней должно объявиться, чтобы покой снизошёл в душу, растревоженную непонятностью скорого возвышения? А это свалившееся на голову богатство. Оно чьё? Если деньги принадлежат ему, почему не чувствуется принадлежности этой роскоши к своему имени? Что знает Алевтина и зачем приходила Ада? Трезво-пьяный мужик, непохожий на бродягу и согласный жить и трудиться за доброе слово? Вопросов много, но где найти ответы? У Леона? Но при встрече с ним нужные слова исчезают, больше говорит сам благодетель, и всё остаётся по-прежнему — красиво и неясно, и почему такое происходит? Когда-то и как-то это неравновесие отношений должно разрешиться в полное согласие между мраком и светом. Нужно прозреть происхождение всех чудес, иначе эти события последнего времени и назвать нельзя. Даже трудно осмыслить своё участие в них. Они сняты или ты сам потерялся среди своих же фантазий? Мечтал же о славе, богатстве, книгах, которые заполняют полки магазинов, библиотек. Дождлся. Почему же нет радости удовлетворения своим трудом? Его произведение пустилось в самостоятельный путь и, как выросший ребёнок, порой забывает о родителе, так и слова книги вырастают недоуменным вопросом: “А я ли это написал?”. Ответить твёрдо и уверенно на испрашиваемое у самого себя мнение невозможно — не с кем объяснить по теме. На презентации он не сказал и половины задуманного и всё по той же причине — некому было говорить. Его открыли, как писателя, но закрыли рот, дабы не сболтнул лишнего от неожиданности представившейся возможности полного откровения перед публикой. Потому и любителей словесности подменили на толпу, жаждущую зрелищ и веселья. Сейчас трудно вспомнить, о чём он говорил со сцены, а это как раз тот случай забывания своих слов в шуме торжеств, которые посвящены книге. Для того и возвели её огромный макет, чтобы автор растерялся от необычности масштаба произведения и усомнился в своих претензиях на право единоличного владения мыслями, запечатлёнными на страницах диковинного фолианта. Этот многостраничный обелиск подмял его под свой постамент, затмив торжественностью своего великолепия подвиг автора, пытавшегося объяснить свою причастность к созданию предмета обожания. Временного, как вдохновение, творчество и сама жизнь. Что-то нужно делать, как-то объяснить нелепое разделение мыслей и поступков. Раньше он объединился во всех помыслах и действиях за письменным столом, вставал усталый, но свободный от сомнений в надобности земного существования, пусть даже не всегда приятного дальней отверженностью творца от благ проносящейся мимо жизни. К парадоксам посредственного благополучия и даже нищеты таланта он привык, а как быть теперь при новых соотношениях действительности и мечты? Когда мечтать стало не о чем, как себя вести? Зачем писать, когда всё, о чём грезил наяву и во снах, сбылось? О чём писать, если всё, чего желал, случилось? Толстой был богат и всю жизнь мечтал избавиться от наследственных привилегий. Писал книги, всячески унижая гордыню порока и возвеличивая страдания. Сам пахал землю, пытался походить на свой народ. Не дали. Не удался ему и последний побег от всего — к себе. Нашли и вернули в бездушное общество. На великого кудесника слова современники взглянули как на старого чудака, замыслившего разрушение сложившейся действительности, где невозможность

быть самим собой — есть удел счастливого человеческого существования. Иначе стать счастливым невозможно. Быть собой страшно. Стать даже самую малость похожим на себя — предстать перед Богом.

Проснувшись, Царёв по яркому белому свету, наполнившему дом, понял — в природе что-то переменялось. Он поднялся, подошёл к окну и увидел, что земля и деревья покрылись снегом. Белым-белым. Эта белизна накрыла весь законный мир — крыши домов, сравняла неровности земного ландшафта, в белых набекрень шапках стояли столбы, заборы изукрасились комочками пуха на своих зубцах. Снег ослеплял взгляд, вспыхивая розово-жарко в лучах восходящего солнца, которое жмурилось от неожиданности жгучего белоснежного сияния Божьего мира. На ярко-голубом небе ни облачка, а вокруг тишина, ещё не хрустнул под ногами снежный покров, а лишь переливался цветными узорами под нежаркими лучами зимнего солнца. Царёв распахнул окно, и комнату наполнила свежесть первого зимнего дня. Распахнулась навстречу этой чудной, ослепительно-светлой радости душа, и покой застил мысли, остановив их во взгляде на новизну красоты, искрящейся нежностью снежинок зимушки-зимы. Потянуло из дому, за порог, увидеть всю ширь ещё не совсем остывшей, а только подмерзающей и наверняка хрусткой, раскинувшейся на всю ширь русской души, снежной бездны, в которую тянет пропасть, сгинуть, и вернуться весной тёплым ветром, цветущим яблоневым садом, любовью ко всему сущему на земле. Морозный воздух наполнил лёгкие свежестью Заполярья, запахом снежной пустыни. Сердце, переполнившись кислородом, зануло от ощущения одиночества в неизмеримом пространстве сверкающего девственными красками снега. Однако дорожка от порога к воротам была разметена, но так бережно, что не портила свою красоту непорочности юной зимней торжественности. Поёживаясь от щипков приятного утреннего морозца, Царёв трусцой пробежал до калитки и обратно и тут услышал голос своего постояльца:

— Пётр Петрович, вы бы накинули что ни есть на себя. Неровён час, простудитесь. Я тут с утра снежок прибрал. Дышится легко и смотрится незамутнённо. Лучше утренней свежей красы ничего не найти. Кто рано встаёт, тому Господь её видеть даёт.

— Спасибо вам за заботу. Тоже люблю снег мест. Уж вы оставляйте и мне малость такой забавы, — ответил хозяин подошедшему к нему гостю.

— Снега на всех хватит, — уверенно заметил постоялец. — Как сыпал. Ночная тьма наскрозь побелела. Красота. Так бы и любовался. А вы зиму любите?

— Люблю. Только вот некогда всё это замечать, на бегу не больно засмотришься, — вздохнул Пётр Петрович.

— Суета не лучшее прожитие земного времени. Всегда нужно остановиться и даже оглянуться. А вам тем более. Писать нужно не торопясь, чтобы редкую мысль не упустить. В спешке хорошего мало. Корысть гонит людей в ад, а всё равно бегут к земным благам, отдаляясь от небесных непомерно, — загрустила синева в глазах говорившего.

— Вас как зовут? — вспомнил свой вопрос хозяин. — А то неудобно, вроде как живём в одной ограде, но безымянно.

— Пётр же меня и зовут. Тёзки мы. Один живёт, другой хранит. Не всегда удаётся, но своему призванию не изменишь. Вы в дом идите, мороз

крепчает, — и постоялец отправился в свой дом. Глядя ему вслед, Царёв заметил, что тот одет в тёмную матерчатую куртку и мягкие белые валенки на ногах, обутые в калоши. “Где это он смог переодеться по-зимнему?” — пронеслось в голове, но уже появившаяся привычка не удивляться происходящему вокруг оставила вопрос без ответа.

Войдя в дом, Пётр Петрович вспомнил, что сегодня воскресенье и он, наверное, будет свободен, только вот от чего, так и не смог придумать. “Надо бы в храм сходить к заутрене. Может, Господь просветит разум мой заблудший”, — пришла неожиданная мысль. Но только она возвестила о необходимой потребности молитвы и покаяния, раздался звонок телефона, громкий, как протест между порывом желания воззвать к промыслу Божьему и какими-то текущими делами жизненной суеты. Прижатая к уху трубка зашуршала, будто кто-то пробирался по лесной чаще, и потом рядом раздался голос Леона, его звучание показалось так близко, что Царёв невольно заозирался по сторонам и даже зачем-то выглянул в окно. Но слова, исходящие из трубки, требовали внимания и, казалось, что он видел прописи их следов, остающихся после произнесения на новорождённом покрове снега за окном. Справившись о здоровье писателя, благодетель сообщил, что книга запущена в продажу, а вскоре будет переведена на французский язык и после двух-трёх телевизионных выступлений на родине автора ждёт трибуна французского телевидения, где он должен будет присутствовать, когда поступит приглашение от тамошнего писательского союза. “А пока, Пётр Петрович, отдыхайте, обживайтесь в новом доме. Возникнут вопросы, обращайтесь к Роману. Я, к сожалению, должен отлучиться по делам в туманный Альбион. Меня ждут нудные дела с тамошними банкирами. Когда вернусь, навещу. Не забывайте о нашей дружбе”, — снова послышались хруст, шуршание и всё смолкло. Так и не успев сказать слова ответа, Царёв положил трубку и отправился в ванную готовиться к посещению церкви. Уже умытый и выбритый, намереваясь позавтракать, вспомнил, что молятся христиане на голодный желудок, а сытость несовместима с горькими словами покаяния, скоро оделся по-зимнему, но когда вышел на улицу, зашагал легко, не спеша, обдумывая причины своего нынешнего пути возвращения в Господний храм.

Давно, очень давно не посещал Божьего дома писатель Царёв. То отчаяние, которое испытывал он в суете и нищете, сослужило ему дурную службу — поразило его сознание неверием в человеческую добродетель, а значит, и в божественную сущность происхождения земного бытия. Непризнание окружающим миром его писательского таланта утомляло душу и поселяло в ней гордыню отверженности, которой он и огородился от непонимания своих слов, высказанных, как ему казалось, ради пользы в просвещении общества. Эта убеждённость в своей правоте никак не способствовала душевному умиротворению, а нарушала покой даже тех редких минут, что удавалось обрести во время работы над рукописью. Он разуверился во всей справедливости жизни сразу. Это и сделало его неосознанным атеистом. Он не то чтобы перестал верить, а просто забыл о Боге. Но вот на вершине успеха, в богатстве он вспомнил о славе Господней. Почему? Когда человек славен и богат, зачем ему знать, что есть Вышняя воля, перед которой земные блага — ничто? Изменчивая человеческая судьба, её возвышения и падения — краткий миг в ореоле вечной славы Господней. Человек случаен, смертен, как и все его земные дела. Нищие духом — вашим будет царствие Небесное. Это значит верить вопреки происходящему, во славе ли, в богатстве, и даже в болезни и нищете

прославлять славу Господа нашего. Только во славе Его удаётся стать великим и самому человеку. Не надо выдумывать себе иных жизненных путей, кроме заповеданных Господом. Гордыня не даёт, хочется сравниться силой славы своей со Всевышним. Оттуда и отрицание всемогущества Отца Небесного и самого его имени потому, как никогда иначе не удаётся быть, стать наравне с Богом. И все наши потуги приближения к такому величию — желание несмыслённого ребёнка сорвать запретный плод для познания мира. Забываем, что дерево то и плод тот — создание Господнее. А путь к тому древу будет дарован или нет — Божья воля, а мы дети Его желания.

Господи, какие же благодные помыслы несём мы на встречу с духом Твоим, в доме Твоём. Эти бы старания души и сердец наших поместить в каждый день жизни, и свет радости человеческой воссиял бы над миром. Но путь обратный ведёт уже в другую сторону. Оставлены грехи у ног Господних, выплакано прощение, получены благодати, и молитвы во славу Господа услышаны и приняты. И теперь у каждого свой путь и часто он приближает наши души отнюдь не к наслаждению созерцанием райских кущей, а всем к другим удовольствиям — простым земным, плотским и грешным.

На обратном пути из храма разум Петра Петровича раздирали противоречия. Он явственно видел перед собой две дороги. Они никуда не вели. Просто простирались куда-то вперёд — и всё. А что ждало его там, в конце любой из дорог, где находилось это всё? Когда он, находясь в храме, поставил свечи перед ликом Спасителя и встал к молитве, то вдруг сразу слился в едином порыве светлых слов с прихожанами, о существовании которых не ведал до сей поры. Внятно, от искренней пронзительности церковного пения и необычного видения вихря уносящегося под купол храма, Царёв ощутил отрешение от мира, оставшегося за стенами церкви. Уже приходя в себя из жаркого телесного оцепенения, чувствуя, как катится по спине обратившаяся водой испарина, Царёв огляделся кругом, желая определить по лицам прихожан их удивление вихрю, вознёсшемуся во время молитвы к расписанному картинами библейских сюжетов куполу Божьего дома. Но все лишь истово молились и никто не внимал явлениям свыше, но он-то явно видел это, и даже одежды священника и служек колыхались этим ветром. После службы он дождался, покуда священник закончил говорить слова наставления окружившей его пастве, и сам подошёл под благословление, а после необходимого обряда спросил:

— Отче, во время богослужения я видел белый вихрь, взметнувшийся над головами молящихся и в одно мгновение унёсшийся ввысь к куполу храма. Даже одежды присутствующих колыхались от ветра, а пламя свечей трепетало, вытягиваясь вслед дуновению. Что это было? Вы видели этот чудный смерч в закрытом храме?

— Зачем вы сюда пришли? — ответил на вопрос батюшка.

— Растерялся я в жизни. Не знаю, что происходит вокруг меня. Хотел узнать, какая же из жизней моя? Прошлая или нынешняя? Что ожидает меня в будущем? — Царёв с надеждой глянул в глаза священника. Тот, не отводя взгляда, твёрдо сказал:

— То, что с нами будет — неведомо. А направление вашего пути вам указано. Определяйтесь, ещё не поздно, — и, перекрестив просителя, священник ровным шагом направился к растворённым дверям храма.

Продолжение в следующем номере.

Геннадий УДАРЦЕВ

“На земле святой и грешной...”

Человек

Каким он был — двадцатый век?
 Что ж, предыдущего покруче.
 А царь природы — человек?
 Он стал умнее. Но не лучше!
 Разброд. Россия без царя.
 Братоубийственная сшибка.
 Колхозы, мор, концлагеря —
 Век с нами нянчился не шибко.
 Мы изменяли русла рек,
 Мы разбудили спящий атом.
 Но человеку человек
 Не стал товарищем и братом.
 Мы так мудры, мы говорим:
 Не сотвори себе кумира.
 Но тут же идолов творим,
 И те решают судьбы мира.
 Команда: “Взлёт!”, и человек

Геннадий Серапионович УДАРЦЕВ

родился 26 ноября 1938 года на Алтае. С детства познал нелёгкий труд колхозника, затем учился на токаря. После службы в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке учился в Барнаульском машиностроительном техникуме.

С начала шестидесятых годов его трудовая биография связана с журналистикой. Работал на Алтае в ряде районных газет. Через несколько лет Г. Ударцев по приглашению переехал в Целиноград, был литсотрудником газеты “Целинный край”, а после её закрытия — заведующим отделом областной газеты “Целиноградская правда”, где и трудился до выхода на пенсию по состоянию здоровья.

Стихи начал писать в период армейской службы. С тех пор его произ-

ведения стали публиковаться во многих периодических изданиях России и Казахстана — “Простор” и “Шмель”, вошли в различные коллективные сборники.

Геннадий Ударцев с 1991 года постоянный автор “Нивы”. Его перу

принадлежит около десятка поэтических книг, вышедших в Акмоле-Астане (в их числе “Крутояры”, “Тропики сердца”, “Корни”, “Там, где цветёт багульник”). Несколько лет назад в Москве издан сборник его стихов “Верь в счастливую звезду”.

В мае 2010 года увидела свет книга избранных произведений Г. Ударцева “Прощание с веком”, приуроченная к 50-летию его творческой деятельности. Подборку стихов из этой книги, выпущенной под эгидой “Нивы”, мы предлагаем читательскому вниманию.

Рванул в космические дали.
 Но двадцать первый встретив век,
 Мы человечнее не стали.
 Мы мир изменим, обновим,
 Ну а природу человека?
 И позавидуешь ли им —
 Собратьям будущего века?

Я живу во мраке ночи,
 Вижу солнце лишь во сне.
 Вот и эти двадцать строчек
 Диктовать придётся мне.

Как хотелось бы ворваться
 В лучезарный, светлый мир,
 Чтобы вновь полюбоваться
 На него хотя бы миг.

Пусть всего лишь на мгновенье
 Воссияют небеса,
 Вновь повергнут в изумленье
 Те же доли и леса.

И как заново родиться —
 Через столько мглистых лет
 Мне бы вновь увидеть лица
 Тех, кого дороже нет.

Всё же выше нет награды,
 Чем на Божий мир смотреть.
 Много, мало ли мне надо?
 Умереть или прозреть.

Душа

Я давно готов к уходу
 В мир нездешний, в мир иной,
 Хоть в него не верил сроду
 Ни минуты, ни одной.

И, почувствовав свободу,
 Бестелесная душа
 Устремится к небосводу,
 Тихо крыльями шурша.

Только как в него не верить,
 От реалий не уйдёшь:
 Предстоит и мне примерить
 Деревянный макинтош.

А потом куда-то канет,
 Затерявшись в сизой мгле.
 Но и там не перестанет
 О родной грустить Земле.

Не всё так просто

Ты далеко не так уж прост,
 Хотя таким порой и кажешься.
 Ты не хватаешь с неба звёзд,
 Но будет случай — не откажешься.

Я — твой товарищ, друг и брат;
 О чём трепаться ты не ленишься.
 Но вот нашёл ты некий клад,
 А с другом “двушкой” не поделишься.
 Что — табачок, выходит, врозь?
 А как же с дружбой это вяжется?
 Нет, человек совсем не прост,
 Хотя таким порой и кажется.

Покаяние

Да, тяжелы мои грехи,
 Коль разобраться строго.
 Ну, например: писал стихи.
 Простите, ради Бога.
 Ещё винюся: не раз, не два
 Рука тянулась к чарке.
 А как кружилась голова
 От женских взглядов жарких!
 Я не пишу теперь стихов,
 Не пью, без женщин маюсь
 И, очищаясь от грехов,
 Лишь каюсь, каюсь, каюсь...

Эка невидаль!

Всё в этом мире быстротечно,
 И, к сожаленью, жизнь сама.
 Небытие лишь длится вечно...
 Есть от чего сойти с ума.

Но мы живём, с ума не сходим,
 Поём, смеёмся, водку пьём...
 Мы оптимисты по природе —
 Ну эка невидаль — умрём!

Катастрофы, смерчи, войны?
 Да, и всё же мы спокойны,
 Ведь с рожденья мы не знаем,
 Где найдём, где потеряем.
 Для кого в алмазах небо,
 А кому лишь корка хлеба.
 Чей удел — загнуться в “зоне”,
 А кому сидеть на троне,
 Кто умрёт в сторонке дальней,
 Кто на койке госпитальной,
 Чьей душе настанет время
 Быть в аду или в Эдеме.
 Знать судьбу свою? Увольте
 И незнайкой быть позвольте.

Стремглав сменяются года,
 Всему на свете свой черёд.
 Моя закатится звезда,
 Твоя, сверхновая, взойдёт.

Она одна, всего одна,
 Неповторимая, твоя,
 И дай-то Боже, чтоб она
 Была счастливей, чем моя...

Давай поверим...

Е. В.

Не бывают годы лишними,
 Как и деньги в кошельке.
 Прошагали бы по жизни мы
 Лет до ста рука в руке,
 А потом не в землю стылую —
 Прямым на небеса...
 Ну давай поверим, милая,
 Что бывают чудеса.

На грешной земле

На земле я этой грешной
 Истоптал сто пар штиблет,
 Дня не мог прожить без женщин
 И боялся слова "нет".

Я любил, меня любили,
 И за влюбчивость меня
 Так соперники побили,
 Что не взвидел бела дня.

Юность, юность! Отлежался
 И обидчиков простил.
 Столько раз ещё влюблялся
 И любил, что было сил.

Я давно не тот, не прежний,
 И жалею об одном:
 На земле святой и грешной
 Так недолго мы живём...

Как ни бодрисься, как ни пыжишься,
 Вдыхая жизни аромат,
 А напоследок не надышишься,
 В рай направляясь или в ад.

"Жизнь хороша", нам "лет до ста расти", —
 Трубил восторженно поэт,
 Но от болезней и от старости
 Гарантий не было и нет.

Где б ты ни жил — в России, в Англии,
 Кончай с иллюзиями, брат,
 И пусть по наши души ангелы
 По расписанию летят.

Тот уголок земли...

Ты меня не забыла, родина?
 Ну а я, разве я забыл
 И Чумыш, и село Забродино,
 Где когда-то я жил да был?
 За лесами, горами, долами
 Мой давно затерялся след.
 Был крещён я огнём и холодом,
 Много горестей знал и бед.
 Сколько лет колесил по свету я!
 Оторвавшийся от сохи,
 Я связал свою жизнь газетами,
 Заказные слагал стихи.
 Но каким бы я ни был грешником,
 Вдалеке, на краю земли,
 Видел домик с дуплом — скворечником,
 Кур, купающихся в пыли.
 В красно-белых играя конников,
 Я, как птица, взлетал в седло —
 От цветущей в логах черёмухи,
 Помню, было белым-бело.
 Нет, меня не забыла родина,
 Как и я её не забыл.
 Как живёшь ты теперь, Забродино, —
 Уголок, что так сердцу мил?

На стыке тысячелетий

Этого больше не будет —	Факты такого рода
Стать на Земле свидетелем	Вправе войти в предания.
Того, как вступают люди	Значит, нашли народы
В третье тысячелетие.	Взаимное понимание?
В мире, таком безумном,	Грех на судьбу мне сетовать —
Как же был рад увидеть я:	Прожил не зря на свете я:
Шаг этот сделан шумно,	Мне довелось приветствовать
Но без кровопролития.	Третье тысячелетие!

Как жилось?
 Да не особенно.
 Не лентяй, а бедовал.
 Но друзей своих и Родину
 Никогда не продавал.
 В годы страха и безверия
 Верил в разум здравых сил.
 Посадил у дома дерево
 И наследника взрастил.
 Пил по-русски,
 лишь стаканами,
 Но ума не пропивал.

И не путался с путанами,
 Хоть в святошах не бывал.
 Может быть,
 немного сторбился
 И, везучий человек —
 Удостоился, сподобился —
 XXI-й встретил век.
 Не спеши ты,
 моё солнышко,
 Заходить за облака.
 Жизнь, как мёд,
 допью до донышка,
 До последнего глотка.

Спасибо

Спасибо всем! Дружьям хорошим,
 Что не дадут в беде пропасть.
 Врагам — и тем спасибо тоже:
 Не позволяют в спячку впасть.
 Спасибо утке — вольной птице —
 За взмах крыла в рассветный час.
 Теплу спасибо, что струится
 Из глубины любимых глаз.
 Спасибо шалым вешним водам,
 В окно влетевшему шмелю —
 Ведь сам я тоже часть природы
 И этот шумный мир люблю.
 Луне спасибо, что окошко
 Моё опять не обошла.
 Спасибо матери за то, что
 Меня когда-то родила...

Так и живём

Так и живём, земные дети:
 Чередой то радость, то беда.
 Только жить от этого на свете
 Не надоедает никогда.
 Что бы ни случилось, есть надежда,
 Что минуют пасмурные дни
 И, глядишь, безоблачно, как прежде,
 Нам заулыбаются они.
 Но надолго ль? То-то и оно-то —
 Вкривь и вкось опять пошли дела...
 Как охотник глупого енота,
 Вновь судьба на мушку нас взяла.
 На возможный выстрел чем ответим?
 Только б стороной прошла беда,
 Только б жить, ведь жить на этом свете
 Не надоедает никогда...

О Чон Хи

Два рассказа

Перевод с корейского Сын Джун Ён
и Александры ГУДЕЛЕВОЙ

Беглец

— Хочешь, уйдём?

Она уклоняется от моего взгляда и качает головой.

— Давай останемся.

Под ногами гора спичек, сломанных пополам, и в кофейне так много пустого пространства, будто все четыре стены открыты. Поэтому я ощущаю себя совсем незащищённым. На пустые столы и на головы одиноких посетителей льётся хриплый голос чёрного певца, который двигается между редкими столиками и поёт: “Оставайся рядом со мной, оставайся рядом со мной...”. В громко звучащей песне слышится что-то первобытное. Чхэ Хи в ритм покачивает ногой. Её движения полны скуки. Я чувствую свою вину и начинаю нервничать.

— Сколько раз мы уже встречались?

Я тут же пожалел о произнесённых словах, я уже несколько раз спрашивал её об одном и том же.

Чхэ Хи ответила просто, без доли шутки:

— Может быть, двадцать, тридцать, нет, может быть, сорок раз?

Я слегка улыбнулся. Она подняла голову и наивно посмотрела на меня. Такое выражение лица она делает, чтобы показать, как ей всё это безразлично.

Чхэ Хи — племянница полковника, ей совсем недавно исполнился двадцать один год, а я его водитель — солдат, поэтому мы встречаемся почти каждые выходные. Чхэ Хи опять начала ломать спички “чик — чик”. Так у нас всегда. Мы выпиваем по чашке горького-прегорького кофе, время

О Чон Хи

родилась в 1947 году в Сеуле. По образованию филолог. Считает себя профессиональным писателем с 1968 года, когда в газете “Джунан” был напечатан рассказ “Женщина в магазине игрушек”. В 1979 году О Чон Хи получила одну из главных корейских литературных премий — имени Ли Сана. Впоследствии она была удостоена следующих отечественных литературных премий — имени Донина, “Донсо” и имени О Ён Су. Сейчас О Чон Хи является лучшей корейской писательницей. В 2003 году она получила одну из главных немецких литературных премий — “Либуртур”, став первым лауреатом иностранной литературной премии.

С 1980 года по 2007 книги О Чон Хи были переведены во Францию, Германию, Мексику, Японию, Англию, Вьетнам. В России был переведён рассказ “Бронзовое зеркало”, вошедший в антологию современной корейской литературы. В начале 90-х годов О Чон Хи устраивает литературные чтения за границей. Она неоднократно выступала со своими произведениями перед читателями в Германии, Америке, Швеции, Мексике, во Франции, в Китае.

Без О Чон Хи невозможно представить литературу Южной Кореи, её имя является синонимом литературы этой страны.

Предлагаем читателю вниманию два рассказа корейской писательницы, присланные в “Ниву” переводчицей Александрой Валентиновной Гуделевой.

от времени заказываем зелёный чай и целыми днями сидим вот так, валя дурака. “Оставайся рядом со мной, оставайся со мной...”. Так мы проводим целый день. То делаем вид, что прислушиваемся к печальному голосу негра, то берём коробку спичек и тщательно переламаываем их пополам, и если это повторяется десять, двадцать, тридцать раз или даже всё это умножить на семьдесят, как можно осуждать пустоту её тона, ведь не она в этом виновата. Время от времени мне хотелось сказать, что я её люблю, это как физиологическая потребность. Мы часто допоздна пили алкоголь, и именно в такие дни мне хотелось сказать, что я её люблю. Но когда я специально наклонялся к ней и мой взгляд падал на её руку, которая спокойно подносила рюмку ко рту, я чувствовал головокружение и сомнение, будто проваливался в пустоту, и ложился ничком на стол. Руки Чхэ Хи были похожи на его руки, они выглядели холодными, хрупкими, но в то же время совершенно самостоятельными. Я опомнился от того, что вспомнил о ключах, это превращалось в некую навязчивую идею и давило на меня. Невольно я стал чувствовать себя во власти его белых рук.

— Пойдём, а? — спросил я Чхэ Хи, наблюдая за её пальцами. Она не ответила. Мне показалось, что она ниже опустила голову и полностью увлеклась тем, чтобы как можно мельче поломать спички. Свет гладит волосы на её затылке. Поздно вечером, когда наступает время возвращаться в часть, я часто испытываю желание обнять её целиком, от её чёрных волос до голых круглых пяток, всю прижать к себе. Это случилось, когда я опирался на проволочную ограду военной части, на которой висела предупреждающая красная табличка с надписью “Стреляем в случае приближения” и “DANGER” и смотрел на казарму, кружащуюся в моих глазах. Она вздрагивала. От её реакции мои руки бессильно сползали с её плеч. Хотя её сопротивление под моими руками было не очень-то сильным, может быть, всего лишь рефлекторным, но всё-таки, когда она вздрагивала, мои руки безжизненно падали и страсть остывала. Но зато я почти осязаемо чувствовал сопротивление, вызываемое ключами в моём кармане.

— Не хочешь уйти?

Я спросил ещё раз погромче. Чхэ Хи молча отряхнула свою юбку.

Мы спустились по лестнице. Деревянные ступени слегка скрипели. Когда мы сделали последний шаг, наши ноги погрузились в солнечные лучи, скопившиеся под лестницей. Чхэ Хи хмурила брови от слепящего солнца. Может быть от усталости её глаза были красными.

— Куда мы пойдём?

Я спросил, искоса глянув на неё. Перед нами стоял неожиданный полдень, я не знал, куда нам деваться.

— Я пойду домой.

Чхэ Хи ответила, сжав пальцами свои виски. Она выглядела такой уставшей, что это показалось мне совершенно правильным. Я опять замолчал. Солнце, наполняющее улицу, было густым, как вода в реке, и мы будто плыли в нём. Чхэ Хи уже шла к автобусной остановке. Я следовал за ней.

— Возьми такси.

Это было единственное, что я мог ей сказать. Она стояла рядом, будто выражая согласие.

Когда остановилось такси, я посадил её в салон и сунул руку в карман, чтобы достать деньги. Вместе с купюрами попался маленький твёрдый предмет. Моя рука в кармане напряглась. Таксист и Чхэ Хи смотрели на меня как на ненормального. Я, в свою очередь, растерянно смотрел на них.

— Что с тобой?

Чхэ Хи высунула голову из машины, как бы собираясь выйти оттуда.

— Нет, ничего.

Я смущённо махнул рукой.

— Ну, ладно.

Чхэ Хи захлопнула дверь такси. Я, сунув в карман руку, старался сосредоточиться на том, чтобы идти медленнее и спокойнее. Почти три месяца назад мне в часть привезли посылку. В ней была пара ключей. Когда я развязал крепкую упаковку из нескольких слоёв бумаги и достал их, ключи блеснули, будто живые. Этот блеск я воспринял как какое-то предчувствие, точнее, это и было предчувствием утраты. Я должен был бежать туда, так было бы правильнее. Вместо этого я обнимал Чхэ Хи, бормотал невпопад: “Давай поднимемся высоко, и там споём песню”, — и рыдал. Я должен был найти его смерть, которая пряталась, может быть, где-то на песчаном морском берегу или липко улыбалась из густых зарослей. Потом я должен был разжать его заочневшие пальцы и крепко сжать его смерть в своих руках. Но вместо этого я обнимал Чхэ Хи, подражая ему и не замечая этого.

Когда я уходил от него, он заметно нервничал. Он ещё глубже проник в меня, наши пенисы часто двигались в наслаждении.

— Теперь я не пишу матери.

Он сказал это после нашего совокупления, когда я открыл шторы и смотрел сверху на сад, стараясь особо не акцентировать это, но я понял смысл его слов. В его глазах, где блеск гомосексуальности уже исчез, я чётко видел некое волнение. Он точно на меня рассчитывал, это было заметно в его нерешительности. Он пил соджу, утыкался лицом в мои плечи и плакал.

— Джон Су, давай поднимемся высоко.

Это было время года, когда деревья наливались соками. Мягкие листья блестели даже ночью, я старался отвлечь его, но он тихо сопротивлялся: “Нет, нет”, — и стуча кулаком себя в грудь, продолжал рыдать. Я уговаривал его завести подружку.

— Ведь наверняка есть хорошие девчонки среди студенток в университете?

Он посмотрел мне прямо в лицо и сказал: “Ты надо мной издеваешься? Ты надо мной смеёшься?”. Всё это происходило в то время, когда я тайком начал его предавать. Наконец я ушёл в армию, как будто сбежал, тем самым я пытался избавиться от его белых рук и в конце концов он ушёл из жизни, оставив мне два ключа. Наверняка ему было тяжело найти меня после того, как я так отдалился, но в итоге он прислал мне пару ключей, а к чему всё это, мне не понять до сих пор. Но ключи, как будто так и надо, прилипли ко мне и тормозили все мои действия и разум. Это было своего рода кодированием, с тех пор я всё откладывал на потом.

Из-за сирены, разорвавшей барабанные перепонки, я остановился. Сначала в глаза попало синее небо. Но автобус, приблизившийся ко мне вплотную, и свирепое выражение лица водителя, высунувшегося из окна, были вполне в силах стереть ощущение синего неба. Я был не на тротуаре, а стоял посреди проезжей части. И впереди и сзади дорога была забита машинами. Получилось, что меня заперли в крошечном пространстве и из всех открытых окон на меня уставились пассажиры. Я растерялся.

Потихоньку попятился назад и с трудом выбрался. А водитель с сердитым лицом всё ещё кричал на меня. Из-за звуков автомобильных сигналов я не различал его голос, но догадывался о банальности его ругательств, я даже чуть не рассмеялся. Наверняка он кричал что-то вроде: “Псих, жизнь тебе надоела?”.

Солнце никак не заходило. Будто полдень собирался остаться навсегда. У меня появилось ощущение, что я преследую солнце. Я почувствовал усталость. Бегущие машины, забытые дороги, постоянно толкающие меня плечами люди, равнодушные их взглядов и шум, втиснутый в рамку высокомерия полдень, который длится вечно, и те три дня, которые я провёл с ним, лежащие глубоко во внутреннем кармане. Мне казалось, что я не в состоянии справиться со всем этим. Я старался сосредоточиться и шагать как можно медленнее.

Вчера я попросил трёхдневный отпуск. Последние три месяца моим сознанием постоянно управляли два ключа и я явственно ощущал, что дальше тянуть с этим нельзя. Что касается ключей, я был абсолютно беспомощным, я должен был принять эти ключи в качестве собственности, эта мысль постоянно крутилась в голове. В свою очередь владеть ключами означало владеть его смертью. Поскольку у меня всё было продумано, когда начальник отдела кадров выписывал увольнительную и добродушно сказал: “Эй ты, наслаждайся по полной!” — я ответил на это совершенно спокойно: “Да уж, медовый месяц”. Однако сегодня, в первый день отпуска, я отложил визит к нему. Я позвонил Чхэ Хи и мы вместе валяли дурака примерно половину дня, я опять собирался заполнить своё время. Но оно твёрдыми челюстями держало меня в своей пасти и не собиралось отпустить. Я вытащил из кармана ключи и положил их на ладонь. Они были влажными от пота. Под солнцем они не блестели и были всего лишь железной штамповкой. Сунув ключи обратно в карман, я двинулся вперёд. Про себя я бормотал: “Чего же я боюсь?”. Я остановился. Солнце слепило. Приложив ладонь козырьком к глазам, я начал соображать, в каком направлении находится его дом.

Дом возле реки, где была его квартира, был частным, деревянным и дряхлым. Всё было по-прежнему. С тех пор как я был у него в последний раз, прошло довольно много времени, но ничего не изменилось. По-прежнему было бедно и грязно. Тротуар был мокрым, бедность въелась в стены, как бактерии. Из открытых окон доносились женские хриплые голоса, по улице бегали голые дети. Из каждого окна неслись звуки, ими были забиты все переулки и здания, плакал ребёнок, которого лупила мамаша. Кажется, что здесь занимались только тем, что ели и сношались. Каждая щель деревянных зданий воняла чужим жильём. У меня было ощущение, что время здесь остановилось. Никакой ливень не смог бы смыть эту грязь. Несмотря на это, дети бесконечно рождались и вырастали.

Его комната находилась в самом углу второго этажа. Я сделал шаг по лестнице, ведущей наверх. Доски, из которых она была сделана, были слишком тонкими, так что, как я ни старался ступать осторожно, она всё равно скрипела. Я боялся деревянной лестницы, по которой поднимался каждый раз, когда должен был попасть к нему. Скрип под подошвами раздавался в моей голове ещё до того, как я делал шаг, и я не мог понять, что скрипит — лестница или мои мозги, и вскоре моя голова начинала раскалываться. Чтобы не заикливаться на этом, я поспешно делал

следующий шаг, один скрип следовал за другим, от этого моё сознание разбивалось на мелкие осколки, и в итоге моя обыденная жизнь превращалась в песок и песок этот легко опадал.

Дверь была заперта. Я вытащил из кармана ключи, вставил их в скважину, и замок с чистым звуком “клик” открылся. Это был очень нереальный звук. Женщина всё ещё продолжала лупить своего ребёнка, поэтому ещё нереальнее было слышать, как переплетались металлические штуки в замке. Окончательно потеряв силы, я открыл дверь и вполз в его комнату.

В ней был беспорядок, будто спешно собирались в путешествие. Поэтому я подумал, что, может быть, он где-то среди валяющейся одежды или под мягкой простыней и вот-вот появится с улыбкой. Конечно, его не было. Только везде лежала пыль, образуя толстый слой, как осадок его дыхания. Она поднималась и шуршала. Солнечные лучи были мутными от пыли. Я открыл окно. Оседавшая пыль, словно стараясь воскреснуть с помощью дыхания ветра, задвигалась ещё живее. Я начал тщательно обследовать комнату. Сначала я опрокинул корзину для мусора и вытряхнул её. Выпали только окурки и пепел. На столе валялась высохшая авторучка, пузырёк с чернилами остался открытым. Можно подумать, что хозяин этой квартиры ненадолго вышел из дома. Нигде не было никакой записки. В глаза бросилась открытая книга, лежащая на подушке кровати. Когда я взял её, пыль взвилась в воздух. Я пробежал взглядом открытую страницу.

“Города твои будут разорены, останутся без жителей. Посему препояшьтеесь вретischem, плачьте и рыдайте, ибо ярость гнева Господня не обратится от нас...”

Это была книга Иеремии. Я потерял интерес к чтению и бросил её на пол. На странице, как пепел, оседала пыль. Я даже представить себе не мог, что он читает Библию, и мне это было неприятно. Я не мог найти вещи, говорящие о нём, и чувствовал усталость. Присев на кровать, я ещё раз ощупал глазами комнату. И вдруг от неожиданности ахнул: “Как же я не заметил этого?”. На ящике стола, на который я сначала не обратил внимания, висел замок, можно сказать, даже красивый. Я достал остальные ключи и подошёл к нему. Не успел я воткнуть в замок ключ, как вздрогнул от испуга и отвёл руку. Потому что кончиками пальцев почувствовал страх. Я вдруг подумал, что, может быть, в ящике лежат его белые руки, которые крепко схватят меня. Я отошёл от стола в сомнениях. Меня охватило желание поскорее уйти отсюда, заперев комнату. Ведь он умер. Не будь трусом! Я уговариваю руку, держащую ключ. Но замок что-то не открывается. “Давай немножко успокойся и попробуй ещё раз”, — произнёс я вслух и вернулся на кровать. Я жутко устал и лёг ничком. Солнце было нестерпимым. Я встал шатаясь, задёрнул шторы и закрыл солнце. От сильного рывка угол занавески отогнулся. Пробивавшиеся в щель лучи образовали на полу треугольник. Грубые голоса женщин, металлические крики детей так чётко проникали сквозь стены и пол, что я даже мог их потрогать. Я глубоко зарылся головой в подушку. Когда-то я его спросил, почему он живёт в таком шумном районе, не лучше ли ему переехать в тихое место? Тогда он, со слабой улыбкой, очень неопределённо ответил: “Как тебе сказать...”. Звуки с нижнего этажа и из соседней комнаты постепенно разрушались, они смешивались и превращались в тесто. Делались постепенно

смутно-мягкими. Они становились просто смесью шумов, гудели и расходились. Я погрузился в сон.

Проснувшись, я почувствовал, что обе миндалины распухли. Когда я открыл глаза, из-за темноты, которая сменила огромный розовый бутон солнца и накрыла меня, я, мучаясь, перебирал воспоминания, прежде чем образы возвратились ко мне. Это для меня не совсем незнакомо. На твёрдой деревянной кровати казармы время от времени я просыпался, ощущая, что рубашка туго сдавливает горло и руки, и с треском разрывал воротник и манжеты.

Даже в полночь узор перекрестия рам был чётко виден, это, мне кажется, от света луны. А если он иногда пропадает, я проверил, это из-за облаков, закрывающих луну.

Мелькание фонарей ночных рыбаков, копающихся в верховье реки, доходит сюда. Я встаю с кровати, подхожу к окну. Когда открываю створки и смотрю сверху на двор, погружённый в темноту, я начинаю чувствовать, как оживает боль. Мука во сне, или тревога, вызванная звуком рвущегося с треском шва, ощущается, будто разрывается шов сознания и от этого я чувствую бессилие. Я протянул руки и крепко схватил тьму. Но она так быстро протекает сквозь пальцы. Я проверяю ключи. Они по-прежнему блестят, будто живые. Хаос, наполняющий комнату, и неопределённое беспокорство выталкивают меня вон. Я, не выдержав, включаю свет. Комната светлеет и обнаруживается каждый её угол. Лишь тогда я чётко понимаю, где нахожусь. Я вспоминаю все свои действия после того, как вошёл сюда. Привычно, без сожаления, я гляжу на замок, висящий на ящичке. Моя рука тянется и ничуть не дрожащие пальцы суют ключ в скважину. Ящик беззвучно открывается.

Я погружаюсь в его прошлое, там я встречаю его мать, которую никогда не называли по имени, которая прошла свою тёмную мрачную юность с аккуратным шиньоном, у которой холодно блестели глаза за стёклами очков. Это была женщина, которая неплохо выглядела в кимоно и которая бросила своего сына. Она вторично вышла замуж за японца, оставив ребёнка, когда ему ещё не было года, ежемесячно присылала ему на жизнь немалые деньги и в начале каждого письма писала без колебаний "мой сын", с каждым днём она молодела, становилась ещё красивее, как ядовитые грибы, а в тайном ящичке стола её сына, который не помнил лица своей матери, хранились его стрелы любви и ненависти к ней.

Я тихо закрыл ящик. Там лежали ещё какие-то справки и мелкие документы. Ничто мне там не могло подсказать, что делать с присланными мне ключами. Поэтому мысль владеть его смертью показалась мне совершенно необоснованной. Не могу ли я освободиться от этих ключей? Неужели я не в силах избавиться от его белых рук и липких воспоминаний? Я встал и подошёл к окну. Было душно, сердце сильно билось. На улице стояла густая темнота. Я изо всех сил вздохнул, чтобы лёгкие наполнились воздухом. Раз, ещё раз, ещё разок, ещё раз. Но воздух не освещал. Будто набираешь в грудь темноту и она затвердевает в лёгких. Я ждал рассвета, когда исчезнет толстая стена, отгораживающая меня от мира.

— Чхэ Хи, давай поедem куда-нибудь, где мы ни разу не были? И встретимся там случайно, как незнакомцы.

Ведь от отпуска оставалось два дня и я должен был на что-то решиться.

Как только наступил рассвет, я выбежал из его комнаты и позвонил Чхэ Хи. В углу кофейни, где ещё не подавали, мы устроили спектакль. Чхэ Хи была возбуждена и радовалась как ребёнок.

— Здорово! У меня такое ощущение, будто мы едем на пикник. Допустим, в какое-нибудь место прошлого или будущего.

Наконец мы взяли билеты на поезд и порознь отправились в путешествие. Как она выразилась, в какое-то место прошлого или будущего. Название города нам было совершенно незнакомо. Непривычный для нас вокзал, безбрежное ожидание, которым он наполнен, и наша игра, к которой мы отнеслись со всей серьёзностью. Она шагала по-мальчишески резво. Я видел её жёлтое платье, когда она выходила из здания вокзала, но старался делать вид, что не замечаю её, и она в свою очередь прошла мимо с покрасневшим лицом и мелькающей улыбкой.

Улица была совсем обыденной. Пейзаж, проплывающий за окном автобуса, был непривычным, смутным, как тень, и казался миражом. Улица бурлила негромким шумом, она вилась по грязному городу, всё выглядело преувеличенно и по-деревенски. Чхэ Хи была такой свежей, будто её всегда обдувало сильным ветром. Мой взгляд следил за ней. На большой улице был рынок. В этот день её жёлтое платье часто мелькало и проносилось мимо меня. Поскольку улица была маленькой и узкой, мы сбились со счёта, сколько раз мы встретились. Чхэ Хи держала голову прямо и делала вид, что увлечена разглядыванием улицы, на которой, по-моему, не было ничего особенного, и тихо бродила, натываясь на утомлённых людей. А я шагал и думал, как всё это бессмысленно. Я себя спрашивал, зачем этот глупый спектакль, в котором мы встречаемся, как чужие, в незнакомом месте, будучи при этом уставшими и опустошёнными? Сколько можно следить за Чхэ Хи? Но мне не удавалось найти повод подойти или пересячь с ней. Для этого улица была чересчур спокойной и апатичной, как лужа, но самое главное, ни у меня, ни у неё не было для этого повода.

Солнце садилось. Было время, когда рынок закрывался, поэтому на улице было беспорядочно и шумно. Мне показалось, что она мелькнула в толпе торговцев, спешащих по домам, и вместе с ними исчезла. Я упустил её. В конце концов, наш спектакль провалился, и мы не встретились. Даже после того как исчезла Чхэ Хи, я некоторое время продолжал бродить.

Солнце село ещё ниже и стало сумрачно. Когда я шёл к вокзалу, то столкнулся с колонной людей. Они возвращались с кладбища. За похоронной процессией тихо наблюдали женщина и ребёнок, у меня было такое ощущение, что они застыли в сумерках, которые только начали наступать. Процессия людей полностью слилась с темнотой и застыла там неподвижно, как барельеф. Я не мог идти. Земля стала плотной и мягкой. По ней тихонько струился сухой ветер. Из-за ветра образы людей в колонне колебались. Лишь тогда я заметил, как тихо и медленно они движутся. Ветер доносил запах их кожи, пахнувшей перхотью и песком. Я стоял и наблюдал за ними, пока они не прошли мимо. Эта процессия с того момента, как попала в поле моего зрения, вызвала густую скорбь и странное неприятное предчувствие. Улица совсем не казалась теперь незнакомой. Мне чудилось, что я действительно вернулся в какое-то место из прошлого, почти абсолютно всё мне напоминало какую-то ситуацию. Это произошло на тот день, когда мы с ним познакомились, картинка из моего сознания, которая вдруг возникла.

“Меня зовут Чхун Хван. В этом году мне исполнилось восемнадцать лет. Меня зовут Чхун Хван. В этом году мне исполнилось восемнадцать лет. Меня зовут.....”

Сказав: “Давай”, — он протянул мне руку. Его рука была белая, без твёрдых суставов. “Давай же”, — белая рука тихо требовала.

“Меня зовут Чун Хян. В этом году мне исполнилось восемнадцать лет. Сегодня восьмое апреля. Полнолуние. Календарю. Сегодня восьмое апреля...”

Девчонки кружились вокруг высокой башни и танцевали. В определённом ритме они повторяли слова, смысл которых был непонятен. Хорошо из девчонок не прекращался и слова, которые они выкрикивали, кружась вокруг тринадцатиярусной башни, опутывали её как верёвки. Кричащие девчонки с развевающимися подолами были похожи на шаманок. Как раз были сумерки, мне показалось, будто волшебные слова просачивались из каждого угла пустого парка и несли скорбь. Меня охватил страх, будто и меня связывают эти звуки. Я протянул руки. Он тотчас взял их в свои и наши пальцы переплелись. Его хрупкие белые пальцы были холодными, и они клейко прилипли к моим. Я встал со скамейки.

— Посмотри. Кане движается. Не движается. Стал. Косоглазый. Не движается...

За спиной были слышны звонкие голоса девчонок.

— Это своего рода гипноз.

Он объяснил мне это, даже не повернув головы.

Мы прошли множество каких-то тёмных подворотен, я даже не помню, сколько их было всего, перешли через несколько улиц, прежде чем оказались у него в первый раз.

Он прижался ко мне всем телом и втолкнул в комнату. Затем привычно начал расстёгивать мою одежду. Вскоре я увидел его голое тело. Он почти ничего не говорил. Он только сказал мне, когда я лежал расслабленно на животе: “Может быть, ты примешь душ?”. Воздух совсем не двигался. Я немного раздвинул шторы и смотрел в окно на улицу. Под окном в заброшенном саду смутно цвели космеи. За спиной я услышал его сухой голос: “На что ты смотришь?”. Вместо ответа я закрыл шторы и оглянулся.

“Прошлой ночью был сильный ветер”, — казалось, он был совершенно равнодушен к словам, которые произносил, и к моей реакции. А я, сам этого не замечая, следил за поднимающимся дымом сигареты. От кончиков белых пальцев тонкий дым фиолетового цвета струился и распространялся по комнате. Он застывал неподвижно в дальнем углу и затем расходился веером.

— Что поднимается, распустив свои волосы?

Он тотчас ответил: “Дым”. Загадка была разгадана слишком быстро. И его, и мой взгляды одновременно следили за движением дыма. Отчего же нам вместе так бесконечно печально?

Днём, каждый раз, когда я приходил к нему, солнечные блики, падающие, как перхоть, стонущее половое влечение в плотно закрытых шторах, заброшенный сад, космеи, картинка из моего сознания, преломляющаяся в солнечных лучах, попадавших туда, где он жил, и во всём этом мы с ним были совершенно похожи на сушёных рыб, при этом мы беспрерывно потели.

Я опять уговорил Чхэ Хи поехать в незнакомый город.

— Лучше я пойду в кино и там просижу весь день.

Она улыбнулась, делая вид, что не находит других слов.

— Всё равно ничего не выйдет. Когда мы вернулись, мы были просто обессилены от усталости. Я всё это время думала, отчего же мы такие скучные, что нам приходится такое вытворять?

Я знал, что она не приедет. Но всё-таки опять взял билет на поезд и уехал, и на незнакомой улице потратил целый день на её поиски. Конечно, её нигде не было. Я шлялся, как голодная собака. В отличие от вчерашнего, этот город был больше, и дороги были прямые и асфальтированные. И хотя я бродил не останавливаясь, я был совершенно равнодушен к тому, что попадалось мне на глаза. Несмотря на то что место было совершенно чужим, я не ощущал свободы и мне было не по себе. Ноги начали болеть. Когда я увидел на другой стороне улицы вывеску “Кофейня”, то без колебания перешёл дорогу.

Я заказал чашку кофе, вытер мокрой салфеткой руки и стал смотреть в окно. Поскольку кофейня находилась на втором этаже, здания, стоявшие напротив, были хорошо видны. Интересно, что там? У дома возле стадиона собралась толпа людей. Все в зелёной форме. Я растерялся. Официантка, которая принесла мне кофе, тоже высунула в окно голову и сказала: “Наверное, сегодня день призыва на военную переподготовку”. Наверняка она что-то ещё сказала, прежде чем отойти от меня, но я не отрываясь смотрел на стадион. Люди, казалось, были так близко, что я мог дотронуться до них. С одной стороны, их камуфляж был зелёным, что является плохой приметой и предсказывает несчастье, с другой, этот цвет был наполнен весенней энергией.

“Направо, налево, лечь на живот...” — такие слова я слышал каждый день, но приказы звучали непривычно громко из уст инструктора. Солдаты точно выполняли указания. Люди в зелёной форме побежали. Поднимая песчаную пыль, они исчезли за зданием. Я встал из-за стола. В этот миг я потерял равновесие и покачнулся. Толчок был такой, будто меня выбрасывает из окна, и я ударился об оконную решётку. Положив руку на лоб, я опустился на пол. Будто я сошёл с рельсов или меня выбросило с Земли в космос и я попал в невесомость. Я вспомнил, что сегодня последний день отпуска и пора возвращаться в свою часть.

Я не видел людей, но знал, что они горят зелёным пламенем за поворотом и трещат отскакивающие от них искры. Из-за здания побежали языки зелёного пламени. Я почувствовал головокружение, но не мог не смотреть туда.

Что это было, это было во сне или наяву? То, что я увидел потом, — это было тесное тёмное пространство. Но я проник туда, ощущая бесконечный уют, как от света, волос или меха. Я чувствовал, что полностью защищён, и это меня успокоило. Я проснулся. Было темно. Поняв, что всё ещё лежу в его комнате, я включил свет. Почему я всё ещё тут? Удивительно! Я вышел на улицу. Я не понимал, сколько времени, а ставни магазинов были опущены. Я вдруг возбудился. Ещё немного пройдя, я увидел аптеку, которая ещё была открыта. Как раз собирались закрывать ставни. Я попросил хозяина разрешить мне сделать один звонок. Хозяин указал пальцем на телефон-автомат. Я старался контролировать свою руку, но она тряслась, и я с трудом набрал домашний номер Чхэ Хи.

— Алло.

Я услышал низкий тихий мужской голос... Назвав имя Чхэ Хи, я услышал, как несколько раз позвали: “Чхэ Хи, Чхэ Хи”, — а между этими

словами проникала мелодия государственного гимна. Видимо, закончилась последняя передача.

— Алло.

Голос Чхэ Хи слышался словно издалека.

— Это я, Джон Су.

Я говорил задыхаясь, уловив удивление по ту сторону.

— Что случилось? Это так неожиданно.

— Я прошу тебя, роди мне ребёнка.

В трубке не было ответа. Я опять сказал задыхающимся голосом:

— Ты родишь мне?

А потом очень сухой, может быть, поэтому спокойной голос Чхэ Хи произнёс:

— Нет.

Я услышал, как она тихо положила трубку. Аптекарь с щелчком открыл ящик с мелочью в телефонном автомате. Со звоном посыпались монеты. Сквозь эти звуки донёлся голос хозяина:

— Хотите ещё что-нибудь?

Я покачал головой. Хозяин сказал: “Пора нам закрываться”. Я вышел на улицу. За спиной было слышно, как монеты ударяются друг о друга, и вскоре ставни магазина закрылись. Свет совсем не просачивался между щелями, было совсем темно. Я, как это ни странно, почувствовал покой. Темнота была прозрачна. В эту ночь, мне казалось, можно было увидеть даже ангелов. Я огляделся. Темнота дышала тихо и так незнакомо обнимала меня, она существовала с непривычным чувством и новой болью. Я прошёл мимо аптеки и побежал. Асфальт блестел чёрным, и мои ноги отскакивали от него.

Было ощущение, что чем дальше я бежал, тем моё тело становилось легче. Ветер царапал лицо и скользил мимо. В такой прозрачной темноте, в таком бесконечном пространстве пара ключей была бессильна. Я вытаскивал их из кармана и далеко отбросил. И не стал слушать, как они падают. Я никогда не вернусь.

Я бежал, не разбирая дороги. И видел, как из-за далёкого поворота улицы выползает густой туман.

(“Ежемесячная литература”, сентябрь 1969 г.).

Магнолия

За окном опускались сумерки. Я вытерла мутное стекло и смотрела, думая о том, что на улице ветрено, это видно по еле заметным, как пыль, снежинкам.

— Нарисуй магнолию! Или мандалу¹.

Я рисовала контуры цветов и гранатов, экономно используя короткое дневное время, и грела свои постоянно замерзающие руки под мышками, когда вдруг по спине прошёл озноб от голоса, прозвучавшего в пустой комнате. Я обернулась. Лицо Хан Су, закрывшего входную дверь и опирающегося на неё, было красным от пьянства. Он, видимо, до сих пор помнил о магнолии, которую я так старалась нарисовать, но так и не смогла.

Нарисовать магнолию. Ах, какая это мечта! Только мечта, не более.

¹ Мандала — буддийский символ, обозначающий сферу обитания божеств.

Магнолия, пурпурная магнолия или белая. Это цветы-заклинания, когда мы призываем дух умершего. Раньше её даже не сажали в саду перед домом. Дух, цветший на белых костях матери. Цветы, с надёжностью гармонии отражающие белый свет, с яркостью горящей в ночи электрической лампы. Беззвучно лопающиеся бутоны, превращающиеся в дух чистой Девы.

Это бесчисленные рты. Они цветут всю ночь, как будто соблазняя людей, льнут и, как пьявки, высасывают душу ночи.

— Сейчас нет магнолии.

Я ответила неудачно. Это было всего лишь жалким оправданием. В действительности дело не в том, что магнолия сейчас не цветёт. У меня не получается нарисовать её.

Белые цветы магнолии распускались на грешных костях матери, которые так и не побелели до того, как покрывавшие её кости травы отцвели и высохли в пыль. Цветы, распускающиеся по ночам, летали высоко-высоко в бесконечном небе и закрывали его, но кости матери всё же не побелели.

Однажды Хан Су сказал, что я рисую мандалу, когда я пыталась изобразить магнолию. Он затронул болезненное место, и я, почувствовав холод в сердце, вышла из художественной мастерской не ответив, перевернув холст, где на синем фоне были рассыпаны бесчисленные белые пятна.

Хан Су убрал со стола блюдо с фруктами и вазу для цветов. Потом взял в руки гранат, с силой разломил его, протянул мне половину, а сам стал грызть вторую.

— Кисло, правда, кисло? Вот именно это и есть суть. Да, гранат кислый.

— Я не поняла, о чём ты?

— Если ты не понимаешь, значит, этот разговор просто бессмысленный.

Хан Су, скривившись от вкуса граната, слегка ударил пальцами по своим губам.

— Иди-ка домой, занимайся ребёнком. У тебя не получится рисовать, что бы ты ни делала.

Он мог бы не говорить это, я и так собиралась уходить.

Действительно, у меня не получится нарисовать магнолию. Если постараюсь, я максимально точно и красиво нарисую фрукты и вазу, но я никогда не смогу нарисовать цветущую магнолию, как будто ядовитая двухголовая змея свернулась у меня на груди.

Я перевернула незавершённую картину, изображающую вазу и гранат, чтобы её не было видно, и накинула пальто. Потом некоторое время поколебалась, продолжать ли слушать колкости Хан Су, стоявшего в дверях, или пройти мимо, попрощавшись лишь глазами.

— Извини, если я помешал тебе.

Как только рука Хан Су коснулась моего плеча, я почувствовала, как будто с треском порвалась туго натянутая струна. У меня потемнело в глазах. Я подумала, что Хан Су хочет меня обнять. Вдохнув запах алкоголя, я вышла за дверь. Хан Су высунул голову из-за двери, удивлённо посмотрел на меня, сказал: "До свидания", — и хлопнул дверью.

Некоторое время я просто стояла.

— Ты чуть не прищемил мне дверью нос!

Я повернулась и медленно пошла по бетонному коридору. Даже при свете дня старая лестница этого ветхого здания была темна и опасна. Я, стараясь не оступиться, осторожно делала каждый шаг.

Иди домой и занимайся ребёнком? Мой муж довольно часто так говорил. Когда я слышала это, моё лицо бледнело, но сердце не дрожало от гнева и оскорбления, и я отвечала довольно резко: “А как же! Если бы мне было о ком заботиться, я бы так и сделала!”. Но теперь нет людей, относящихся ко мне таким образом. Все знакомые считают, что при мне говорить о муже и ребёнке — большая бестактность. Все относятся к этой теме с большой осторожностью. Впрочем, такая реакция лишь показывает, что они не хотят вреда прежде всего себе.

Сон Хи, которая мило пела “Бабочка, бабочка, давай полетим на гору Чхонсан”, наверно, пора ходить в детский сад. Теперь она будет петь вместо “Бабочка, бабочка, давай полетим на Чхонсан” — “Бабочка, бабочка, прилетай сюда”.

Бабочка, бабочка, давай полетим на гору Чхонсан,
Бабочка — парусник, ты тоже полетишь с нами,
Кленовые листья опали из-за сильного инея в октябре...

Когда я спросила мать, где Чхонсан, она мне, маленькой, совершенно спокойно ответила, что это то место, куда отправляются после смерти, сунула в рот сигарету и прикурила её от спички.

Снежинки стали крупнее. Сначала я хотела вытащить из кармана шарф, но, вспомнив, что оставила его в мастерской, подняла воротник пальто и втянула голову в плечи. Иди занимайся ребёнком? Я тяжело вздохнула и подумала, знает ли Хан Су, что я живу отдельно от мужа, оставив дочь у его родителей. Если даже он и знал об этом, то, наверно, сказал это без злого умысла. Это просто его привычка говорить о жизни, думая, что человеческое существование подобно реке — течёт и течёт без каких-либо интересных событий.

С ним я два-три раза пила соджу и до того напивалась, что даже не помнила, где и как расставалась. Оба раза было одно и то же. Склонившись на его плечо, я горько плакала, потом мне долго было стыдно.

Мы с мужем пока не нашли никакого выхода из создавшегося положения и жили отдельно. С тех пор я стала бесконечно и безнадежно спать и появилась привычка: когда напиваюсь, я пою “Бабочка, бабочка, давай полетим на гору Чхонсан”, зову дочь и плачу. Я знала, что это плохо, но мне не удавалось с этим справиться. Через какое-то время, когда один человек в компании, где я пила, сказал мне об этом, я так сильно сжала пальцы в кулак, что на ладони остались следы ногтей, так мне захотелось задушить его, сидевшего напротив.

Наверно, Хан Су тоже знал, что у меня есть такая привычка. Точнее, он, возможно, знал мелодию Синави², в которую я плотно куталась по ночам, когда цвела магнолия в моей душе. Поэтому, наверно, он иногда мне говорил с насмешкой: нарисуй магнолию — мандалу.

— Как долго ты так будешь идти? Ты идёшь так, будто хочешь дошагать до края земли.

Я оглянулась. Хан Су стоял рядом со мной, тяжело дыша.

² Синави — музыка в шаманском обряде.

— Я наблюдал за тобой. Ты так медленно шла, что я не смог не следить за тобой.

У Хан Су были хорошее настроение и довольный вид, видимо, оттого, что он успел меня догнать. Мне показалось, будто он имел в виду: ты специально так медленно шла, ведь ты догадалась, что я наблюдаю за тобой из окна. Я не находила подходящего ответа и от этого нервничала.

— Ты что, собираешься уйти в такую снежную погоду?

Вместо ответа я слегка улыбнулась. А потом пошла следом за Хан Су, гордо вышагивающим впереди, смотря на его пятки. С волос по щекам текла вода от таявшего снега, и мне пришлось идти низко наклонив голову.

По его поведению было видно, точнее, он вёл себя так, будто не ограничится одним лишь чаепитием. То и дело он заглядывал в ресторанички, которые ещё не открылись. Но я, решив, что “сегодня нельзя” и тряхнув головой, как бы подтверждая своё решение, пыталась подавить уже жгучее желание.

“... Я уже давно знал, что ты живёшь у родителей. Лишь теперь, уверившись в этом, я пишу тебе письмо. Со вчерашнего дня я стал считать, сколько времени осталось. Двадцать восьмого числа я выезжаю отсюда”...

Подняв голову, я смахнула рукой воду, текущую по лицу. Хан Су, идущий впереди, тоже постоянно вытаскивал носовой платок и вытирался, видимо, капли воды текли по шее. Платок был такой грязный, что невозможно было определить его изначальный цвет. Это бросилось мне в глаза наверное потому, что осталась привычка заботиться о мужчине. Я случайно замечала такие вещи, как носки с дырочками, воротники с нежной полоской грязи, несвежие платки, они меня волновали, хотя меня это не касалось.

“... Давай уедем из города и купим дом с большим садом для нас троих — меня, тебя и Сон Хи. Я копил деньги, чтобы купить такой дом. Как подумаешь, на какую ерунду человек иногда тратит свою жизнь...”

... Дорогая моя, я тебя люблю и надеюсь, что мы сможем заново начать жизнь вместе. Мы будем счастливы, как никогда! Здесь я страдал. Каждый вечер, когда мне не спалось от полчищ малярийных комаров, я ненавидел свою глупость. Я хочу домой”...

Я опять подняла голову и вытерла воду, заливавшую лицо. Муж пишет издали, из глубины Африки, что хочет вернуться и мы сможем начать всё заново. Но так не бывает. Желание начать заново — это всего лишь слабая надежда что-то изменить, это всегда так бывает. Когда я три года назад ушла, оставив Сон Хи, я говорила ему то же самое. Муж не уговаривал меня. Но когда я действительно ушла, он отвернулся от меня, назвав злой. Как и другие женщины, которые узнали, что у мужа есть любовница, я тоже хотела пойти к ней, разбить зеркало ночным горшком, разорвать одеяло в клочья и оттащить её за волосы. Но вместо этого, по ночам, когда муж не возвращался домой, я ждала его в тёмном переулке. Когда шёл дождь я, стоя до темноты, крутила зонт, как вертушку на палочке. И в такие ночи мать приходила ко мне такая свежая, будто её только что вымыли.

Мать жила одна в другом доме. Я никогда не жила с ней, потому это не казалось мне странным. Дома были отец, мачеха и её дети. Никто из них не скрывал матеря от меня. Она тяжело перенесла роды, её парализовало, а потом в неё вселился дьявол.

Везде, где происходил шаманский обряд “гут”, всегда можно было увидеть мою мать в традиционной синей кофте, в красной юбке, в длинном тёмно-синем жилете квэджа³, в чёрной меховой шапке для слуг времён династии Чхосон, держащей в руках веер и колокольчик.

Мать, которая отличалась крупным телосложением и высоким ростом, легко бегала по острым ножам соломорезки, не ранив себя, а после обряда падала и не могла подняться. Её ноги были бессильны, и передвигалась она только в инвалидной коляске.

Мать совсем не была красива. Скулы сильно выдавались, лицо было землистого цвета, а губы синими. Теперь я понимаю, что это было от курения, но в детстве я никак не могла поверить в то, что мать, у которой синие губы, которая редко улыбается, лицо которой так лоснилось, будто она вспотела или её намочил дождь, которая корчилась от страданий и становилась от этого похожей на персонаж картины Синджангдо⁴, родила меня. Я не могла поверить в это, потому мне было всё равно.

Я часто, когда хотела, приходила к ней. Потому что каждый раз, когда я там появлялась, меня угощали рисовым хлебом и финиками. Отец и мачеха меня не отговаривали. Бывало так, что когда я возвращалась после захода солнца, и мачеха, услышав, как я гремлю, пытаюсь открыть запертую дверь, вставала после довольно продолжительного времени, снимала дверное кольцо и говорила, что они думали, будто я совсем ушла к шаманке. Голос был совершенно без эмоций. В такие моменты отец в темноте давал знать, что он недоволен мной. А мне всякий раз было неудобно и я волновалась отчего-то, переступала через младших братьев и сестёр, рядом спящих на полу, ложилась, отворачивала лицо к стене и молча сопела. Хотя мачеха не хотела делить со мной спальню и ей было лень отпирать мне дверь, мне в голову даже не приходила мысль спать в доме матери, где висит Синджангдо и в стену воткнуты нож и копьё, где бесконечно, ночью и днём, цветут искусственные разноцветные цветы в свете свечи, будто души умерших. К тому же люди говорили, что в темноте приходит дух, чтобы ночевать у матери, поэтому она и ушла из дома, найдя отцу другую женщину.

— У отца всё нормально?

Когда я приходила к матери, она меня всегда об этом спрашивала, предлагая еду. А я увлечённо жевала, поэтому мне было не до её расспросов. Тогда мать тяжело вздыхала, придвигала к себе коробку спичек, зажигала сигарету и напевала тихонько: “Бабочка, бабочка, давай полетим на гору Чхонсан, бабочка-парусник, ты тоже полетишь с нами, кленовые листья опали из-за сильного инея в октябре, наша пустая жизнь, как роса на листе, и мы уходим такими же беспомощными, какими появились на свет...”. И тогда её плечи начинали дрожать.

По ночам, когда муж не возвращался домой, я, вспоминая мать, как и она выплёскивала в песне свои грусть и обиду, напевая: “Бабочка, бабочка, давай полетим на гору Чхонсан...”, как бы совершенно отказавшись от всех надежд, и возвращалась домой, вдыхая воздух холодного, чистого до спазм в горле, раннего утра.

³ Квэджа — традиционная одежда, которую шаманы надевали во время обряда.

⁴ Синджангдо — в буддийской мифологии изображения духов, охраняющих стороны света.

— Это местечко очень даже неплохое.

Хан Су, подняв льняную штору, заглянул в помещение, потом повернулся ко мне. Я замешкалась. Но скоро вошла следом за ним, сказав: “Хорошо”. Внутри было малоллюдно, видимо, потому, что вечер был ещё ранним.

— Что закажем?

— Соджу, конечно...

В ответ на мои слова Хан Су, поднеся руки к губам, издал звук трубы из рога — “пилик-пилик”.

Хозяйка тотчас принесла поднос, на котором стояли бутылка соджу и две перевёрнутые рюмки. Хан Су нетерпеливо сорвал пробку зубами и налил мне. Когда я тоже собралась налить в его рюмку, он с очень серьёзным выражением лица покачал головой и наполнил сам. Он быстро выпил, будто испытывал жажду. А я молча смотрела на свою рюмку. Соджу такая прозрачная, лишь даже взгляд на неё доставлял мне удовольствие. Я крепко держала в руке рюмку и тихонько качала её. Наполненная соджу рюмка качалась так опасно, казалось, она вот-вот опрокинется, но ни капли не вылилось.

Как-то раз, в день рождения мужа, рано утром, я тихонько вышла из дома и пошла за цветами по безлюдной чистой улице. А однажды мы ходили в фотоателье с Сон Хи, которой тогда исполнилось сто дней. Мы сфотографировались вместе на фоне картины с изображением смутно виднеющейся вдалеке церкви. Фотограф посадил Сон Хи между нами и снял в тот момент, когда привлёк внимание ребёнка детской игрушкой, приговаривая: “Сейчас вылетит птичка”. А как-то мы ходили смотреть оперу “Мадам Баттерфляй”. Муж заплакал, когда Чю-Чю-сан пропела: “Чем жизнь в бесчестьи, лучше смерть!”. Чем жизнь в бесчестьи, лучше смерть. Чем жизнь в бесчестьи, лучше смерть... Я нащупала его руку и взяла её в свои ладони.

— Отчего же ты не пьёшь, о чём так задумалась?

— Я просто подумала, что же ещё может быть прозрачнее, чем соджу.

Хан Су в ответ громко засмеялся, широко открывая рот. Его руки, держащие рюмку, тряслись. Похоже, у него тремор.

— Когда-то я так же усердно думал, где же ещё найти что-то прозрачнее, чем темнота ночи. Ты слышала звук ночи?

Ах, насчёт ночи я тоже кое-что знаю. Любой человек имеет свою, спрятанную глубоко под рёбрами ночь, память о ночи, воспоминания о ней. Я единым духом проглотила содержимое рюмки, просто вылила его в рот.

Густой ночью, когда мы с отцом и мачехой покинули родной город на лодке, оставив там мать, я до следующего утра, маясь от морской болезни, слышала в темноте, как плакала мать, будто это плакало море. Всю ночь я слышала сквозь сон простую мелодию Синави. Какой бы сон ни снился, как бы глубоко я ни спала, это заставляло меня просыпаться с ощущением, что музыка стремится схватить меня и поглотить каждое мгновение моей жизни, как густой туман.

“Про ночь я тоже кое-что знаю”, — сказала я Хан Су, поднося к губам вторую рюмку.

— Ты хочешь сказать, что по ночам цветёт магнолия?

— Я разве об этом говорила? Нет, на этот раз не об этом.

— Я думаю, что у каждого человека есть своя ночь, у меня она тоже есть. Точнее, образ ночи. История о человеке, играющем на трубе.

Хан Су, видимо, до нашей встречи уже пил, поэтому под глазами у него были красные мешки. А у меня мучительно кружилась голова, будто я приняла какое-то неправильное лекарство, и вскоре я, чувствуя горячее сильное опьянение, вливающееся в тело, стала внимательно слушать его.

Он был трубачом. То, что он попал сюда из другого района, у него другая фамилия, местные совершенно ничего не знают о нём, у него нет постоянной работы, его женщина вообще не выходит из дома, стало всего лишь поводом для посёлка, окутанного горами так, что даже ветер не вырывается из него, думать о нём, как о великом мастере.

Иногда он чинил дымовые трубы, заново возводил обвалившиеся глинобитные стены, связывал в снопы солому и получал за это деньги. Но он работал, будто развлекаясь, поэтому трудно было поверить в то, что он работает для того, чтобы прокормить себя и жену.

В этом твердолобом замкнутом посёлке он был известен просто как трубач. Но никто не видел и не слышал, как он играет, даже ветерок не доносил до нас его мелодий. И при этом никто не сомневался в том, что он мастер, его игра на трубе ещё глубже и таинственнее, чем звук ветра между горами, звук ручья, который просыпается в конце длинной, гораздо длиннее, чем в других местах, зимы. Неизвестно отчего, но ходили слухи, что он связан со злым духом. Говорили, что безлунной ночью или, наоборот, в полнолуние, на него нападает вдохновение, как потусторонняя сила. Людям так казалось, может быть, потому, что он выглядел равнодушным к быту, будто совсем выбросил его из головы. И на самом деле было такое ощущение, что он смотрит на свою жизнь как на отсвет пожара где-то за рекой. Так же он смотрел и на нас.

У него была молодая красивая жена. Люди говорили, что любовь и согласие между молоденькой стройной женой, редко выходящей из дома, и им, почти пожилым мужчиной, очень сильны, не то что у других. Но это было единственное, что люди о них знали. Отгородившись от пристальных взглядов людей бесконечно скучного, как стоячая вода в луже, посёлка, где друг о друге знают всё, скажем, у кого на кухне сколько ложек, они сильно обособились.

Он ни с кем не дружил и остерегался людей. Он жил в посёлке, но при этом он не принадлежал ему.

Когда его спрашивали о его красивой жене или о его трубе, он просто громко смеялся, не отвечая на вопросы. Где бы он ни был, он никогда не играл. Бывали люди, которые с осторожностью раза два-три просили его сыграть, но им приходилось смеяться вместе с ним. Именно это ещё больше подтверждало, что он действительно является настоящим трубачом. Ведь без облака дождя не бывает, как же он может исполнять без вдохновения, даже если он мастер.

Обычно безлунной ночью или в полнолуние он допоздна сидел за столом в деревенском ресторанчике и один пил соджу.

Это произошло как раз в последний день одиннадцатого месяца по лунному календарю. Группы молодых людей, изгнанных стариками из домика для гостей, собрались в углу комнаты и играли в азартные игры. Игра на пачку сигарет уже прошла трудные моменты и не была такой эмоциональной.

У каждого человека есть момент в длинной-предлинной ночи, когда вдруг испытываешь нестерпимое одиночество. Когда время от времени

слышишь, как где-то вдалеке лают собаки, рассеянно обращаешь на это внимание и бормочешь про себя: “Чья же это собака так лает, не пришёл ли slučajем нездешний гость?” — тогда игроки теряют интерес к игре. Тишина и скука снаружи вползают внутрь помещения, вдруг ощущаются тишина и скука собственной жизни, вспоминаешь тех, кто ушёл от нас и совсем уже забыт, и чувствуешь своё одиночество. Тогда все быстро выпивают по рюмочке и кто-нибудь, имеющий дар красноречия, начинает рассказывать скабрёзные истории, а все остальные, как бы заполняя пустоту, в которую только что напряжённо вслушивались, начинают громко и развратно смеяться, хлопая себя по коленям.

Издали слышится, как воют дикие звери в горах, к тому же в последний день одиннадцатого месяца по лунному календарю стоял такой холод, что на улице, кажется, замерзал даже звук ветра, спускающегося в ущелье к ручью на дне и словно облизывающего его. Как раз в тот момент, когда он собирался встать из-за стола и выйти из ресторанчика, кто-то показал на него пальцем. Сегодня, когда он молча заплатил и вышел, его спина казалась ещё безвольнее. Это заметили все.

У него не было детей. Ходили слухи, что он то ли слишком берёт фигуру жены, то ли они живут друг с другом слишком в ладу, поэтому Бог, дающий ребёнка и заботящийся о роженице с младенцем, сильно приревновал их и не дал детей. Но всем было непонятно, как они могут жить в ладу, если он такой грязный и вялый, что, кажется, его слабые ноги еле держат его, будто у него осталась одна кожа, а его жена с узкими печальными глазами, такая мягкая и нежная. В игре как раз миновал решающий момент, руки хозяйки, носящей чайник с водой, тоже стали мелькать реже, а длинная-предлинная зимняя ночь прошла только наполовину, к тому же это была та самая последняя ночь лунного месяца, когда трубач связывается с потусторонней силой. Тот, кто держал карточки хвату⁵, раздал их. Тот, кому попадётся карточка с изображением японской сливы, должен был узнать о его связи с иным миром.

Безлунной ночью он шёл, размахивая руками, будто призрак. На окраине деревни лаяли собаки. Вдруг он поднял руки и сделал вид, что хочет прогнать их. Движение было такое плавное, будто он танцует. У человека, тайком следившего за ним, сверкнули глаза, и он сглотнул ком в горле. Собак не было видно, но он всё ещё шёл, размахивая руками, словно танцует.

Его дом находился в отдалении от посёлка, расположенного внизу горы, распластанной, как юбка. Пройдя мимо домов, лежащих в низине, он подошёл к низкому забору из песчаника у своего дома и вытащил трубу. Потом набрал в лёгкие воздух и начал играть. Это были очень странные звуки. Было похоже на то, будто июньские змеи в период спаривания шуршат в траве. Одинаковые острые и прерывистые звуки “сиит-сиит”, возникающие при трении чешуек.

Он вышел за ворота и играл, прохаживаясь вдоль забора. Когда он раза два обошёл дом, в оклеенной бумагой двери комнаты, выделяющейся в темноте, вспыхнул свет, потом открыли дверь, и свет керосиновой лампы образовал узкую линию на каменной лестнице. Затем на ней на некоторое время появилась длинная тёмная тень и исчезла в более глубокой

⁵ Хвату — корейская традиционная карточная игра.

темноте. В это время дверь закрыли и выключили в комнате свет. Он спрятал свою трубу в карман жилета и открыл ворота дома.

Безлунной ночью темно, поэтому нетрудно было спрятать любую тень и любые шаги.

— Он напоминает мне Чхо Ёнг⁶.

— Да, верно.

Хан Су ответил равнодушно и засмеялся покачиваясь. Он смотрел на меня, но, на самом деле, его взор устремился вдаль. Мне показалось, что он прислушивается, не возникнет ли где-то сейчас звук трубы музыканта. Совсем стемнело. Отчего-то слёзы навернулись на глаза. Наверное, это от алкоголя. Всё тело стало тёплым и расслабленным. Мне казалось, что если в таком состоянии лечь ничком на стол, то я смогу заснуть спокойно, без сновидений. В глазах, полных слёз, появился подол юбки кведжа моей матери. Так случилось со мной когда-то ночью, и в тот раз мне приснилась магнолия.

Мать сгорела. То, что я видела, походило на объятые пламенем дерево. Пламя, сжигавшее юбку матери, которая переползала через порог, поднималось быстро к пояснице. Я не могла сдвинуться с места. От ворот до деревянного крыльца было всего несколько шагов. Огонь дополз до деревянной перекладки, поддерживающей дом, охватив стропила, и быстро распространился.

Казалось, что теперь мать, которая кое-как выбралась на деревянный пол веранды дома, сползёт по каменной ступеньке, а она вдруг резким движением встала. Она была очень высокого роста. Теперь пламя охватило рукава и развевалось в воздухе, как яркий занавес. Мать была дерево-пламя. Мне казалось, что она выбежала, не вытерпев жара огня, чтобы спастись от него, но, на самом деле, она лишь прыгала на месте, размахивая длинными руками, будто танцевала. Как в шаманском обряде, она стала огромным деревом-пламенем и горела. Я, спрятавшись среди людей, которые не смели подбежать к ней и прекратить это и лишь ужасались, стояла и до конца наблюдала за происходящим. Я не думала, что мать умирает. Казалось, она, будто в последний раз в жизни, призвав все до единой неуспокоенные души, проводит большой торжественный обряд.

— Дух, Дух, Главный Дух горы, покрытой зелёными ивами, мы положим тебя в нокбан⁷, а тело положим в гроб, после чего посмотрим вверх и увидим множество глубоких долин и множество вершин, а вниз посмотрим — увидим белый песок.

— Я уже пришёл, пришёл уже с вашими заклинаниями и вошёл в тело шаманки, я уже здесь. Ах, когда я был ещё жив, я не мог этого сделать, я пришёл, став жителем загробного мира.

В то время я точно слышала напев Диногви⁸, её привлекательную возбуждающую мелодию гутгори. Потом она упала на землю. Даже на земле она долго-долго и ярко горела, будто пламя охватило свежие ветви сосны, потом на неё упала большая перекладка, державшая колонны дома, и придавила её, как гигантский полоз.

⁶ Чхо Ёнг — чужак, являющийся героем легенд времён королевства Силла.

⁷ Нокбан — сосуд, в котором хранится дух умершего.

⁸ Диногви — обряд, который приводит дух мёртвого в рай.

Труп матери, покрытый травами, унесли в горы за посёлок. Говорили, что когда травы и плоть сгниют и останутся лишь белые кости, её мёртвая душа попадёт в хорошее место. Горы за нашим посёлком всё лето и всю осень кишели диким зверьём и стаями серых мясных мух. Но кости матери после лета, осени и даже после снежной зимы не стали белыми. Толстый слой травы, покрывавший её труп, сгнил, потом высох и разлетелся, как пыль, а кости матери, с оставшимися ещё кое-где кусочками плоти, всё ещё оставались чёрными, как сосновый дёготь.

Но когда наступала ночь, они сияли, отражая белый свет. Они горели бело-зелёным светом, и это было похоже на цветы. Кости матери, из каждого сустава которых вырастали белые цветы, образовывали большое цветущее дерево, а когда наступало утро, они превращались в мёртвый пенёк, покрытый увядшими цветами и становившийся всё чернее. Я не могла забыть, как мать, передвигавшаяся только в коляске, встала выше всех, и как она потом упала, словно горящее дерево. И я всегда переживала из-за того, что кости матери так и не смогли побелеть.

По поводу смерти матери люди постоянно шушукались, сплетничали и из уст в уста передавали бесчисленное множество раз, что на неё напал дьявол и поэтому она сгорела, что её кости не могут побелеть потому, что не устроили обряд, благодаря которому она смогла бы попасть в рай. Когда идёт дождь или ночью опускается на землю густой туман, то слышится печальная грустная песня шаманки, которую поёт обиженная мёртвая душа. Тогда, даже под огнём керосиновой лампы лица отца и мачехи становятся белыми от волнения.

Мы уехали оттуда в тумане на лодке, будто сбежали. Но даже после того, как я повзрослела, мне часто снилась мать и я видела магнолию, цветущую на её костях. По ночам, когда муж не возвращался домой, я горячо мечтала нарисовать магнолию и сдерживала ненависть, пускавшую свои глубокие корни в мою душу.

Когда вторая бутылка опустела, Хан Су, щёлкнув пальцами, позвал хозяйку. Она принесла ещё бутылку. Он дрожащей рукой налил соджу. А я быстро выхватила у него бутылку и осторожно налила в свою рюмку. Кажется, всё ещё идёт снег. Люди, открывая занавеску у входа в заведение, входили внутрь с головами, покрытыми снежинками, и стряхивали их с ног.

Я удержала руку Хан Су, который захотел взять четвёртую бутылку, и вышла из рестораника. В то время как он сильно шатался, у меня, наоборот, появилось ощущение, что опьянение совсем проходит. Я сунула руку под его локоть, поддерживая.

Когда мы, через улицу со стоявшими в ряд пивными заведениями, вышли на дорогу, он вдруг с силой стряхнул мою руку, сжался в комок и сел. Потом его стало рвать. Я думала: “К чёрту, что за денёк!” — морщила лицо и стучала по его спине.

— Не стоит, ну хватит же!

Его всё рвало, и он всё это время отталкивал меня, но я не прекращала стучать его по спине. Ладонями можно было почувствовать, как под его лёгкой курткой вибрируют рёбра. Я на некоторое время перестала стучать и положила руку ему на спину. Его тепло перетекло в меня.

“... Борясь с влажностью и стаями комаров, я каждой мучительной ночью думал лишь о том, что хочу быть рядом с тобой. Люблю, надеюсь, мы можем начать заново”...

Мы слушали и плакали. “Чем жизнь в бесчестьи, лучше смерти!”.

Я подняла голову. Снежинки, падающие на лицо, совсем не могли охладить меня.

— Теперь пойдём.

Я сунула руку под локоть Хан Су, который сидел сгорбившись, и помогла подняться. Видимо, теперь ему стало получше, он встал не сопротивляясь. Даже после того как он поднялся, я не вытащила свою руку из-под его локтя.

— Я провожу тебя до автобусной остановки. Куда тебе ехать?

На мой вопрос Хан Су не ответил. Видимо, уже поздно, машины на дороге проносились мимо. На асфальте снег растаял и стояли лужи, в которые всё ещё падали снежинки. Мы остановились у обочины. Когда я второй раз спросила Хан Су, в каком направлении мы идём, он ответил низким голосом, сквозь зубы: “Мне кажется, ты лучше меня знаешь”. Я подняла голову и взглянула на него. Он холодно, без тени улыбки, смотрел на меня. Я вытащила свою руку и закрыла ладонями лицо. В меня хлынула и превратилась в стремительный поток густая темнота той ночи, когда я покинула мать и убежала из посёлка, а где-то в ней беззвучно лопались бутоны белых магнолий. Эти цветы в конце концов унесут меня в ещё более глубокую темноту. Каждый раз, когда муж не возвращался домой, ночью в перепутанном сне и после, рано утром, когда я, стоя под душем, дрожала всем телом от непреодолимого горя, я понимала всё так ясно, будто это острым зубилом выбито в моей голове, и думала: “Да, до этих пор я жила только чувствами, как насекомые живут своим осязанием, я жила только чувствами, меня мучили губительные желания и страсти, как горн, раздували жар в моём теле”. Тогда магнолии, растущие на костях моей матери, распускались во мне с таким ощущением, будто по всему моему телу ползают насекомые.

— Хорошо.

Я опять взяла Хан Су под руку.

Редкие снежинки лишь изредка показывались в свете фар, как облака пепельного цвета, закрывали кругозор, делая всё смутным.

Мы смотрели друг на друга, будто не были знакомы. Мы особо не скрывали своей враждебности. Потом мы медленно пошли, как паломники, которые отправляются в путь для того, чтобы отыскать сказочную ведьму, сыплющую бесконечные зёрна риса... “Бабочка, бабочка, давай полетим на гору Чхонсан”. Где же Чхонсан? Вот здесь.

Мы торопливо переплыли густое море.

Уши плотно кутались в ритм Синави всю ночь.

— Дух, Дух, Главный Дух горы, покрытой зелёными ивами, мы положим тебя в нокбан...

Каждый раз ночью, когда я погружаюсь в длинный отчаянный сон, то поднимаясь, то падая вниз, я никак не могу избавиться от магнолий, цветущих в моей душе.

Каждый раз ночью, когда муж не возвращался домой, магнолия расцветала на тех местах, где клеймами сияли отпечатки его пальцев. И хотя она расцветёт тысячами, десятками тысяч цветов, я никогда не смогу нарисовать её.

(“Литературная идея”, май 1975 года).

Юрий ПОКАЗАНОВ

“Серебряный звон тишины...”

Полудень, полуявь, полувздрог,
 Полусвет, полудиво...
 Оторвался от клёна листок
 И на землю упал сиротливо.
 Не пройду по нему я ногой,
 Наступлю на него — преступленье,
 Может, в это полумгновение
 Он ещё, бедолага, живой...
 Я его естества не нарушу,
 Подержу на ладони своей,
 Чтоб его сиротливую душу
 Одарить теплотой поскорей...

Поля пшеничные, озёра да деревья,
 Пронзительный грачиный край...
 Я еду за поэзией в деревню,
 За песнями я еду в отчий край...
 Река моя... Черёмуха лесная
 Да старый довоенный мост —
 Всё памятью высокой обрастает —
 От ручейка до родниковых звёзд,
 В крови всё оседает на столетье,
 В душе всё остаётся навсегда...
 Ещё в разгаре солнечное лето,
 Кипит в лугах крестьянская страда.

... А вчера я видел, как ржаное небо
 Подпоясывалось красною зарёй...
 И в округе пахло молоком и хлебом,
 Земляничкой пахло и росой...
 Пела иволга за рощей где-то,
 Молодое эхо вторило в ответ...

Юрий Иванович ПОКАЗАНОВ

— учитель по образованию. Многие годы директорствовал в школе. Ныне на пенсии. Автор поэтических сборников “Родники народные”, “Люблю и помню”, “Притяжение памяти”, “Радуга над Окунёвкой”, “Ранние снегопады”. Печатался в журналах “Юность”, “Простор”, “Мысль”, газетах “Комсомольская правда”, “Сельская жизнь”, “Казахстанская правда”, “Индустриальная Караганда” и других. Живёт в г. Темиртау Карагандинской области.

В “Ниве” выступает впервые.

Я смотрел и слушал золотое лето,
 Я встречал берёзовый рассвет.
 Было это волшебство и чудо:
 Роща, иволга, рассвет, заря...
 Эту встречу я не позабуду —
 Эту встречу позабыть нельзя.

Три белоснежных оленя...

Помнится это мгновенье,
 Снится нередко во сне:
 Три белоснежных оленя
 Мчатся по свежей стерне...
 Мчатся они бездорожьем
 К речке лесной напрямик
 Мимо реликтовой рощи
 Сквозь низкорослый тальник...
 Помнится это мгновенье...
 Чу! Вот лесная река —
 Три белоснежных оленя
 Пьют из реки-ледника.

Я живу отныне
 У Таргас-реки...
 Порыбачу с сыном,
 Попишу стихи...
 Встанем на рассвете,
 Сядем мы в баркас —
 Нас рассветный ветер
 Холодком обдаст.
 Проплывём крушину,
 Ивы проплывём —
 И букет кувшинок
 Бабушке нарвём.
 Будет несказанно
 Счастлива она —
 Зацветёт в стакане
 Белая весна.

Всё помнится

Всё помнится: и зимний день,
 И зяблик, тронутый ознобом,
 И покосившийся плетень
 У дома, вросшего в сугробы,
 Колодец с длинным “журавлём”,
 Идущая к колодцу мама,
 И звёздный дальний окоём
 Над присмирившими полями,
 И горница с окошком в сад,

В простор, в немое белоснежье...
 Всё помнится, но нет пути назад, —
 Есть только светлая надежда.

Журавлёнок

Внуку Георгию Показанову

Продеру глаза спросонок —
 Это что за странный вид:
 Длинноногий журавлёнок
 По ограде колесит..
 У ворот мальчишек много,
 Озорством глаза горят..
 Журавлёнок длинноногий
 Смотрит гордо на ребят..
 Этим звонким вешним летом
 Будем вместе — он и я,
 Но однажды на рассвете
 Улетит он от меня..
 Детский мир, как льдинка, тонок,
 Только светел миг его..
 Длинноногий журавлёнок —
 Радость детства моего.

Я люблю сосновый запах
 (Он давно в меня вошёл) —
 Из сосны строгали плахи,
 А из плах стелили пол..
 Были плотники пригожи —
 Я подобных не видал —
 С ними дедушка мой тоже
 Плахи истово строгал.
 По лицу катился струйкой,
 Как слеза, солёный пот,
 Говорил мне дед: “Подуй-ка,
 Ты подуешь — пот пройдёт”.
 Лет уже, наверно, тридцать
 Не бывал я в тех местах,
 Но во мне живёт и длится
 Запах тех сосновых плах.

Белое безмолвие

В моём краю уже снега,
 Уже зима окутала деревья,
 В безмолвье белом низкие стога
 Стоят в полкилометре от деревни.
 Безмолвье белое, и только иногда
 Вороний карк, сорочье стрекотанье
 Ворвутся неожиданно сюда,
 В заречно-луговое мирозданье,

Ворвутся смело в утреннюю рань,
 Как в сказку неожиданно присловье.
 ... Белым-бело кругом, куда ни глянь,
 На все четыре стороны безмолвье.

Пока рождаются высокие слова...

Как только сбросит ночь свои покровы,
 Я сяду одиноко у ручья.
 Послушать сердцем утреннее слово,
 Как первый звук хрустящего луча...
 Подставляю небу тёплые ладони,
 И от блаженства захмелев слегка,
 Услышу я, как рядом сладко стонет
 Черёмуха в объятьях ветерка.
 И встречу распростёртыми руками
 Мечту мою, что, как весна, жива,
 И помолчу наедине с уплывшими веками,
 Пока рождаются высокие слова.

Дымок струится к небу,
 (Струись-ка веселей!),
 Несётся запах хлеба
 По улице моей.
 Колдует моя мама
 У глиняной печи
 И добрыми руками
 Вздывает калачи.
 И бережно кладёт их
 На лавку у стола,
 А в доме тихо-тихо,
 И горница — светла...

Над письмом горевали вдвоём...

Над письмом горевали вдвоём,
 В те минуты для нас роковые...
 "Схоронили его за Днепром
 На рассвете друзья фронтовые...
 Были вещи, — писалось в письме:
 "Карандаш, да тетрадь, томик Блока —
 Высылаем всё это семье...
 Он убит был в атаке жестокой,
 Отомстим за него мы врагу...
 Верим: будет Победа за нами!"
 То письмо до сих пор берегу,
 Томик Блока, тетрадь со стихами...
 Я поэзию Блока люблю,
 Посвящу в неё сына и внука...
 А себя на мысли ловлю —
 Это дядина, видно, заслуга.

Откровение

Всё когда-то кончается,
Срок всему на земле...
Отгорит-отпечалится
Иван-чай на заре.
Улетят восвояси
И мои журавли,
И растает, как счастье,
Дым рассветный вдали...
Моя грусть безутешна,
Только греет меня,
Что в судьбе моей грешной
Ты — надежда моя!
Всё подвластно старенью,
Всех преследует рок...
Ты — моё озаренье
В сонме бед и тревог...

Никогда я не был отрешённым,
Белый свет безоблачно любя...
Чувствую себя опустошённым
И потерянно печальным без тебя...
Вешний луг подёрнулся туманом,
Загрустил над речкой краснотал —
И к берёзке в лёгком сарафане
Интерес нечаянно пропал...
Никому я боль свою не выдам,
Только об одном тебя молю:
Возвращайся, я прошу обиду,
Возвращайся, я тебя люблю!

Мой апрель

Многоцветье в распахнутом небе,
Пряный запах лесной стороны
И берёзовый ласковый лепет,
И серебряный звон тишины,
И хрустальные вздоги капли,
Переключка грачей на лугу
Узнаю я в повадках апреля
И, как тайну, я их берегу...
Льётся звонкая, нежная песня
Над просторами тихих полей,
Мой апрель, синеглазый кудесник,
Вечный маг и земной чародей,
Ты открой мне волшебные двери
И, как друга, меня позови
В край надежды, покоя и веры,
В край таинственный светлой любви...

Как любил я...

Как жадно вдыхал я медово-целительный запах
Этих светлых, до боли любимых кудрей,
Как я нежно шептал ей когда-то:
“До завтра!”

Под таинственный шёпот вишнёвых ветвей.
Как любил я её, очарованный светом
Этих синих божественных глаз...
Мы расстались — и звонкое лето
Закатилось, закончилось враз...
Всё кончается странно и страшно,
Словно целится в сердце пищаль...
“До свиданья! — кричу я, — Наташа!”,
А в ответ, как проклятье: “Прощай!”...

Безжалостна разлуки плеть
И боль — не по плечу.
Я не смогу тобой переболеть
И, знаешь, не хочу.

Отгорела любовь пустоцветом
По холодной и снежной весне,
И последняя песенка спета,
Но осталась ты солнцем во мне...

Это, видимо, осень —
Вся душа в сквозняках...
Серебристая просесть
Улеглась на висках.
Это всё-таки осень:
Безутешно в груди,
Нет таинственных просек,
Пустота впереди.
Это жёлтая осень —
Вся в печали земля.
Мне не машут с откоса
Ни враги, ни друзья...
И не надо вопросов —
Сердце мне не трави...
Это странная осень
Нашей грустной любви.
Предрассветною ранью
Журавли улетят —
Это осень прощанья,
Осень горьких утрат.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ,
ПОЛКОВНИК

Последний фронтовик из Даукары...

Откровенно говоря, не помню, что надоумило меня записывать рассказы фронтовиков о Великой Отечественной войне. Видимо, поводом стало то, что рядом всегда находились ветераны войны, родные братья моего отца Нурдаулета — труженика тыла Нургали, Курмангали, Конкай. Меня особенно поражал дядя Курмангали, вернувшийся с фронта из раненым, без одной руки, но не унывающий в жизни. Глядя на него, как он трудится в дни сенокоса, забрасывая одной рукой поддетый на вилы пласт сена в высокий кузов автомашины, не скажешь, что инвалид. Педагог по профессии, Курмангали Жагипарулы всегда для нас, детей, во всём был ярким примером, олицетворением мужества. Или другой родственник Кажиакпар Аяганулы, герой-разведчик, воевавший в прославленной армии Василия Ивановича Чуйкова, на фронте потерявший ногу. Несмотря на это, оставался оптимистом по жизни, хорошим семьянином, воспитал не только своих шестерых детей, но и дал путёвку в жизнь воспитанникам интерната, возглавляя его. Многие из них стали известными людьми в Казахстане. А добрые традиции Курмангали Жагипарулы и Кажиакпара Аяганулы переняли дочери Гаухар, Сайран, Кульмара, Марал, став педагогами, а внуки — Тимур, Жасулан, Асет избрали профессию защитника Оте-

чества. Ныне они — офицеры, служат в Вооружённых Силах РК.

Поразительно, но все ветераны, с кем я встречался, скромничали, отнекиваясь, мол, какой я герой? Таранов на самолёте не совершал, в танке не горел, амбразуру дзота грудью не закрывал.

Просто выполнял свой гражданский и воинский долг, воевал, как и все, трудился для блага народа.

То же самое слышал от моих родственников-односельчан, которые проживали и проживают в селе Даукара Айыртауского района Северо-Казахстанской области. Они всегда были приветливы и скромны, старались быть незаметными. Никогда не любили вспоминать о войне, о своём боевом пути, но при этом умели душевным словом и дружеским участием согреть как взрослых, так и детей, лелея в них добрые семена.

Для них благородство, честность, порядочность, душевная чистота были сутью жизни.

Перебираю свои блокноты, и не отпускает мысль сколько можно было бы услышать от тех же даукаринцев, кавалеров орденов Славы — пехотинца Мешеля Михина, орденов Красной Звезды — разведчиков Жусипбека Махметова, Акжигита Кажикенова, военного водителя Касена Омарова, некоторых других, займись я этим раньше. Ведь только в одной Даукаре из 90 ушедших на фронт мужчин больше половины

не вернулось. А уцелевшие в кровавой мясорубке жили скромно, не выпячивая себя.

А время берёт своё, уходят ветераны, победители, дорогие мои старики...

“Что касается моих односельчан-фронтовиков, то их в нашем селе Даукаре уже нет, был Жамантай Альмагамбетов, и тот ушёл в мир иной перед празднованием 65-летия Великой Победы, да и в самом районе оставшихся можно на пальцах пересчитать, — с грустью говорит дядя Конкай. — Память неподвластна времени. Пока они живы, надо использовать все возможности, чтобы они поведали о войне всю правду. Поверьте, всё было в ходе битв: и радость побед, горечь тяжёлых потерь, кровавое месиво “котлов”. Лишь несведущему кажется, что война всюду одинакова.

Именно Великая Отечественная стала рубежом, разделившим жизнь целого поколения на то, что было до и после. Образно сказал Константин Симонов:

*Война такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что 20 лет и 30 лет
Живым не верится, что живы...*

И через 65 лет, и позже каждый из нас, фронтовиков, кто ещё останется на этом свете, не перестанет воспринимать как дар судьбы то, что ему удалось выжить после всего перенесённого в ходе боевых сражений.

Считаю самым дорогим и священным то, что отец передаёт эстафету сыновьям, внукам, одно поколение другому — это память. Надо нести дальше, как святую чашу, не расплескав в пути, беззаветную преданность Родине, готовность в большом и малом ставить её интересы выше личных. Этим всегда была сильна наша страна, в этом, наверное, стержень её национального духа. Память о былом, о людях, чьи героические подвиги являются нашей гордостью.

Что касается моих фронтовых дорог, — вспоминает аксакал, — то я прошёл боевой путь в составе 89-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта под командованием выдающегося полковника, четырёхжды Героя Советского Союза, маршала Георгия Константиновича Жукова. Исполнилось моё желание, моих боевых друзей дойти до Берлина — логова фашизма. Но каким трудным был до этого путь! До сих пор в ушах звучат голос командира батареи: “Держись, сержант!”, его команды: “Орудия к бою! Заряжай! Огонь!”. И раскатистый грохот артиллерийской канонады. Перед глазами — ошетилившаяся штыками людская масса, ворвавшаяся во вражеские траншеи. На поле боя, окутанном дымом и копотью, мы вступили в рукопашную. Высоту отстояли, а значит — очередной рубеж нашей Отчизны.

Уже не раз меняли огневые позиции, поддерживая огнём пехоту. Встречаясь с товарищами из пехоты, запомнил одну и ту же фразу: “Братиска, огонька не жалея, поддерживай!”.

Очередной артобстрел фашистов. Взрывается снаряд, за ним второй, третий, переворачивая толщи земли, заваливая нас. Поднимаешься, ничего не видно в рыжей пыли. А в узких просветах проглядывает лишь усталый диск солнца. Он после артобстрела кажется обуглившимся и обгорелым. Бывало, когда у нас снаряды заканчивались, раздавалась команда:

— Гранаты к бою!

Вспоминая события давно минувших дней, я и сегодня слышу припев знакомой песни:

*Эх! Граната, моя граната!
Мы с тобой не пропадём!
Мы с тобой, моя граната,
В бой за Родину пойдём”.*

Бои под Берлином навсегда остались в памяти ветерана ещё и потому, что там он был тяжело ранен.

“Наступила последняя военная весна, — продолжает старый солдат. — Под ногами чавкала набухшая почва. С запада дули тёплые ветры. Каждый, кто находился на фронте, носил в себе затаённую мечту быть участником штурма столицы фашистской Германии. Бойцы между сражениями вели разговоры о мирной жизни, о доме родном”.

Конкай Жагипарулы ещё в учебке, где осваивал противотанковое оружие, подружился со своим сверстником, весельчаком Айтмухамбетом Оразалиным, делясь с ним самым сокровенным. “Айтеке, вот закончится проклятая война, — говорил он, — приедем домой, будем учиться, работать, обустроимся, заживём. Главное теперь, чтобы всегда были мир на земле, взаимопонимание между людьми, дружба, не об этом ли гласит поговорка: “Любой мир лучше вражды людской, добрая дружба крепче объятий родичей”. Меня дома с нетерпением ждут отец, мать, сёстры Саркен, Зипа, Газиза, брат Нурдаулет. Они, как и многие, от мала до велика, трудятся от зари до зари. Словом, подпирают фронт. Молю Аллаха, чтобы живыми и здоровыми вернулись с фронта братья Нургали и Курмангали”.

Не было в те апрельские дни бойца, который не понимал бы — конец войне близок. Об этом напоминали на дорогах указатели: “Вперёд, на Берлин!”, “До Берлина осталось столько-то... километров!”. И на танках, полтораках тоже красовались такого рода надписи.

“Трудно представить наше состояние в тот момент. Мы были одержимы стремлением добить гитлеровцев в их логове. В непрерывных боях не до сна было, а если спали, то урывками. Помнится, 16 апреля ранним утром земля содрогнулась от залпа “катюш”. Следом заговорили наши пушки. Стреляли мы, не переставая, ствол орудия так накалился, что на нём можно было печь баурсаки или оладьи. После первых разрывов над полем боя повис плотный слой пыли и гари, сквозь который едва пробивался свет прожекторов и танковых фар. Это были самые труднейшие дни и километры. Чего стоил только штурм Зееловских высот!? Каждый метр земли был окутан колючей проволокой, густо заминирован. Каждый бугорок, каждая лощинка пристреляны. И пехотинцы шли под прикрытием огневого вала. С тяжёлыми боями преодолевали глубоко эшелонированные заграждения.

Пришлось форсировать реку Шпрее и многочисленные каналы. Ожесточёнными были сражения на улицах Берлина, эсэсовцы дрались отчаянно, отстаивали каждую улицу, дом, подвал, чердак. Велики были и наши потери. Самым обидным было терять в последние минуты перед победой друзей, с которыми делили глоток воды и горбушку хлеба.

Никогда не забуду и такой случай, — говорит ветеран. — День уже клонился к концу, казалось, что фашисты прекратили огонь, вдруг неожиданно, где мы наступали, откуда-то выскочила маленькая девочка, а к ней рванулся наш боец. Ему стали кричать: “Назад, вернись!”, но он, пригибаясь, всё убыстрял шаг. Повисла напряжённая тишина. Замерли бойцы в ожидании. Вот солдат уже рядом с ребёнком, но тут внезапно

раздаётся вражеский выстрел. Боец упал — им оказался Айтмухамбет Оразалин. Вскоре его увезли в госпиталь, так мы расстались. Встретиться нам удалось лишь через 62 года после войны, к сожалению, ныне его уже нет в живых. Затем я сам получил ранение.

Что и говорить, жил и воевал Оразалин, как и все, кажется, ничего особенного, примечательного в нём и не было. Но когда возникла такая ситуация, связанная с жизнью ребёнка, он не посмотрел ни на что, бросился спасать малыша. Тогда, как вспышка молнии, озарило его, и стали видны каждая его чёточка, каждый штришок, и предстал перед нами совершенно другой человек. Конечно же, этот необычный поступок оценили все. Были и другие отчаянные боевые друзья, которые не боялись ничего, когда возникали непредвиденные обстоятельства”.

Да и сам Конкай Жагипарулы среди бойцов выделялся внутренней собранностью, сдержанностью, отзывчивостью. Готовность протянуть руку помощи товарищу в любом деле просто поражала в нём. В одном из боёв, когда ранило товарища, он под огнём противника вытащил его. Или другой случай. Силы с фашистами были неравные. Отбита одна атака, другая. Ценой больших потерь солдаты отстояли высоту. Раненые стонут, просят пить, а воды нигде нет. Но Конкай не растерялся, увидев вдали кроны сосен, отыскал там родничок. Напоил водой раненых, затем перевязал их раны.

“До сих пор задумываюсь над тем, что же помогало командирам, бойцам выдержать невероятные испытания? — поражается мой собеседник. И сам же отвечает: — Думаю, что хладнокровие, смелость, мастерство. Но есть ещё одно обстоятельство, которое сыграло немаловажную роль — земное притяжение... За ним не что иное, как любовь к Родине, своему краю, отчему дому”.

... С Конкаем Жагипарулы мы вновь встретились в день юбилея Великой Победы в новой квартире, в кругу большой семьи. За праздничным столом находились внуки и все десять сыновей и дочерей аксакала. Сыновья Марлан, Сайлаубек, Галымбек, Мереке прошли армейскую службу, а нынче в боевом строю внук Саят.

“Рад за сыновей, что они до сих пор гордятся воинской службой, — говорит дядя Конкай, — как и я сам. Ведь армия — хорошая школа, школа патриотизма на всю жизнь. Ведь после войны я ещё долгое время оставался в боевом строю, будучи командиром артиллерийского расчёта в одной из частей Приволжского военного округа.

Сыновья и дочери выбрали себе дорогу по душе и идут по ней уверенно. Что скажешь, наверное, — характер мой и супруги Клары Жанузаккызы. Мы стремились воспитать в них уважение к старшим, целеустремлённость, настойчивость, чувство локтя по отношению друг к другу”.

Конечно же, и в труде фронтовик был примером для детей. Более сорока лет он проработал в родном селе Даукаре бригадиром животноводства, тракторно-полеводческой бригады, а затем управляющим отделением совхоза.

Годы, как старые раны, не проходят бесследно. Хоть и хворает ветеран, но держится как настоящий солдат.

Последний фронтовик в Даукаре...

Северо-Казахстанская область.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

По уставу быть самим собой

(Продолжение. Начало в №№ 8, 9 за 2010 г.)

VIII. Сага о генерале армии Лященко и его адъютанте майоре Дудке

Брань на воротах не виснет.
Старая пословица

ГОВОРЯТ (и даже пишут), будто бы Бауке, “после какого-то совещания” встретив “в коридоре ЦК” командующего вновь созданного САВО — Среднеазиатского военного округа генерала Николая Григорьевича Лященко, да ещё и в присутствии Кунаева, на которого — подумать только! — падает авторство этой, в общем-то, малопочтенной истории, “ткнув пальцем в генерала, сказал: “Димаш! Вот с этим мы учились в Академии Генерального штаба. Он был троечником, а я отличником. Он генерал-полковник, а я — полковник. Доклад окончен! Честь имею!” — и пошёл себе дальше”.

А сам Кунаев будто бы расшифровал этот невероятно пренебрежительный, фантастический выпад Бауке с превеликой охотой и даже смехом.

“По-моему, я понял его правильно, — якобы молвил Д. А. — Баурджан хотел сказать, что если бы его фамилия (читатель, внимание!) была не Момыш-Улы, а **Момыш-уленко**, то он тоже стал бы генерал-полковником, а то и выше. Впрочем, речь шла о гораздо более важном, чем звёзды на погонах; Бауке говорил о том, что всё большее пространство в государстве занимает психология имперского отношения к окружающему, поднимает голову и армейский шовинизм. Он понимал, что ни к чему хорошему это не приведёт”.

“... психология имперского мышления...”

“... поднимает голову и армейский шовинизм...”

Стоп-стоп, дорогой читатель..

Да ведь мы уже слышали эти кривые, смехотворно-басенные формулировки, но только не из уст Димаша Ахмедовича, а — от полковника Б., точнее сказать, от его собеседника, иной раз уж очень тароватого на всякого рода сногшибательные пируэты.

Я же (причём ответственно!) скажу, что за все мои **многие** годы работы при Д. А. мне **никогда** не доводилось слышать от него ни в его кабинете, ни у него дома, ни за границей, таких абсолютно чуждых его обиходно-бытовому, служебному, публицистическому и научному языку дешёвых горбачёво-ельцинистских “терминов” — таких, как **психология имперского мышления и армейский шовинизм**, ныне весьма обожаемых профессиональными демагогами.

Всё это применительно к Бауке и Д. А. — плод скособоченных досужих выдумок-страшилок. Да и насчёт **“академических”** сравнений (сопоставлений), приписываемых Момыш-Улы (“Он — Лященко — был троечником, а я отличником”), здесь явно что-то не так. Ибо Лященко (с его истинно армейским прилежанием, глубоким знанием классиков военного искусства,

чему я и сам не единожды был свидетелем, в тугодумах никогда не числился, свою точку зрения мог отстаивать и отстаивал, невзирая на чины и лица) Военную академию имени Фрунзе успешно окончил в Москве ещё до Великой Отечественной войны (весной 1941 года, когда Момыш-Улы работал в Алма-Ате старшим инструктором Казвоенкомата), а Военную академию Генштаба — **весной 1948 года**.

Бауке же окончил Военную академию Генштаба **весной 1952 года**.

И никак не мог он браво фамильярничать и самохвальствовать перед Кунаевым, безоговорочно объявляя себя “в коридоре ЦК” круглым **отличником**, ибо окончил он академию с оценкой **“хорошо”**.

“Тем, кто был с одними пятёрками, выдали премию по тринадцать тысяч рублей. Меня включили на вторую премию и выдали девять тысяч. По приказу Сталина отличникам предлагались на выбор три должности, с оценкой “хорошо” — две. Мне генерал Голиков предложил Кавказ — командиром бригады. Я отказался, ибо я уже командовал дивизией. Тогда через десять дней Голиков предложил должность начальника штаба корпуса. Но и тут я заупрямился. Сказал: я строевой командир и сидеть в штабах — это не для меня. Голиков посмотрел мне прямо в глаза: “Товарищ полковник, Вас погубит Ваша гордыня. Можете идти”. Он был прав. До сих пор, как вспомню, горю от стыда... Через полгода Москва мне уже осточертела, заместитель Голикова генерал-майор Свиридов принял меня, спросил: “Вам не надоело, товарищ полковник?”. Отвечаю: “Надоело”. Говорит: “Сами виноваты. Ведь Вам предлагали командование бригадой. Это не маленькая должность. Кто работает командиром бригады, тому присваивается звание генерал-майора. Вы этого не поняли. Потом Вам предложили должность начальника штаба корпуса. Вы отказались. Пойдёте теперь заместителем командира бригады. Вот Вам направление”. “Есть!” — ответил и — оказался в Красноярске. Ну а после Красноярска — Москва, назначение старшим преподавателем кафедры общей тактики и оперативного искусства Калининской военной академии тыла...” — со всей самокритичностью рассказывал Бауке всем, кому откровенно доверял свою душу и сердце.

В 1948 же году он был слушателем Военной академии имени Ворошилова, в которой Лященко учиться уже было ни к чему.

Вот так и выходит, а — не иначе, что их академические стёжки-дорожки едва ли пересекались. И приписывать нежданно-негаданную встречу “в коридоре ЦК” Бауке с Лященко Димашу Ахмедовичу, зная, что ни он, ни Лященко с Того Света уже не смогут ответить, на мой взгляд, по крайней мере, бестактно.

И вообще, зачем выдумывать то, чего не было и в помине?

Ан, нет. Ряды доморощенных выдумщиков невероятных встреч и личных бесед с Д. А. ныне растут и множатся с астрономической скоростью. Каждому из них страсть как жаждется быть поближе к Солнцу. И потому по разряду так называемой воспоминательной литературы “для дома, для семьи, для урпаков-потомков” тщеславно и безудержно тиражируются (за приличный наличный расчёт с рыночными издателями) самые разные придумки. И тут кого только нет в мемуаристах — от бывших номенклатурных боссов-бастыков и партийных расстриг, уличённых в литературном воровстве (плагиате), до регулировщиков уличного движения.

О Лященко Димаш Ахмедович был высокого мнения ещё и как член Военного совета КСАВО. И не только. Д. А. всегда был рад общению с ним и

вне служебной обстановки. Так бывало при их совместном пребывании в приалмаатинском охотничьем хозяйстве Караченгиль, куда иногда навещался и Брежнев.

Помнится, однажды после охоты (кстати, все трофеи от неё Кунаев безвозмездно передавал в студенческий общепит), уже поздним зимним вечером Д. А. в сопровождении неразлучного с ним Анатолия Ивановича Горяйнова, который был при Первом вроде как заботливый Савельич при Гринёве из пушкинской “Капитанской дочки”, и моём медленно прогуливался по асфальтированной дорожке в неправдоподобно ярком свете огромной, как начищенный медный таз, луны, окидывал взглядом капитальный дом полузаграничного типа, выстроенный рядом с его обиталищем.

Чуть поодаль — котельная и гараж. Кто-то что-то мастерил там — слышался перестук молотка о металл. Где-то почти совсем рядом, однако направления не уловишь — негромко пищало радио: помесь тягуче-бряцающей музыки и неразборчивого дикторского текста, творимого женским голосом. Верно, кто-то из охраны от скуки настроил свой приёмник на волну то ли Пекина, то ли соседнего Урумчи.

А тут было безлюдно.

Д. А. усмехнулся радиозвукам, но ничего не сказал, только смотрел потом ласково, заботливо и неотрывно на искусственное озерцо и на дивные белые берёзки-сестрички при нём, высаженные аккуратно, словно для лирических созерцаний, психологических и философских раздумий.

Рядом — вертолётная площадка.

“Может быть, Лященко завтра к нам пожалует, — предположил Д. А. — Но в таком случае позвонил бы Николай Григорьевич. Или ещё как дал бы понять. А я ему, Лященко, сам звонить не буду. Военного от его дел отвлекать грех. Китай рядом, да и мы для Китая тоже недалеко...”

Гадания свои заключил просто и с полувздохом:

“Не подлетит Николай, наш Громадный”.

Фамилию командующего Д. А. ставил в падежи: **Лященко, Лященки, Лященко, Лященкой**.

А с габаритами Лященко действительно кому-либо конкурировать было затруднительно. Высоченного роста, добродушно-улыбчивый гигант с крупной головой, громадными ручищами и пронизательным взглядом. На автомобиле он ездил по вверенным ему войскам необычном — сиденье рядом с шофёром, переднее, убиралось, сам командующий занимал заднее сиденье. Только в таком случае он мог более или менее свободно уместиться в вездеходе.

Рассказывали: когда он навещал своих подчинённых на учениях или в военных городках, да ещё и оставался там ночевать, ему и кровать готовили необычную — из двух солдатских при помощи электросварки ладилки одну.

А дело своё ратное знал досконально и того же требовал с подчинённых, которых не жучил за небрежно подшитый воротничок или недочищенную асидолом пряжку, но поделом распекал, если вдруг обнаруживал даже самый микроскопический непорядок с матчастью, оружием, питанием, политработой, медициной.

За его громаднейшими плечами была не только **вся** Великая Отечественная война, а ещё и война 1936-1939 годов в Испании.

Он иногда появлялся в своём же запасном штабном пункте в Караченгиле, чтобы по-соседски (я уже говорил: квартировали они в Алма-Ате в одном доме на улице композитора Мукана Тулебаева) поддержать компанию Димашу Ахмедовичу если не меткой стрельбой по фазанам, уткам, зайцам, то устными новеллами о сногшибательных случаях на двух войнах.

Он и воспоминательную книгу в двух томах (первый том — “Годы в шинели”, второй — “Нас выбрало Время”) успел издать очень приличную в соседней с Алма-Атой столице Киргизии Бишкеке. Но почему именно там? Да потому, что там оказались **свои**, панфиловского толка, понимающие люди. Они хорошо помогли. Кстати, сам Иван Васильевич Панфилов до Великой Отечественной войны работал военным комиссаром Киргизской ССР. Его очень многие там помнили за всё то доброе, что он привнёс в республику. Лященко уверял Кунаева (я это сам слышал): в Москве эту книгу непременно забодали бы за уж слишком большую правду.

В том числе о дорогом Леониде Ильиче Брежневе и не менее дорогом Андрее Антоновиче Гречко, министре обороны СССР. Лященко их рядом с собой в упор видел в горьком для всей Красной Армии 1942-м под Харьковом и написал обо всём так, как оно там было, а не так, как хотелось бы Гречко, Брежневу и в особенности их идеологическому подручному — начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота Алексею Алексеевичу Епишеву.

Лященко не убоился сказать о том, как Гречко с Брежневым, попав в трудный переплёт, когда угроза быть пленёнными стала нешуточной, экстренно подстриглись под солдатскую “нулёвку” и срочно облачились в поношенные солдатские шинели без каких-либо знаков отличия, дабы **в случае чего**, не быть опознанными неприятелем. Такими Лященко и встретил их тогда самолично, ни в каких, даже самых **аховых**, обстоятельствах не снимавший с себя положенной ему командирской формы — ни в далёкой Испании, ни на родной земле.

А Епишева Лященко в своей книге **нёс по кочкам**, потому как воевал Епишев в Отечественную без года неделю, после войны на Украине тоже проявил себя **слабаком**, а когда стал послом СССР в Румынии и Югославии, сумел и там завалить все дела.

Охота располагала Д. А. и его компаньонов к небывалым откровениям, даже если при этом не пилось ни рюмки крепкого.

Правда, кто уж очень того желал, тому Димаш Ахмедович никогда не препятствовал, наоборот, подбодрял, зная старинное: **что у трезвого на уме, то...** Справедливо считал: никакая информация, кривая или прямая, негативная или позитивная, полная или неполная, никогда не бывает лишней.

При всём при том Николай Григорьевич, израненный на фронтах, страдал ещё и ужасной глазной болезнью, которую подцепил, воюя на испанской земле с франкистами, нацистами, а также с итальянскими фашистами и ещё какой-то сволотой. Но он никогда её ни во что не ставил, врагов полагал на собственном опыте умелыми вояками.

Особый урок преподнесён был ими на Волховском фронте. Туда военная судьба определила Лященко с ноября 1942 года (тогда полковника) во Вторую ударную армию, ныне известную преимущественно тем, что во главе её с 16 апреля 1942 года был заместитель командующего Волховским фронтом Мерецкова (будущего маршала), любимец Сталина, герой

обороны Киева и Москвы, которого Вождь прочил в командующие оборонной Сталинграда — генерал-лейтенант Власов.

Лященко Власова уже не застал — тот уже с 6 августа 1942 года был у неприятеля первоначально в качестве идейного подручного, а затем уже и в роли создателя так называемой противосталинской РОА — Русской освободительной армии.

Отношение к Власову у Лященко было неоднозначным. И в том, что такой безусловно способный полководец, каким являлся Власов, оказался во вражеском стане, Николай Григорьевич винил главным образом не самого Власова, а — Мерецкова: тот видел в своём заместителе прямого конкурента на высшие армейские посты и потому постарался поставить (подставить) его в те условия, которые сыграли в судьбе Власова известную роковую роль.

Но Николай Григорьевич никогда не забывал в беседах с Кунаевым на эту трагическую тему подчёркивать то, что ни один из воинов Второй ударной армии, попавших в плен, не оказался в рядах РОА. И сама Вторая армия (вопреки категорическим утверждениям иных публицистов и людей, называющих себя историками) не была уничтожена, а всё-таки большей частью сумела выйти из окружения, но урок, преподнесённый врагом, был очень предметен.

Её боевую историю Лященко знал назубок. Ещё бы — в составе этой армии он поначалу был заместителем командира 18-й стрелковой дивизии, потом командиром 73-й отдельной морской бригады, затем командиром 90-й стрелковой дивизии. После ликвидации германо-финской блокады Ленинграда Вторая ударная армия активно участвовала в ожесточённых боях за освобождение Прибалтики и Польши, а также в Берлинской операции. 24 раза в приказах Верховного Главнокомандующего войскам Второй ударной армии объявлялась благодарность. Свыше ста её воинов были удостоены звания Героя Советского Союза.

За годы Испанской эпопеи и Великой Отечественной войны Николая Григорьевича тоже не раз представляли к этому высокому званию, но чья-то неведомая рука на самом верху гасила все эти представления.

В беседах с Кунаевым Лященко чётко различал и говорил: **нацист** — это одно, а **фашист** — это другое. Объяснял: это катастрофически полуграмотные **чудаки** вроде **товарищей** Димитрова, Вышинского, Ярославского-Губельмана подкинули нашему дорогому **товарищу** Сталину ещё с 1934 года во все его выступления и доклады лексему **германский фашизм**; этим самым они, возможно, того не чая, уравнили политически неуравнимое, поставили знак равенства там, где ставить его абсолютно безграмотно; ну а далее пошло-поехало: раз великий Вождь сказал, значит, это только так, а не **иначе**, а ежели иначе, то ступай на Соловки или куда подальше; и вот мы протопали всю Отечественную, наша пропаганда яро клеймила **фашизм**, а Федот был всю войну не тот; и нельзя было даже самым деликатным способом поправить товарища Сталина, на это у нас смелых не оказалось, потому как всегда своя рубашка ближе к телу, даже если и видели и понимали многие политработники и командиры такую картину: вовсе не **национал-социалист**, а испанский **фашист** Франко первым понял, что ему на Востоке с Гитлером делать нечего и немедленно убрал свою “Голубую дивизию”, **фашистская** Италия уже в 1943 году вышла из войны, а короля Михая, румынского **фашиста**, Сталин наградил

высшим советским военным орденом “Победа”, болгарские **фашисты** сделали всё, чтобы их войска на Восточном фронте фигурировали символически; разве что только одни предельно **фашизированные** венгры оставались с Гитлером почти до конца, но и они никогда не были отпетыми **расистами**, какими были **национал-социалисты** со своим обожаемым фюрером, а насквозь **фашистская** Португалия во главе с дальновидным доктором Салазаром вообще в войну против СССР не вступала, сколько бы её ни втягивал **обер-нацист** Гитлер, осенивший свой преступный путь идеалами переиначенного на его манер **социализма — социализма без Маркса, Энгельса и тем более Ленина**.

Вот такая очень полезная политграмма оказывалась на охоте, снимавшей с души любую муть и неясность.

Димаш Ахмедович внял этой политграмме мгновенно. И вот результат этих “бесед при ясной луне”: ни в одном из его выступлений, ни в одной из его статей нет такого сочетания **германский фашизм**, а есть, коль речь о гитлеровской Германии — **нацизм** и только **нацизм**.

Ну а я вникал постепенно. В итоге с годами и с полного одобрения Д. А. индуктировалась спокойная и довольно увесистая (по аргументации) штука под названием “Досье для Первого, или По нотам волчьей дружбы” — об истинных отношениях отца европейского **фашизма**, бывшего марксиста Муссолини с папашей **нацизма**, отпетым расистом Шикльгрубером. Нынче эту вещь, дополнившую материалы центрального Кунаевского музея и Архива Президента Республики Казахстан, можно прочитать в пяти номерах литературно-художественного и общественно-политического журнала “Нива” за 2009 год (№№ 7-11).

А практически неизлечимая болезнь Николая Григорьевича называлась **глаукомой**. Однажды я и сам видел, как он втихаря извлёк из нагрудного кармана миниатюрный пластмассовый пузырёк с уже приклепанной к нему пипеткой и запустил в оба глаза по нескольку капелек снадобья. Очевидно, пилокарпина. Прodelал это буквально в пару секунд, и пузырёк его исчез так же незаметно, как и появился.

Но, повторяю, службу свою архитрудную нёс **исправно**.

А для полной **исправности** рано поутру специальный массажист полчаса или даже академический час старательно обрабатывал ему каждую мышцу.

Одного из адъютантов нашего могучего командующего, с которым он наведывался на охоту, звали смешно — майор Дудка. Хитроватый был украинец, этот самый майор, статный, подтянутый, в полевой, но тщательно отутюженной форме, в до блеска надраенных, чуть-чуть подскрипывавших сапогах и на редкость расторопный, исполнительный.

Любую нужную для охоты вещь мог достать мгновенно. Могут подумать: вот, мол, Кунаев с Лященко были небожители и ни в чём никогда не нуждались. Это не совсем так, вернее, совсем не так.

Иной раз Горяйнов с ног сбивался, чтобы **достать** какую-нибудь для охоты **штуковину** лично для Димаша Ахмедовича, который ни в чём бытовом привередлив не был.

Конечно, в онучах не вышагивал, но и ни с каких платиновых и золотых блюд не едал. И самим именем Кунаева ничего не делалось для его, так сказать, **жизнебыта**, на удивление скромного и непритязательного.

А вот как майор Дудка справлялся с такими проблемами, как он это делал, оставалось его большим секретом, но при этом никаких **рекламаций** не поступало никогда и ни от кого, хотя всяческие подмётные сигналы в армии, как и на “гражданке”, тогда были в очень большом почёте.

Страшились их все — наш **Дед** тут исключением тоже не был. На него ещё и такие “**телеги**” катали в Москву, что в них недоставало лишь фактов людоедства. И кто **катал**? Все эти мерзопакостные типы — как на ладони или в ампуле, как в прозрачном аквариуме, где отнюдь не рыбки золотые...

Но это, опять-таки, из другой тетради.

Моего старшего напарника Дуйсетая Бекежанова майор Дудка почитал наравне со своим Патроном, хотя воинское звание у Дуйсетая было тоже майор.

И, конечно же, никаких житейско-походных или охотничьих проблем у самого Николая Григорьевича никогда не возникало с таким верным **пажем**, как майор Дудка, казалось, способным, если даже не прикажут, а слегка намекнут, в своих с войны задубленных армейскими трудами открытых хохлацких ладонях горящие угли для самовара принести.

А как стрелял Николай Григорьевич — дивнее дивного.

Он знал назубок все виды военной техники, их возможности, преимущества, недостатки. Любил сам разбирать оружие до шпунтиков и снова собирать, смазывать стволы, затворы и прочие детали, подрегулировать прицельную планку, обследовать приклад (на месте ли пенал с маслёночкой), и делал всё это не очень спеша, но расторопно и сноровисто, почти с закрытыми глазами, работая только крохотной отвёрточкой и громадными, но феноменально чуткими пальцами, умевшими ещё виртуозно играть едва ли не на всех струнных инструментах, а на баяне или аккордеоне и подавно, причём всё-всё — от залихватских частушек и ритмичной карусели, огневых переплясов и жалобных старопесенных солдатских вещей до старинных вальсов и величественных переложений испанской, венской, польской классики.

Кунаев восклицал, обеими ладонями хлопая себя по коленям:

“Вот чёрт! Вот слон! Вот дьявол! Вот даёт!”.

А Николаю Григорьевичу каждое такое восклицание было как новый орден.

Что и говорить, любил и он чёткую похвалу, особенно заслуженную.

Да кто из нас её не любит — вопрос лукавый.

Царствие Вам Небесное, дорогой Николай Григорьевич, верный и героический наш защитник, талантливый, умнейший и справедливый человек!

А вам, дорогой товарищ Дудка, долгих-предолгих лет счастливого бытия, насколько оно возможно в наступивших временах, того же стального здоровья, всяческого преуспевания и жизнестойких, грамотных душой внучат, хорошо понимающих нашу не-молодость.

Вы, как и я, убедительно можете подтвердить со всей ясностью — с каким исключительным пиететом Кунаев относился к Лященко.

Насколько знаю, Бауке — тоже.

Звания Героя Советского Союза Николай Григорьевич был всё-таки удостоен.

Как и наш Баурджан Момыш-Улы, с опозданием на целую жизнь.

Но, право, это лучше, чем никогда.

IX. У Кунаева. Диалоги начистоту. Омаров — Бауке: “... К тебе отношусь как к общенародной собственности”

Тот, кто не уважает камень в родном ауле, не сможет уважать и горы другого аула. Священная дружба народов вырастает именно из этих чувств...

Я бы хотел, чтобы наша многонациональная молодёжь знала и помнила о бесценном вкладе России в историю человечества. За последние шесть веков Россия четырежды спасала народы и города Европы и Азии от уничтожения. Этого никогда не следует забывать.

Баурджан МОМЫШ-УЛЫ

В ДОМ творчества писателей имени Серафимовича, прозванного среди литературного люда Малеевкой (по месту поселкового почтового отделения неподалёку от скромного, но известного с XIV-го столетия городка Рузы, чьи окрестности являют собой живописную курортную зону Подмосковья), Баурджан Момыш-Улы летом 1966 года прибыл со своей портативной пишущей машинкой и неотступным намерением глубоко окунуться в работу, уйти в неё, как говорится, с головой.

Он прекрасно знал выстраданное самим же собой: если ты не переполнен мыслями и чувствами, то не пиши — у тебя родится глухая песня. Но знал и другое: даже при избыточной переполненности возможны ступор и тупик, если тебе кто-либо или что-либо помеха.

Тут ничего не мешало, всё было идеальным или почти идеальным.

Но литературная **работа** явно не клеилась, и, немного поразмышляв над этим досадным фактом, Бауке понял, что она, эта его **работа**, даже в ясное солнечное утро, сладко поддразнивая и колко мучая, тем не менее впредь и к полудню, и к вечеру, и даже к самой поздней ночи, ни за что не тронется с места, пока он не напишет и не пойдёт отсюда, из прекрасной Малеевки, своё первое, но по давней традиции, откровенное письмо другу и не снимет с себя невольное оцепенение, которое всё ещё не отпускало его после досаднейшего столичного прощания с другом и показавшейся очень долгой дороги.

Пишущая машинка (в её клавиатуре не было никаких особых казахских букв вроде “к с хвостиком” или “десятиричного і с точкой наверху”) подчинилась легче лёгкого, хотя слова, по его воле, выстукивала тяжкие, безрадостные и даже обидные, а поэтому, чтобы не получалось уж **чересчур**, он вместо точек и запятых стал выбивать, как в войну на штабных армейских телеграфных аппаратах Бодо, **тчк** и **зпт** — не подряд, но часто: пока эти мелкие аббревиатуры впечатываются в бумагу, разгорячённая мысль остывает и за секунду-другую антракта делается не такой уж злой и несправедливой, какой она могла бы стать без этих крошечных, но полезных препятствий, или же, наоборот, становилась ещё жарче и обиднее — чёрт бы побрал с потрохами все эти столичные канцелярские условности и чиновные ужимки, всю эту министерскую толкучку и круговерть, в которой вынужден с утра до ночи крутиться, в этом бюрократическом пекле, среди номенклатурных остолопов, выматываясь, как потная шахтёрская лошадь, до изнеможения и судорожно хватаясь то за одно, то за другое, забывая про третье с четвёртым, пятым, десятым, а заодно и о

самых элементарных вещах, его дорогой и верный друг-курдас, но ведь ни сытого пайка, приличных денег и прочей корысти ради, а ради общего, на проверку, всем нужного **дела**:

“Дорогой мой Ильяс Омарович!

Наша последняя встреча была весьма неудачной из всех наших встреч двтч (двоеточие. — **В. В.**) ты был раздражён зпт все замы твои один за другим приходили без позволения и совали свои замовские носы в наш разговор тчк Я зпт непривыкши распахивать душу при них зпт вежливо отвечал им — нет зпт вы не мешаете нам зпт но зпт может быть зпт мне удалиться на несколько минут?

— Нет! Оставайся! — властно кричал ты на меня тчк Особенно последний идиот в лягушачьем костюме, самодовольный, лысеющий дурак, годом рождения **Собаки** очень глубоко засел в кресле напротив тебя зпт говоря своими глазами: “Если ты зам — я тоже зам”. Ты при нём на меня кричал тчк “Эй! Сен маган урсып отырсынгой!”. (“Эй! Ты ругаешь меня, уймись!”) — бросил я реплику стоя. Ты не попросил этого чиновника оставить нас на 10 минут зпт наоборот уничтожающе посмотрел на меня как на просителя тчк Он ухмылялся про себя тчк Вызывая свою помощницу зпт ты при нём раздражённо выразился: **“Отправьте его с какой-нибудь машиной!”** (Вместо того, чтоб сказать: “Подайте товарищу полковнику машину. Он едет к товарищу Кунаеву”) тчк Чиновник был очень доволен твоим приёмом и проводом “твоего бедного родственника” ... Машину мне не подали — я пошёл пешком тчк

Кунаев принял меня хорошо двтч

— Менин отставкага шыкканыма ОН жыл болыпты. Содан бори есгинизди биринши реет ашып отырмын (Через ДЕСЯТЬ лет после отставки я впервые открыл Вашу дверь).

— Оныңыз рас! (Это правда!).

— Сиздин алдынызга келгендер бир нәрсе сурап келеди.

Айтпесе бреудин устинен арыз айтып келеди (Перед тем как попасть к Вам, люди сочиняют разные прошения, пишут заявления).

Кунаев сквозь смех:

— Онынызда рас! (Это правда!).

— У меня нет ни того, ни другого! Мени сиздин алдынызга общественный **аруах** айдап келди. Маган канша уахыт бересиз? (Меня к Вам привёл общественный дух, долг. Сколько времени Вы мне уделите?).

— Сколько Вам угодно.

— Нет! Вы заняты партийными и государственными делами. Я не могу злоупотреблять Вашим вниманием. Мне достаточно десяти минут.

— Пожалуйста.

Я ему доложил кратко. Но тут Атамбаев (речь шла о подготовке Казахстана к 25-летию сокрушительного разгрома нацистских захватчиков под Москвой в декабре 1941 года. Атамбаев в ту пору был постоянным представителем правительства Казахстана при Правительстве СССР в Москве. — **В. В.**) перебил наш разговор своим звонком...

Кунаев одобрил мои предложения-пожелания.

Высказал несколько сдержанных комплиментов...

— Сделайте нам для ЦК справку...

— Нет. Я не буду делать никаких справок... Есть у нас один умный, понимающий казах — Ильяс Омаров... Поручите ему.

— Разве он в курсе дела? Разве он знает?
 — Во всяком случае, Бог одарил его умением разбираться во многих вопросах.

— Отличная характеристика.

— Я так думаю.

— Я тоже... Но...

— Если он поищет, найдутся и консультанты, и помощники... Для составления справки.

Отказался я и от предложения Кунаева возглавить (казахстанскую) делегацию в Таллин — не хочу выходить из рабочей колеи...

Тебя я разыскивал два дня и — уехал.

И вот я в Малеевке. Начал **работать**... Я оказался прав. Все газеты отметили 25-летие Великой Отечественной войны (её начало)... Мои тезисы... Мои чувства...

Был я у генерала Востокова (влиятельный чин в тогдашней армейской политической иерархии, по мнению Бауке и пятибалльной шкале, человек на пять с плюсом. — **В. В.**). Он сообщил мне: все московские партийные органы, Главпур — Главное ПолитУправление Армии и Флота теперь намерены широко отмечать 25-летие победы под Москвой.

“Доля Казахстана тут **особая**”, — подчеркнул он тчк Просил принять участие в предстоящем совещании по этому вопросу тчк

Я дал свой адрес тчк. Но не знаю пока, что сказать, не знаю, что просить (как действовать)... Я ведь никем не уполномочен! Время есть, подсажи... Сам тоже подумаю тчк Через Аманшина об этом устно сообщил А. Шарипову, просил установки тчк [Беркаир Салим-Улы Аманшин (1924—1985) — партработник, консультант Союза писателей Казахстана, известный поэт и прозаик, перевёл на казахский язык “Слово о полку Игореве”; Ади Шарипов (1912—1994) — видный участник партизанского движения в Великой Отечественной войне, крупный писатель-баталист, был зампредом республиканского правительства, возглавлял Союз писателей Казахстана, Институт литературы и искусства имени Мухтара Ауэзова республиканской Академии наук. — **В. В.**].

Я не член партбюро первичной организации. Я не депутат сельсовета — у меня нет официальных мандатов!!! От имени кого я должен говорить и предлагать??? Я приглашён на это совещание персонально! **Кого** я представляю?!.. Никого”.

Далее, почти на целую машинописную страницу, частью “в столбик”, а частью “лесенкой” (под Маяковского или Асеева) Бауке разместил экспромтом выданные стихи собственной выделки — о том, как он “Алыстан Расейге издеп бардым” — “В Россию издалека приехал” и что из этого вышло, о том, что:

“Еки козди болу оте куаныш

Еки жузди болу оте коркыныты — аяныш” —

“Быть с двумя глазами — большая радость,

А вот быть двуликим — страшно и жалко (презренно)”.

Покончив со стихами на казахском, Бауке отпечатал вот такой пассаж уже в прозе — на русском:

“Самый несчастный человек на свете — тот, кто не имеет недостатков.

Слава Богу, что у меня много,

даже слишком много НЕДОСТАТКОВ тчк”.

А когда на бумагу легли последние строки письма: “Прости тчк Я просто вольно поделился своими сумбурными размышлениями тчк Большой привет келин и детям Вашим тчк”, некая тяжесть и жгучая досада на все бюрократические крючкотворства, условности и лабиринты отлегли от взбудораженного сердца, и он даже услышал в наступившей тишине, как не только, наконец-то, тихохонько приуспокоились садняще нывшие раны его спины, но и за полуоткрытым окном то ли ссорясь, то ли радуясь солнцу, громко защебетали птицы.

Омаров с ответом не замедлил, и почта, как авиационная, так и наземная тогда была не чета нынешней, срабатывала образцово, любую корреспонденцию на ленивых волах не возила — поэтому не прошло и недели, как Бауке, отставив свою машинку на край могучего стола (словно предназначенного не иначе, как для Льва Толстого или на худой конец самого Серафимовича), жадно вчитывался в писанные без каких-либо помарок энергичным почерком строки, как всегда, взвешенной, рассудительно-спокойной, но и нескрываемо-укоризненной эпистолы Ильяса.

Письмо Омарова (оно тоже публикуется впервые и полностью, с минимальной орфографической правкой. — **В. В.**) оказалось не сладкой рецептурой максим-горьковского Луки-утешителя, а настойчивым советом и даже **приказом** настоящего друга, начисто лишённым восклицательных знаков, но снабжённым иногда редкими смысловыми подчёркиваниями, сбивавшими отнюдь не полковничий гонор, а — вулканический, всё ещё во многом стихийный темперамент Бауке:

“Дорогой Баурджан.

Ты, как всегда, в своём амплуа. (Но) обида твоя напрасна. Ты для меня слишком близкий человек. Дипломатничать с тобой и впредь не намерен. Официальные приёмы для тебя я устраивать не буду. Наши отношения должны слагаться (определяться) одним словом — запросто. Ты стал чересчур мнительным. Это много отнимает нервов, без причин уязвляя самолюбие.

Кстати, тот “самодовольный дурак”, как ты назвал присутствовавшего при нашем разговоре, после твоего ухода назвал тебя самым популярным героем нашего народа. Следовательно, он не дурак, а — человек.

Тебе не надо разбрасываться ярлыками по адресу людей. Ведь из них складывается народ, которому ты служишь и который тебя ценит. Всё это — мелочи жизни. Они (люди) смертны. Ты (же) носишь в своём облике **бессмертие**. Поэтому я к тебе отношусь как к общенародной собственности (выражаясь термином экономиста).

Я уместно горжусь тобой, как гражданин, как твой современник, но меня тревожит остаток твоего физического существования. Ты имеешь право приумножить славу свою, принадлежащую не только тебе. На то есть все (пред)посылки. Но ты не можешь осилить (преодолеть) некоторые свои слабости. Я приказываю преодолеть её (слабость), (выражаюсь по-военному). Это я делаю от имени твоей матери — Отчизны и народа. Ты поехал **работать**, и я надеюсь, что ты привезёшь что-то, достойное твоего пера, твоего имени. Если не привезёшь, я буду ругаться по-настоящему.

Ты пишешь о разговоре с генералом Востоковым.

Хороший разговор.

На совещании ты должен быть.

Какое тебе нужно представительство? Ты уполномочен народом, ты уполномочен живыми и мёртвыми защитниками Москвы. Ты

уполномочен совестью гражданина, воина, честно выполнившего свой долг перед Родиной.

Я говорил со Снегиным. Он обещал показать мне материал, который он (далее неразборчиво. — **В. В.**). Я постараюсь выполнить то, что ты мне излагал. А ведь я тоже могу сказать, кем я уже уполномочен, кого я представляю.

Я позвонил твоим (родным). Они долго тревожились, почему ты не дал о себе знать. Получили телеграмму — успокоились. Я позвонил в постпредство и сообщил им, что ты устроился.

Сам я очень перегружен и болею, но продолжаю работать.

Привет от моих родичей.

С уважением Ильяс.

5/VII-1966 г.

(докончил другой ручкой, получилось несколько коряво, извини)".

Это письмо Бауке, вообще ставивший дисциплину, а творческую в особенности превыше всего (другое дело — не всегда это получалось даже у Толстого с Чеховым и Горьким) расценил как прямую директиву и прочно засел за писательский стол, не забыв, впрочем, отсигналить об этом Омарову. Тот тоже не остался в долгу и сразу же откликнулся с большой благодарностью и новыми обнадёживающими сведениями, касавшимися ключевой исторической даты — предстоящей 25-й годовщины разгрома нацистов под Москвой.

После беседы Бауке с Кунаевым на эту тему и отъезда Момыш-Улы в Малеевку Омаров со Снегиным возобновили свою дипломатичную "обработку" Первого, справедливо считая, что ковать железо надо, пока оно горячо. Тем более, что уже наплывала жаркая страда битвы за очередной Большой Казахстанский Хлеб и в её круглосуточной горячке, вплоть до последнего сжатого и обмолоченного хлебного колоса, все остальные проблемы, какими бы важными они ни казались, отступали на второй, третий, десятый план, а в партийно-державной конвейерной текучке могли утонуть (и тонули же, шли камнем или гирей ко дну!) немалые благие замыслы или же обретали постыло-дежурный облик серых идеологических обязаловок.

Омаров, с подачи Момыш-Улы, принятый Кунаевым, писал в Малеевку, где Бауке упоённо, наконец-то, целиком отдался творчеству, о чём не преминул-таки вкратце известить своего друга, а иначе бы тот не стал вторгаться в его распорядок:

"Очень рад, что ты плодотворно работаешь, и никто тебе не мешает. Сам я очень перегружен, да и немножко побаливаю.

О творчестве думать некогда. Недавно в промежутке времени написал личное письмо поэту Кадыру Мурзалиеву. Его творчество обнадёживает, "Лениншіл жас" (республиканская газета "Ленинская молодёжь") посчитала уместным напечатать. Я не стал возражать.

У меня был Снегин и принёс представление на Балтабека (Джетпыспаева) к присвоению тому звания Героя Советского Союза. — **В. В.**). Я вручил его тов. Кунаеву и имел с ним беседу на тему подготовки к празднованию 25-летия разгрома немцев под Москвой.

Рассказал ему о твоей беседе с генералом Востоковым. Я высказал все свои мнения Димашу Ахмедовичу о том, что надо серьёзно отнестись к этой дате. Напомнил о нашем (казахстанском) месте в этом историческом событии. Я очень просил его, чтобы уже сейчас группа ответственных

людей занялась подготовкой. Нам надо получить заслуженную оценку и достойно отметить живых и мёртвых героев. Он обещал посоветоваться и предпринять кое-какие шаги... Я в беседе упомянул имя Токташа (речь о ветеране войны, крупном учёном Токтагали Жангельдине. — **В. В.**), который мог бы принять участие в подготовке материалов, как участник боёв и как ответственный работник ЦК. Здесь каких-то заметных событий нет. В экономическом смысле год складывается неплохим. Хлеб, видимо, будет. Это благоприятствует всему. Сейчас говорил по телефону с твоим домом. Как будто бы тут благополучно. Тебе не надо торопиться. Надо оставить у себя (в Малеевке) сколько нужно. Тут завистники (казахи) тебе работать не дадут. А работать тебе надо! Особенно сейчас. Этого требуют твои боевые соратники, которым ты должен воздвигнуть памятники.

Не только ты, но и я. Как бы слышу эхо голосов героев, погребённых под Москвой. Мой долг — долг гражданина. Он требует от меня, чтобы я обратился к тебе. Я — не простой потребитель, а уполномоченный народом. Ты извини за мою настойчивость.

Ведь и мне хочется погордиться людьми, современниками которых посчастливилось быть...

Дай Бог, чтобы следующие поколения достойно отнеслись к их памяти и приумножали их славу.

Вот так обогащается История.

С уважением Ильяс.

Привет от моих домочадцев.

22/VII-1966 года”.

Не мог, ну никак не мог Омаров оставлять Баурджана в его Малеевском далеке без своего внимания и поддержки.

А что до поэта-шестидесятника Кадыра Мурзалиева, то он, окрылённый вниманием Омарова, постепенно и уверенно с годами набрал желанную высоту поэтической классики, стал ещё при жизни Омарова и Момыш-Улы на радость им и множеству казахстанцев признанным мастером стиха и песни, великолепным переводчиком Овидия, Руми, Пюго, Лермонтова, Родари, Гамзатова, Кулиева, достойно украсил своим колоритным творчеством сокровищницу казахстанской и мировой духовной культуры.

Х. “У деревни Крюково погибает взвод...”.

Подобно комиссару Воробьёву.

Лягать комиссара Фурманова не надо

и забывать о нём тоже не след

*Счастлив тот герой, чьё имя
народ хранит в своем сердце.*

Баурджан МОМЫШ-УЛЫ

РАБОТОСПОСОБНОСТЬЮ Бауке обладал потрясающей. И после холодъёмных инъекций Омарова результат сказывался без промедлений и радостно для самого Момыш-Улы:

“Мой дорогой Ильяс!

Докладываю:

1. Два рассказа-повести в русском варианте завершены. Их прочитала Валерия Герасимова (московский редактор, у себя в Казахстане,

согласно известному “в своём Отечестве нет пророка”, Бауке долго не понимали. — **В. В.**) тоже считает их завершёнными повестями. С некоторыми замечаниями этой эрудированной дамы я не согласился. Её замечания чисто теоретического порядка, замечания книжника о каких-то установочных законах беллетристики, а не о самой жизни.

2. “Трагедию полковника” (условное название, 350 страниц моих рукописей) читаю, правлю, переделываю — настоящий адский труд... тут тоже противоречие столкновений теоретика и художника-практика. Видимо, нужно время, чтобы оба успокоились... Во всяком случае, неплохие материалы.

3. В моём одномомнике на казахском языке обнаружил 469 грамматических ошибок да ещё и стилистика та ли...

4. “Полковник Вахалов” (о Фрунзенской военной школе), мне кажется, отлежался, и я смогу сделать из него неплохую вещь...

Вот таков мой тебе краткий рабочий ОТЧЁТ”.

К слову, пронзительный рассказ “Жизнь не погасла” об Андрее-Адилгерее Калиеве был написан в Малеевке, причём в эти самые июльские дни 1966 года, но об этом Бауке Ильяса почему-то не оповестил.

Не забывал он обновить и свои точные размышления о военном искусстве, начисто лишённые унылой рассудочности, серой схематичности, постылой наукообразности и схоластики, самоуверенного всезнайства, рабской конъюнктуры, предельно и публицистически **свежо** насыщенные обнажённой правдой войны:

“... Ни от одного солдата других родов войск не требуется такой выдержки и отваги, почти нечеловеческих усилий, напряжения, как от пехотинца. Никто так остро не испытывает моральную, психологическую и физическую жестокость боя, как пехотинец... Никто так не осознаёт опасность и уверенность в превосходстве или обречённость своего положения, как пехотинец... Никто так остро не испытывает сладкую радость боевого подвига и горечь неудач, как пехотинец...”.

И далее:

“Ни в ком так отчётливо не проявляются естественная красота и естественное безобразие человека, его моральный облик, высокий нравственный уровень, его неукротимая воля, неиссякаемая энергия, мужество, храбрость, совесть и честь, разум и безумие, правда и ложь, ни в ком так не сочетаются человек и зверь, как в пехотинце...”.

Пехотинца многие знают очень плохо... Образ же солдата-пехотинца широк, как необъятный степной простор...”.

Иногда брал в руки свою же книгу, давно изданную и снова переизданную не раз, очень придирчиво читал и перечитывал с карандашом, примеряясь — быть может, что и где можно было бы подправить, дописать, зачеркнуть:

“Окраина (подмосковной деревни) Крюкова (от неё до Москвы по прямой было всего лишь 30 километров. — **В. В.**) несколько раз за день переходила из рук в руки. И противник, и мы не решались вести огонь из артиллерии и миномётов, так как наши боевые порядки стояли вплотную, дрались, как бы схватившись за горло. Бою, завязавшемуся с самого рассвета, не видно было конца. Мы с комиссаром (Логвиненко) сначала сидели на НП (наблюдательном пункте. — **В. В.**), вмешивались короткими распоряжениями. Посылали подмогу из резерва. Но это продолжалось недолго.

Вскоре мы вынуждены были метаться с фланга на фланг, управляя боем лично. Нашей задачей было — во что бы то ни стало не пустить врага в Крюково, а они всё лезли! И так двенадцать часов непрерывного боя!

Запомнилось мне из этого боевого дня несколько случаев.

В одну из очередных наших контратак осколком мины ранило в руку бежавшего впереди меня бойца. Кисть его левой руки повисла на кусочке кожи. Боец приостановился, со злостью оторвал болтавшуюся кисть, швырнул в сторону и, держа пистолет в правой руке, побежал вперёд с пронзительным криком: “Уррр-ааа!”. В бою я узнал старшину батареи Алишерова.

Когда немец отбросил нас и завязался уличный бой, я перешёл сначала одну улицу, затем другую, а перед третьей остановился, — она сильно простреливалась. Я стоял и ждал. Вдруг кто-то схватил меня сзади за шиворот и сильной рукой поволок назад, толкнул за угол дома, а сам бросился к ручному пулемёту и открыл огонь. Боец стрелял короткими очередями. Кончив диск, он обернулся. Мы встретились глазами. Он виновато улыбнулся и сказал:

— Извините, товарищ командир, что я так с вами поступил. Но на той улице немцы.

В своём спасителе я узнал Спиридона Гапоненко.

... Лежал я на НП второй роты. Со мной был политрук Ахтан Хасанов. С переднего края прибежал молодой боец и, не ложась под обстрелом, доложил:

— Товарищ политрук, ваше приказание выполнил! — потом он запнулся и произнёс: — Товарищ политрук... меня убили.

— Ты что, Ширван-заде? — спросил молодого таджика политрук, но боец покачнулся и упал. Он был мёртв. Его возглас “меня убили” я запомнил как упрёк молодости войне.

На следующее утро немцам удалось всё-таки ворваться в Крюково. Завязались ожесточённые уличные бои. Дрались за каждый дом... Нашему тылу и штабам доставалось от дальнобойной артиллерии и авиации противника. Восемнадцать часов непрерывного боя в лютую стужу!

Немцам всё же удалось вытеснить нас из Крюкова. А вечером из Москвы прибыло 350 человек пополнения. Все среднего возраста, крепкие, здоровые. Никто из них не имел никакого воинского звания. Но в конце беседы, которую провёл с ними комиссар, один боец сказал:

— Мы, товарищ командир и товарищ комиссар, коренные москвичи, мы — народ рабочий и все добровольцы. Мы считаем для себя за честь сражаться в гвардейской Панфиловской дивизии рядовыми. Ставьте нас на боевые позиции! Нас послала сюда московская партийная организация, и мы будем драться по-большевистски. Не посрамим гвардейского знамени!

Рабочий говорил глухим, чуть хрипловатым басом.

Пополнение распределили по батальонам”.

Внимательно перечитывал снова и снова, строку за строкой, и выходило проще простого: ничего подправлять, дописывать, зачёркивать не надо. Всё прочно стояло на своих местах. Вспомнил, как Рокоссовский назвал жесточайшие бои за деревню и станцию Крюково **вторым Бородино**. Там всей дивизии довелось испить горькую чашу невосполнимых потерь — она лишилась половины состава. Вспомнил, как сам он, Момыш-Улы,

попросил своего адъютанта Петра Сулиму принести крупномасштабную топографическую карту, развернул её, нашёл на ней Крюково и аккуратно обрезаю карту по линии, где кончался тыловой район его полка, половину карты отдал Сулиме со словами: “Можете сжечь. Далее Крюкова карта нам не понадобится!”.

Я же, 44 года спустя перечитав этот фрагмент из невыдуманной повести Бауке “История одной ночи”, неожиданно воскресил в памяти тот день, когда с незабвенным редактором наших газет “Ленинская смена”, “Огни Алатау” и “Вечерняя Алма-Ата”, журналов “Партийная жизнь Казахстана” и “Простор”, журналистом от Бога Вениамином Ивановичем Лариным и другими казахстанскими литераторами побывал и я в районе Крюкова — теперь там под огромным голубым небом большой городской массив Зеленограда с его открытыми и закрытыми (сиречь секретными и сверхсекретными) НИИ — научно-исследовательскими институтами, чьи двери для нас, казахстанцев, оказались гостеприимно распахнутыми; с аккуратно спланированными типовыми жилыми кварталами, средними школами, детскими садами и яслями, спортивными площадками, продуктовыми и хозяйственными магазинами, многолетними берёзами, тополями и клёнами, ухоженными газонами и всем прочим, что характерно для лубых давно и капитально обжитых урбанистических мест.

Глядя на всё это, нам как-то не верилось, что именно здесь шли не на жизнь, а на смерть гибельные бои за деревню Крюково. Но сразу же поверилось лишь поздним вечером, на устроенном для нас большом концерте, когда молодой высокий негр из московского Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы с ярко освещённой широкой сцены печальным голосом, мне тогда показалось, всей своей Африки, а быть может, и Северной Америки, на русском языке, лишь с чуть-чуть лёгким акцентом, под тихо зарывавший ансамбль скрипок проникновенно запел для моментально притихшего зала грустную, но мужественную песню, властно заставившую навернуться слезам на наши глаза: “У деревни Крюково погибает взвод...”.

И вот пишу сейчас об этом, а сам чувствую, как снова охватывает душу свет печали и гордости: ведь в год 25-летия разгрома вражеских полчищ под Москвой именно из братской могилы павших у Крюкова бойцов Баурджана прах одного из них был доставлен в Александровский сад к Кремлёвской стене. Так что не так уж и не известен этот Неизвестный Солдат — геройский панфиловец, отважный баурджановец, Солдат из Казахстана.

... Не думаю, что Бауке все образы, сравнения, подробности для своей документальной и научной военной (повторяю: по сути **антивоенной**) прозы черпал только лишь из своей собственной памяти. Да, она была у него, как и у Кунаева и Снегина, кибернетической. Но это ей в подкрепление он за четыре года войны исписал около **сорока (!) тетрадей**. Три тетради какое-то время Бауке считал утерянными навсегда — они попали к врагу, но потом их вместе с другими архивными материалами отбили наши, и тетради сызнова вернулись к их хозяину ему на радость. И это (внимание!) при том, что — в отличие от германской армии — в Красной (Советской) Армии записи личного свойства запрещалось категорически вести не только солдатам и офицерам, но даже и генералам, отчего наше представление о Великой Войне, конечно же, ничуть не выиграло.

Но для Бауке это неумное требование было не указ. Для Снегина, впрочем, тоже. Да и, честно говоря, **особисты** тоже не были **шлангами** и никого из командиров или бойцов, кто вёл краткие или подробные записи, “не тягали”. Напротив, ориентировали таких выявленных ими (впрочем, ни от кого не таившихся **летописцев**) на активное сотрудничество с военной периодикой, прежде всего со своей **родной** дивизионной газетой.

Надо особо сказать, что — чем не благодатная тема для кандидатской или даже докторской диссертации! — в этом отношении Панфиловской дивизии, пожалуй, как никакой другой во всей Красной (Советской) Армии, крепко повезло: уже с первых дней и месяцев её активного ратного бытия в ней оказался **цвет** казахстанской творческой интеллигенции и, прежде всего, **семиреченской** — талантливые и энергичные люди самой высокой не только армейской, но и духовно-литературной выучки — такие как Дмитрий Фёдорович Снегин, Малик Габдуллин, Павел Николаевич Кузнецов (впоследствии один из редакторов выходившего на всех мировых языках журнала “Советский Союз”, автор известной, поначалу печатавшейся в миллионнотиражном журнале “Огонёк” повести “Джамбул — внук Ыстыбая”)...

Это на негасимый огонь их фронтовой поэзии и публицистики вышли Кривицкий с Беком и Тихоновым, другие признанные мастера советского батального письма. А сами они специально командированные **понимающим** дивизионным, а затем и вышестоящим командованием, подготовили к выходу в свет и выпустили особый сборник о панфиловцах, рассчитанный на самого массового читателя в Москве, ещё не снявшей затемнения от налётов вражеских бомбардировщиков (эти налёты продолжались вплоть до 1944 года).

И вообще все они — Момыш-Улы, Снегин, Габдуллин, Кузнецов, Макеев — старались исключить из многоёмкого процесса своего творчества любую импровизацию, оставаясь всегда приверженцами сугубо **точного** письма, будь то художественная или документальная проза, публицистика, литературная критика и проч. Как-то Бауке, не хвалясь, неспроста заметил сыну Бахытжану, что для сравнительно небольшой статьи о Рабиндранате Тагоре ему (Бауке) понадобилось проштудировать не менее сорока увесистых книг...

За свои эпистолы друг к другу Бауке и Омаров брались даже при всей их, далеко не всем видимой, каторжной загруженности. Эти письма украшали все их зрелые, **звёздные** годы, истончавшиеся однако со стремительной и неумолимой быстротой шагреновой кожи.

Омаров, как всегда, отлично осознавал свою, **целеполагающую** роль при Бауке, подобно умнейшему комиссару Дмитрию Андреевичу Фурманову (1891—1926), **коммунисту** с 1918 года, при всем известном начдиве Чапаеве или же тактичному комиссару Воробьёву при обезноженном геройском лётчике Мересьеве (Маресьеве).

Поразительно, однако до сих пор поворачивается язык у иных “правдолюбов” горестно, с потаённой, да что там с потаённой, — с явной злобушкой пожалеть о том, что одна из лучших улиц южной столицы Казахстана всё ещё носит имя “**анархиста** Фурманова”, замечу не между прочим, чья героическая биография, творческая тоже, теснейшим образом связана с городом Верным и всем Семиречьем, где ему — уполномоченному РВС Туркестанского фронта по Семиреченской области совместно с красным

командиром Беловым в 1920 году не только удалось укротить кулацкий мятеж и предотвратить крупное кровопролитие, но и поставить на крыло всю семиреченскую периодическую печать, сделать немало другого воистину полезного для жетысуйцев и всех казахстанцев. Совсем не лишне знать, что Фурманов, будучи с 1923 года руководителем Московской писательской организации, активно поддерживал Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, других талантливых литераторов, не очень-то удобных тогдашним официальным властям. Жена Фурманова Анна Никитична, прекрасно владевшая казахским языком, по просьбе тогдашнего предсонаркома республики Ураза Исаева, оказала бесценную помощь будущему классику казахской и мировой живописи Абылхану Кастееву, став на всё время его продолжительной творческой стажировки в Москве личной переводчицей самобытного художника, чей талант был открыт и поддержан выдающимся русским живописцем и педагогом, автором многих картин из жизни и быта казахского народа Николаем Гавриловичем Хлудовым (кто из просвещённых читателей не помнит восторженной оды его великолепному мастерству в романе “Хранитель древностей” Юрия Осиповича — точнее, Иосифовича — Домбровского!). Кстати, сам Фурманов в свою семиреченскую бытность данной ему огромной властью **обязал** всех ему подчинённых, не владевших казахским языком, обучаться таковому на специально организованных им курсах. Он же организовал в высокогорном урочище Медео стационарный санаторий-лечебницу, основательно заботился о дорожном строительстве, библиотеках, кинофикации...

Все эти и **многие** другие факты достаточно известны.

Удивляюсь, как это “милостями” наших новоявленных энциклопедистов не оказалось даже самой краткой статьи о Фурманове в роскошно изданном фолианте — пятом томе под титулом “Казахстан. Национальная Энциклопедия” (Алматы, 2006, 560 страниц). Правда, в сведениях о писателе Кадыре Тайшыкове (на странице 148-й) есть упоминание промельком, через запятую, что им (Тайшыковым) переведён на казахский язык роман “Д. А. Фурманова “Чапаев”, но о фурмановском романе “Мятеж” (1925), посвящённом целиком и полностью семиреченским событиям и тоже ставшем классикой советской/российской литературы, ни слова, ни полслова.

В отличие от Энциклопедии, где главным редактором являлся академик Мухамеджан Кожаспаевич Каратаев, а членами Главной редакции — академики Ахмедсафин, Абдильдин, Бараев, Маргулан, Сокольский, Сызганов и многие другие видные всему просвещённому миру научные величины. Там на странице 553-й 11-го тома (1977) Фурманову воздано должное со всей ретроспективной объективностью. Как, впрочем, и казахстанскому герою Брестской крепости, доктору биологии, профессору, верному другу Снегина и Момыш-Улы Владимиру Ивановичу Фурсову. Как великому французскому утописту Франсуа Мари Шарлю Фурье (на него и Энгельса любил ссылаться Бауке). Как национальному герою чешского народа, пламенному борцу против нацизма, автору бессмертного “Репортажа с петлёй на шее” Юлиусу Фучику, знакомому с Казахстаном и казахстанцами не понаслышке. И Фурсов, и Фурье, и Фучик из нынешнего энциклопедического издания повылетали за его борт со скоростью света.

Так, спрашивается, что же это такое? Неужто своеобразная форма исторической “благодарности” всеобщему и нашему прошлому и гуттаперчевая

формула **“чего изволите?”** в действии? Очень похоже на то. Зато первый том “Национальной Энциклопедии” 2006 года издания на странице 332-й знатно украшен подробной статьёй о его главном кормчём “А. Б. (род. 1954)” с его с выразительным фотопортретом — тут он во всей научной красе и общественно-политическом блеске — он и политолог, он и доктор истории, и профессор-академик, доцент, консультант, он и автор учебников по отечественной истории на казахском, русском, уйгурском языках, социологии и политологии для средних школ и высших учебных заведений, сиятельной монографии “Апогей и закат советского социализма”, неутомимый творец “новейших методологических концепций”, кавалер “правительственных наград” (хотя всем известно, что нет правительственных наград, а есть — государственные) и прочая и прочая...

Ни Бауке, ни Омаров, по своей величайшей принципиальности и скромности, не могли позволить себе ничего подобного.

Чудесные (и чудодейственные) послания Ильяса, помимо всего прочего, ярко свидетельствуют о том, какими золотыми людьми (разумеется, наряду и со всякого рода серостью, а то и сволотой) располагала Казахская Советская Социалистическая Республика времён Кунаева. Все эти письма Омарова ненавязчиво, педагогично, однако упорно и открыто зывали к осмотрительной мудрости, к объективной самооценке и обзывали Баурджана Момыш-Улы к конкретному **творческому** действию, тем более, что оба чётко понимали, что их земной срок вовсе не вечен.

А Бауке, как всегда, не медлил с выполнением наказов Ильяса.

XI. “Куба, любовь моя...” Правду в глаза — и не иначе. “Без труда для меня и отдых — тюрьма!”

*Радость жизни не в том, что берёшь, а в том,
что ты даёшь другим... В моём знании и опыте
на том свете никто не нуждается.
Не следует их уносить туда, лучше
оставить здесь. Поэтому я спешу
как можно больше поработать.*

Баурджан Момыш-Улы “Кубинские встречи”.

Собрание Сочинений. Том второй.

“Жазушы” (“Писатель”), Алма-Ата, 1986, с. 280.

РОДНОЙ брат Фиделя, министр обороны Кубы Рауль Кастро, пригласив Бауке в Гаване к себе, с нескрываемым интересом всматривался в пожаловавшую к нему живую легенду Великой Отечественной и всей Второй мировой войны.

Гость из далёкого Казахстана явился в ладно сшитом для него лучших отечественными портными партикулярном (штатском) костюме, при строгом официальном галстуке и сразу же понравился Раулю.

После крепкого рукопожатия хозяин кабинета радушно обронил (через переводчика), глядя в глаза Бауке и показывая жестом на свои обширные служебные владения:

“Чувствуйте здесь себя, дорогой компаньеро колонель (товарищ полковник), свободно. Располагайтесь, как у себя дома!”.

Бауке в знак согласия благодарно склонил голову, хитровато улыбнулся в роскошные усы, а потом тут же, с блаженным удовольствием, домашнему ослабил галстук, более того, снял свой франтоватый пиджак и, бережно стряхнув с него невидимые пылинки, аккуратно повесил на полированную спинку старинного кресла.

В первый момент Рауль Кастро, изумлённо подняв брови, неотрывно смотрел на неспешные действия гостя, а когда они завершились, крепко обжал ладонями свои щёки и не удержался от раскатистого одобрительного смеха. Потом громко рассмеялись оба, а с ними и переводчик. И, пожалуй, самое сложное из искусства человеческого общения — взаимное понимание, которому Бауке учился всю жизнь, но особенно у комиссара своего 1073-го гвардейского стрелкового полка москвича Фёдора Толстунова, — было мгновенно найдено и утверждено сразу же и до самого конца этой памятной встречи и уже после неё — навсегда. Ну а в ней же тогда активно проучаствовали многие ведущие сотрудники кубинского министерства — в большинстве своём давние боевые соратники Рауля и Кастро-старшего по их беспрецедентной борьбе с алчным режимом диктатора Батисты.

По настойчивой просьбе Кастро-младшего Баурджан Момыш-Улы подробно (и в лицах — рассказчиком он был не хуже Снегина, да и, пожалуй, знаменитого чудодея устного жанра Ираклия Андроникова, к слову, давнего питерского друга Снегина и Кунаева) поведал без смущения и каких-либо записей (и то, и другое особенно понравилось его чутким и понимающим слушателям) обо всём, что пожелалось им узнать от него, и — более того — честно, с исчерпывающей полнотой и откровенностью, ответил буквально на все вопросы собравшихся **команданте**. В том числе и на те, какие дома многим показались бы скользкими, но для Бауке не существовало двух сортов (видов) **правды**, где одна предназначалась бы землякам, а другая была бы на экспорт.

На этой встрече в Гаване ему, безусловно, приятно было услышать от самого Рауля Кастро, причём с прямой ссылкой на Фиделя, о том, что книги “Волоколамское шоссе” и “За нами Москва”, броские буклеты о самом Бауке, изданные на Кубе за счёт молодого социалистического государства огромными тиражами и распространяемые среди населения бесплатно, давно стали настольными не только для лидеров Кубинской Революции, но и для всего офицерского и рядового состава Армии Острова Свободы, её ополчения и милисиано — в реальности же это вовсе не один остров, а около 1800 островов Кубинского архипелага. Много чего интересного узнал тогда, осенью 1963 года, казахстанский гость, в ходе большой беседы дипломатично спросивший — как же это сам Фидель Кастро едва ли не каждый день — сам за рулём и под брезентовым тентом вездехода, фактически без никакой охраны, колесит на архипелаге по ему нужным маршрутам, встречается с множеством самых разных людей, ничего и никого не опасаясь.

Ответом было простое и убедительное:

“А у нас, между прочим, товарищ полковник, в доме почти каждого кубинца по автомату Калашникова, и никто из наших руководителей не боится своего народа. Все знают друг друга не только в лицо, но и по делам”.

Тогда же и узнал Бауке (с потаённым вздохом), что Фидель и при штурме казармы Монкада, и в повстанческих горах Сьерра-Невады никогда не

снял образок пресвятой девы Марии, и что даже самым убеждённым партийцам навещать храмы Христовы на Кубе ничуть не считается зазорным.

“А у Вас есть с собой Ваша книга о генерале Панфилове?” — спросил Рауль Кастро.

Бауке подтвердил: да, все свои книги он привёз с собой на Кубу.

Кастро-младший обещал обеспечить их хороший перевод и затем их **полное** издание на Острове Свободы.

Запомнившийся накрепко долгий, как вечность, двойной (туда и обратно) путь через Прагу — там его опекал старый приятель, видный чехословацкий издатель и писатель Вацлав Кубик — перелёт через земные континенты и океан и оставшаяся навсегда в памяти революционная Куба, увиденное там и всем сердцем прочувствованное, памятная встреча в Москве перед рейсом на Кубу с великим скульптором XX-го столетия Евгением Викторовичем Вучетичем, в войну бывшим храбрым ополченцем и поведавшим ему, что прообразом его известного всему миру бронзового Воина-Освободителя, установленного в берлинском Трептов-парке, послужил отважный солдат из Казахстана по фамилии Одарченко и по имени Иван, а самого Баурджана скульптор увековечил не только в искусно сработанном персональном бюсте, искренне восхитившим не только главу Британской Компартии Уильяма Галлахера, а и множество других честных людей планеты, но и в известнейшей скульптуре (ныне установленной у здания ООН в Нью-Йорке — “Перекуём мечи на орала”) — всё это влило в Бауке новые творческие силы, окрылило, ещё более обострило писательское зрение, а вместе с этим и критический настрой, отнюдь не критиканский — он не был, по обожаемому Омаровым (Кунаевым тоже) выражению академика Ильичёва, из тех людей, **“которые мыслят соками жёлчного пузыря”**.

На правах истинно панфиловского военачальника, сполна изведавшего всю кровавую подоплёку, механизм и механику, античеловечную сущность Войны, крошечный ад множества её боёв и сражений — а их, только учтённых батальонными, полковыми, дивизионными журналами боевых действий (война, как и социализм, тоже означала **учёт**, да ещё и какой строгий! скрупулёзно учитывались каждый снаряд, каждый автоматный диск, каждый литр бензина и т.д.) было не менее **двухсот** — за все её 1418 дней и ночей, Момыш-Улы мог, без какого-либо перестраховочного огляда, вполне (прилюдно и обоснованно!) без обиняков сказать об увесистых томах, помпезно изданных в Москве и по всему просвещённому миру под звучной фамилией признанного сонмом записных историков Главным Кузнецом Победы Жукова — “Воспоминания и размышления”:

“Ладно. Допустим, воспоминания у Георгия Константиновича есть. Но, позвольте, дорогие мои, где же там у него **размышления?**”.

Но вместе с тем Бауке помнил, как после его (Момыш-Улы) демобилизации Жуков, будучи министром обороны СССР, звонил в Алма-Ату, велел военкомату его трудоустроить, дать хорошую квартиру и об этом доложить в Москву.

“Сообщите министру, что полковнику Момыш-Улы работа не требуется. Он решил посвятить себя литературной деятельности. Не надо хлопотать и насчёт квартиры. Жильё у него тоже есть”, — сказал тогда Бауке работникам военкомата.

Жукову едва успели доложить об этом, как он по настоянию нашего дорогого Никиты Сергеевича Хрущёва в **октябре** 1957 года был снят со своей должности, вытравлен из состава Президиума ЦК КПСС, уволен из Вооружённых Сил СССР и определён под негласный надзор Лубянки. Бауке со Снегиным не приветствовали этот очередной хамский произвол Кремля, но тем не менее признавали в нём некую руку Провидения.

Примечательно, что политическая звезда самого Хрущёва (1894—1971), который поначалу своего сумбурного правления сделал немало позитивного для страны и мира, но всё-таки умудрился осточертеть едва ли не всем и каждому, — закатилась тоже в **октябре**, однако только семь лет спустя — на **октябрьском** Пленуме (1964). С формулировкой “по личной просьбе и состоянию здоровья” он был освобождён от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и члена Президиума, отправлен — фактически — под домашний арест на подмосковную дачу выращивать на приусадебном участке лук, огурцы, помидоры, прочие овощи, а также втихаря надиктовывать мемуары, от авторства коих, когда их первоначально опубликовали в США, публично и стремительно отксерстился.

Для Бауке самым действенным спасением от накатывавшего затяжного безверия, от душевного вакуума — перечитайте эпистолярные признания наших и зарубежных классиков: это же неизбежная участь-напасть любого **таланта** — были исповедальные письма. Это по ним мой понимающий читатель сможет глубже понять чрезвычайно сложный внутренний мир Бауке, кому, по устойчивому обывательскому мнению, вроде бы ничего не было страшно.

Эх, если бы это было так!

“Меня очень мучает **опустошённость**, — как на духу, с горчайшим отчаянием признавался он в том же послании Омарову и страстно взывал к другу: — Мне надо хвататься за проблему, работать... **Без труда для меня и отдых — тюрьма!** Помогите мне **работать**, пожалуйста!.. Я очень устал от многолюдия, от житейской сутолоки и казахской склоки, от бесцельной спешки, сыт телефонными звонками, лицемерными приветами, чмоканиями губ (чиновных) проституток...

Кто я? — видимо, **ничто!**

Но этот **ничто** детям обязан честно рассказать, почему он **что** и (почему) **ничто**... Мне надо **прыгнуть!**.. Для того, чтобы прыгнуть, надо **разбежаться**, а сегодня у меня разбега не получается. Этим я очень огорчён тчк. И всё-таки я буду **прыгать**, намерен...

Обстоятельства, обстановка, обывательщина...

Видимо (всё это), понятия условные, но коварные. Обстановка может объяснить поступок, но не оправдать!.. У меня немало неоправданных поступков тчк Признаю за собой такой грех тчк. Только творческий труд приносит удовлетворение и возвышает человека морально, а тяжкие труды только лишь ради физического существования — унижают...”.

“Когда душа болит, она очищается. Но как трудно, когда она болит всегда! Однако без такой боли жить невозможно”, — это тоже его — Бауке — слова.

Четвертушечка обычного листа, заполненная на той же пишущей машинке — глядя на её убористо-мелкий шрифт, определил: скорее всего, это лёгкая, ладно сделанная, трофейная германская “Рейн-Металл-Борзиг”, с её плавным, как по маслу, не трескучим ходом — её необременительно

возить с собой в удобном кожаном футлярчике, она-то после войны и сопроводжала Бауке во всех его перемещениях по земным пространствам:

“Да, опять чисто житейский вопрос (обратите внимание — не общественно-политический вопрос, а — чисто **житейский**, ибо святая память о войне, её героях и есть для него сама **жизнь**. — **В. В.**):

Я (вновь) очень прошу Правительство отметить наших воинов, отличившихся на полях сражения под Москвой. Они ведь оросили своей кровью землю Подмосковья...

... Я, честно говоря, ни на что не претендую. У меня на груди медаль “За оборону Москвы”, как у любой уборщицы московских гостиниц... Я — казах. Я — полковник Баурджан Момыш-Улы! Я оберегаю национальное самолюбие моего народа — для меня это высшая награда. Шаяхметовы, Ондасыновы, Койшигуловы — пусть здравствуют, я приветствую их...

Прости за полную откровенность.

Супруге и детям — мой салем”.

Передать привет супруге Ильяса Омарова Бауке никогда не забывал, но когда Азильхан Нуршаихов попросил его рассказать “немного о своей личной жизни”, Момыш-Улы ответил:

“Нет! Не расскажу! И не надейся. Достаточно с тебя того, что ты знаешь, сколько у меня было жён. Три. Но какой мужчина, если он не дурак, станет рассказывать, как и почему он разводился. Не пришлось по душе друг другу — вот и всё. Но если ты обижал жену, судьба не оставит тебя без наказания. Потому что женщина — это мать жизни, а настоящий сын никогда не даст в обиду свою мать”.

В другом, отправленном летом 1943 года, подробном письме 33-летний Бауке откровенно изложил свои взгляды на мораль, нравы, характер любви, равенство и взаимопонимание в ней, он даже привёл в подтверждение своих чувствований простенькую, но по-своему убедительную мини-притчу о счастливом муже, который сказал: “Зачем мне бегать (на сторону), когда у нас всё есть дома — жена мне друг, товарищ, советник, уют тела и души моей...”. Когда же мужу задали вопрос, изменял ли он жене или подозревал ли в этом жену, он сказал: “Признаться, я над этим до сих пор даже не подумал”.

Наискосок же машинописного послания Ильясу Омарову, отправленного много лет спустя, уже не было никакой любовно-супружеской лирики — от руки размашисто-командирским почерком и поверх процитированного мной, Бауке обозначил своё твёрдое:

“Я очень надеюсь, что Казахстан скажет своё достойное слово в дни XXV-летия Победы под Москвой и 50-летия РККА и РККВМФ (Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота. — **В. В.**)”.

Так, собственно, оно и случилось.

Однако и в этот раз самые авторитетные повторные ходатайства о присвоении звания Героя Советского Союза Баурджану Момыш-Улы, Балтабеку Джетпыспаеву и другим **настоящим** панфиловцам (**настоящим** — потому, что немало всяческих самозванцев, прилипал и аферистов вертелось близ и далеке боевых дел Панфиловской дивизии) опять не сработали. По давнему кремлёвскому обыкновению Золотые Звёзды были сноровисто заменены другими, по правде говоря, далеко не третьестепенными знаками государственного внимания, но все они оставляли в душах героев, спасших Москву от вражеского вторжения и оккупации, горчайшее чувство досады.

Да, всё-таки там, в недостигаемо-державном занебесье (это, братцы-сёстры, вам не Куба!), крепко запомнились высказанные Момыш-Улы своим академическим слушателям, а потом и в других **присутственных** местах Союза совершенно справедливые, но на взгляд кремлёвских верхов, глубоко порочные (да ещё и клеветнические) эскапады о том, что “мы проиграли эту войну вовсе не в трагическом 1941 году под Москвой или ещё где, а в победоносном 1945-м, когда, не считаясь с превеликим множеством потерь солдатских и командирских жизней, прокладывали ими дорогу к Варшаве, Вене, Берлину, Праге”.

Да, не видел величайших полководцев Баурджан Момыш-Улы в тех кремлёвских “ратоборцах”, облечённых свыше самой сильной властью — распоряжаться людскими жизнями, но, из-за своего “полководческого” скудоумия и ревностного желания выслужиться, причём непременно первым перед Вождём, безвозвратно тративших их на фронтах Великой Отечественной и в тылу врага, особенно в завершающей её период, когда соотношение потерь выткалось в невероятно-ужасный счёт, какого ещё никогда не знала вся мировая история войн — **14 к одному**, то есть на одного поверженного гитлеровца, “лохтаря” (маннергеймовца), “мамалыжника” (румына) и проч. приходилась гибель 14-ти советских солдат и офицеров, партизан и подпольщиков.

Не признавал он никаких стратегических талантов (и множество его слушателей соглашалось с ним) и в брежневском протезе и фаворите Маршале Советского Союза (да ещё и к тому же члене Политбюро ЦК КПСС и министре обороны СССР) Андрее Антоновиче Гречко (1903—1976), говорил о нём как о неподражаемо флюгерной фигуре и без пяти минут полной фронтовой серости (вместе с Гречко в 1942-м Леонид Ильич “успешно” сдавал врагу не только т. н. Барвенковско-Лозовской выступ, но и другие стратегически важные позиции).

И первое административное лицо в Вооружённых Силах СССР, патологически злопамятный Гречко дважды, в первый раз милостью Хрущёва (1958), во второй стараниями Брежнева (1973) кавалер Золотой Звезды, до своего последнего часа ничего не забывал из сказанного по его поводу военно-академическим профессором вовсе не в Москве, а в городе Калинин (ныне опять Тверь).

И не потому ли, когда **не единожды** с подачи Снегина и других ветеранов Кунаев снова ставил перед Политбюро ЦК КПСС настойчивую просьбу о присвоении звания Героя Советского Союза действительным, а не мнимым **героям-панфиловцам**, всякий раз Гречко **мстительно** прокатывал эти представления с присловьем:

“Видит Бог: только через мой труп!”.

И, знаете, а ведь услышал, увидел-узрел всевидящий Господь: отошёл А. А. в мир иной 26 апреля 1976 года.

Но до этого скорбного дня было ещё далеко.

Окончание в следующем номере.

Аргынбай БЕКБОСЫН

Сын солдата, или По Пушкинской, Пушкинской...

*Из дневника бывшего студента
бывшего Джамбулского педучилища имени Абая*

(Окончание. Начало в № 9 за 2010 год)

11 сентября 1955 года

Первый день учёбы. Первый урок. Физкультура. Белокурая девушка, года всего на два-три старше меня, построив нас во дворе, сперва представилась сама.

— Я — выпускница Ростовского пединститута, буду у вас вести физкультуру. Зовут меня Анна Ивановна Мороз...

— Мороз?.. Может, Морозова? — ехидно спросил самый старший из нас по возрасту Абдрахман Намысбаев, верзила такой.

— Нет, просто Мороз, — спокойно ответила девушка.

— У... ух, мороз!.. Холодом веет от вашей фамилии, — поёжился Намысбаев.

— Тогда оденьтесь потеплее, хотя бы на моём уроке...

Тут в разговор вклинился “малыш” Молдабай.

— Не вышла ли ошибочка в райзагсе, когда они заполняли вашу метрику? А то были же люди: Савва Морозов, Павлик Морозов... А Вы — Мороз...

— Да, фамилия Мороз. Я — донская казачка.

— О, нам в самом деле везёт с казаками, ребята!.. Недавно только познакомились с уральскими казаками, а сегодня с донской. Да, “Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек”!.. — Молдабай в конце чуть не запел.

— Пожалуй, хватит обсуждать мою фамилию, — сказала Анна Ивановна уже строгим голосом и скомандовала:

— Смирно! На-право! Бегом марш!..

Все, смеясь, побежали.

— Ну вот, Абдрахман, согреешься теперь вдоволь! А мы из-за тебя будем потеть, делая аж целых пять кругов во дворе, — говорил Саги, тяжело дыша. — Иначе, может быть, ограничились бы ходьбой на месте...

— Беги, беги, пузатый! — улыбаясь, ответил Абдрахман. — Это тебе не танцы в “Пионере”, в которых натоптался на месте. Вообще-то бег тебе очень полезен, парень. Может, мне попросить Мороз, чтобы она назначила тебе персонально десять кругов?..

— Да ну тебя... — Саги больше не шутил...

— Да-а, результаты не очень... — огорчилась Анна Ивановна, глядя на свой секундомер. — Придётся больше тренироваться.

После пятиминутной передышки она снова скомандовала:

— Построиться по росту в одну шеренгу!.. Метание гранаты. Кто кидает, тот и приносит обратно. — И она передала Намысбаеву макет гранаты — кусок цилиндрического круглого железа с деревянной ручкой, весом граммов семьсот.

Намысбаев, неловко держа в руках снаряд и раскачиваясь всем телом, наконец-то кинул. Недалеко улетела граната.

— Надеюсь, вам не холодно? — спросила с улыбкой физрук.

— Жарко... — недовольно ответил Намысбаев.

— Передайте следующему, — велела она, когда Намысбаев принёс гранату обратно.

Следующим был я. Метание для меня было знакомым делом, этому нас хорошо обучил в школе военрук, боевой офицер-фронтовик Николай Фёдорович Ушаков... Вылетевшая из моей руки граната, описав большой круг над площадкой, с грохотом упала на железную крышу соседнего здания и скатилась на другую сторону.

— Что вы наделали?! — Анна Ивановна с ужасом смотрела на меня. — Там же поликлиника, полно людей!.. — и сама первой побежала к воротам. Мы бросились вслед за ней... Граната лежала на узкой полосе зелени.

— Ну вы меня напугали, — призналась Анна Ивановна уже спокойно, когда вернулись в училище. — Тем не менее, я вам поставлю пятёрку, первую пятёрку.

— Это невозможно...

— Как невозможно?!

— Моей фамилии нет в журнале... Я — резерв.

— Да-а? Ну тогда вы мой отличный резерв! — воскликнула Анна Ивановна.

От этих слов и радостного выражения её прекрасного лица у меня в душе стало как-то светлее.

Затем она добавила:

— Из вас должен выйти отличный спортсмен. Для этого, мне кажется, есть все данные.

“Какие там данные?.. Спортом специально я никогда не занимался, если не считать, что шесть лет подряд в Будённовку в школу зимой ходил на коньках, а летом ездил на велосипеде, ежедневно километров пятнадцать. Правда, часто боролись во время игр. И, конечно же, трудовая заплата с малых лет аульного юнца...” — думалось мне...

... По расписанию следующим уроком была педагогика. Мы ждали этого, но не столько самого урока, сколько преподавателя Жакыпбая Касымбекова. Много слышали о нём.

— Настоящий педагог!

— Великий учитель!..

Наконец он входит в класс. Среднего роста, с абсолютно лысой большой головой, со светлым, несколько даже рыжеватым, улыбающимся лицом пожилой человек. С его входом темноватая комната стала более широкой и светлой, что ли...

— Разрешите представиться... — начал было он, но студенты его с шумом прервали:

— Мы вас знаем, хорошо знаем, агай!..

— Если так, то тогда и я должен знать вас...

И опять пошло знакомство по журналу. И опять мне пришлось самому представиться. Что подделаешь... Стал замечать, что каждый раз в таких случаях у меня внутри какая-то пружина сжимается и сжимается, давя душу...

— Теперь мы знакомы с вами, ребята. И дальше будем вместе работать. Работа эта — освоение азов педагогики, которые обязательны вам, будущим учителям — представителям самой гуманной профессии из всех придуманных родом людским...

Этих нескольких слов было достаточно для меня, чтобы прийти к выводу, что те лестные отзывы о Жакыпбае-аге были вполне обоснованными...

— Сегодня я постараюсь осветить вопросы: что за наука и предмет педагогика, этапы её развития и, конечно, её роль в обществе. Можете это считать обзорной лекцией. А со следующего урока пойдём по отдельным конкретным темам.

Какая же интересная лекция! Сколько глубоких мыслей и фактологических, исторических материалов в ней! Кроме известных нам раньше казахских просветителей-педагогов Ибрая Алтынсарина, Спандияра Кубеева и других, впервые услышали имена Константина Ушинского, Антона Макаренко...

Поразительным было и построение рассказа. Слова учителя были не сухими, а сочными, порой даже образными...

— У нас осталось ровно десять минут, — сказал Жакыпбай-ага, закончив лекцию. — И я буду отвечать на ваши вопросы... Итак, кого что интересует?

— Можно мне?.. — несмело поднялся Еркебек Тасыбаев, парень из Луговского района.

— Да, пожалуйста.

— Мы слышали, что Вы учились вместе с легендарным Баурджаном Момыш-Улы. Правда ли это?

— Правда, вас не обманули, — с улыбкой ответил учитель. — Мы с Бауке в одно время, правда, это было уже давно, вместе учились в Асинской школе-интернате, которую потом назвали школой имени Карла Маркса... нас было тогда немало, хотя сейчас, к великому сожалению, в живых кроме Бауке, меня и Садыкбая Мусаева, который живёт в селе Турксиб, никого не осталось. Многие ребята умерли от голода в начале тридцатых годов, другие погибли на фронте... — на лице учителя не осталось следа от той приятной улыбки.

— А какие особые черты отличали юного Баурджана? — снова задал вопрос Еркебек.

— Ещё тогда чувствовалась у него, так сказать, военная жилка. Он был нашим командиром! Построив нас, водил то в школу, то в баню, а иногда — и на Зелёный базар, — снова посветлело лицо Жакыпбая-ага. — Был смелым. Не терпел ничьё насилие и малейшей несправедливости. Вот один случай. Как-то обедали мы за длинным столом. Подали нам по тарелочке горяченной каши. Был среди нас один такой хулиганистый мальчонка, года на два старше нас, огненно-рыжий. И он, не трогая свою порцию, начал есть из тарелки соседа, такого худенького паренька. Баурджан, сидевший как раз напротив рыжего, быстро встал и, обойдя стол, подошёл к рыжему и его стриженную наголо голову накрыл своей тарелкой с кашей. Тот издал истошный крик.

— Если ещё раз будешь делать так, ещё больше получишь, подонок!.. — большие глаза Баурджана горели чёрным пламенем... Вот таким был он, будущий герой, легендарный герой Великой Отечественной войны...

В это время раздался звонок...

Я почему-то считал всех математиков немногословными, даже молчунами. Моё предположение оправдалось и на этот раз. Расима Гизатова, судя по внешности, строгая, но пунктуальная женщина средних лет, оказалась именно такой. Урок она начала с очень короткого вступления.

— Арифметику считают элементарной математикой. Тем не менее она учит не только считать, пересчитывать, но и прививает учащимся навыки разностороннего мышления. А это очень и очень важно. Поняли вы меня?.. Хорошо что поняли. В течение вашей учёбы будем решать почти все задачи учебника Степанова и Березанского. Итак, приступим, — она, взяв мел, на доске написала текст одной задачи. — Кто решит — поднимите руки...

Задача была не очень сложной. Минут через десять я поднял руку.

— Дайте вашу тетрадь... Та-ак, так... Отлично! Как ваша фамилия?

— Бекболатов...

— Я вам поставлю пятёрку, Бекболатов...

Мне пришлось и ей назвать свой “статус”.

— А как вы сдали вступительные?

— На тройку...

— Ин-те-ресно, — несколько недоуменно сказала она. — Ну ещё кто решил?

Никто не ответил...

В конце урока она дала домашнее задание...

25 сентября 1955 года

Ровно две недели, как мы здесь, в училище, осваиваем новые знания. Уже знакомы почти со всеми нашими учителями. Это достопочтенный аксакал биолог, немного тугоухий Жалил Абдуллаев, не по возрасту сдержанный и очень корректный преподаватель методики казахского языка Аким Садыкбеков, литератор, красавица Зоя Инкаровна, историк, очень доброжелательная Шаркуль Карабаева, учитель методики преподавания русского языка, очень пунктуальный Александр Павлович Ли, преподаватель рисования, постоянно ездящий на велосипеде Николай Фёдорович Анискин, огромный телосложения, тем не менее очень тонкий на слух музыкант Роберт Антонович Майер... И... и она, преподаватель русской литературы Зинаида Фёдоровна Изаак, истинная красавица. Большие лучезарные зеленоватые глаза, приподнятый, чуть с горбинкой нос, несколько пухловатые губы, длинноватая шея, обрамлённая кудрявыми локонами, отличная фигура с замечательным бюстом... А голос!.. Это не голос человеческий, а какая-то музыка, серебристая, звонкая... “Она же королева Марго!..” — почему-то подумалось мне, когда впервые увидел её, входящую в класс. Торжественно, лучезарно, как будто за ней следует само солнце. После короткого знакомства Зинаида Фёдоровна без каких-либо разъяснений своим чудодейственным голосом сразу стала декламировать наизусть:

Я к вам пишу — чего же боле?

Что я могу ещё сказать?

Теперь, я знаю, в вашей воле

Меня презреньем наказать.

Но вы, к моей несчастной доле

Хоть каплю жалости храня,

Вы не оставите меня.

Сначала я молчать хотела;

Поверьте: моего стыда

Вы не узнали б никогда,

*Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтобы только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи...*

— Я вам сейчас прочитала отрывок из письма главной героини одного из шедевров не только русской, но и мировой поэзии. Теперь вы назовите мне: чьё это письмо, из чьего произведения? — обратилась она ко всем.

Воцарилась тишина.

— Неужели, неужели... Ну, скажите же...

Я поднял руку.

— Наконец-то!.. — улыбнулась Зинаида Фёдоровна.

— Это отрывок из первого письма Татьяны. “Евгений Онегин” Пушкина.

— Молодец!

— Два письма Татьяны и ответ Онегина на казахский язык перевёл Абай и даже сочинил мелодии к ним, — продолжил я.

— Правильно, я в курсе. Первое письмо Татьяны прекрасно поёт наша второкурсница четырёхлетней группы Акжаркын Кудайберенова, — и учительница тихонько, вполголоса повторила знакомую мелодию, правда, без слов. Но как она глубоко проникает в душу, принося ей истинное наслаждение... О, чудо!.. Перед моим взором предстали Мариям из Будённовки и строчка из её короткой записки: “от всего сердца”, и ещё тоненький тополёк, с чуть дрожащими листиками... Из этого сказочного состояния вывел меня снова зазвучавший голос Зинаиды Фёдоровны.

— ... Вот такая она, русская литература! И мы с вами в течение этих двух лет более углублённо, чем в школе, изучим основные произведения классиков, для того чтобы вы потом передали вашим ученикам их смысл и красоту.

Каждый преподаватель так заинтересовывал нас своим предметом! Настоящие мастера. Так и должно быть, думалось мне, ведь они учителя будущих учителей. Всё тут естественно, неудивительно...

Удивительно было другое. Когда преподаватель задаст общий вопрос, почти никто не спешит с ответом. Если найдутся единицы, то учитель не удовлетворяется. А сложные, домашние задачи кроме меня никто не решал. И все просили, чтобы я приходил в училище на час раньше занятий, что я и делал. Все дружно и по очереди списывали...

Почему так? Ведь многие из студентов даже со стипендией. А учатся хуже, чем какой-то “резерв” вроде меня?.. Где же те высокие оценки при вступительных?.. Неужели правы те, которые сказывали?.. Ладно...

Как бы там ни было, мне надо упорно заниматься и доказывать другим и самому себе, на что я способен!..

5 октября 1955 года

В самом конце последнего урока, около девяти вечера, в класс неожиданно зашла Ольга Емельяновна и сказала:

— Прошу не расходиться. Проведём экстренное собрание...

Все мы удивились: что случилось?.. Куратор была на сей раз несколько хмурой, что не типично для неё, доброй женщины.

— Сегодня к замдиректора училища обратилась группа девушек с русского отделения с жалобой, — начала Ольга Емельяновна крайне недовольным голосом. — Жаловались они на поведение нашего Симамбекова. По словам девушек, вчера вечером Симамбеков, в не совсем трезвом виде, приставал к ним в их же комнате в общежитии. Сказывали даже, будто он облизывал девушек, как телёнок. И им с трудом удалось выдворить его... Что скажете, Симамбеков?

Симамбеков встал, но молчал. Только моргал своими густоватыми длинными ресницами.

— По-моему, те девушки просто излишне капризничают, — вместо Ратбека начал говорить писклявый Советбек. — А Симамбеков очень любит и уважает девичье общество!.. Вот вам и вся причина... Вчера мы, в том числе и он, получили первую стипендию. Пропустили по кружке пива. Ну, от этого никто не опьянеет. Наверно, девушкам не понравился запах. Всё же пиво — не духи “Красная Москва”... “Облизывал...”. Ну и что же? Облизывая ведь никому ничего не испортить...

— Вы все так думаете? — строго спросила Ольга Емельяновна.

— Нет, не все, — твёрдо сказал обычно тихий Еркебек. — Не все, Ольга Емельяновна. Если среди “облизанных” была бы, допустим, моя девушка, я бы посмотрел, в каком состоянии ушёл Симамбеков. А вот суждение Советбека — самое бесстыдное! И наглое. Я думаю, их надо обсудить на комсомольском собрании и наказать.

— Зачем из-за них на всё училище шум поднимать? — урезонил Жамалбай. — Надо обоих строго предупредить, а Симамбекова снять со старосты группы, как недостойного.

Воцарилась тишина.

— Ну как, согласимся с предложением Оразымбетова? — спросила Ольга Емельяновна. — Значит, согласны... А кого хотите избрать старостой?

— Может, Саги Кираева? — быстро высунулся баянист Ульмес.

— Э-э, дружка своего опять!.. — несколько брезгливо воспротивился Отеп. — Учебный класс — это тебе не танцплощадка “пионерская”. Там будете танцевать, Бог даст, в следующем году...

— Давайте к делу, — Ольга Емельяновна заранее загасила зажигающийся огонь возможной полемики. — Кого ещё предлагаете?

Из задних рядов раздался тихий девичий голос:

— Мне можно?

— А... а, Серкебаева... пожалуйста.

— Я предлагаю Бекболатова...

Не знаю, как другие, но было видно, что куратор была удивлена.

— Он же резерв... ещё не студент, как же так...

— Тем не менее я тоже предлагаю Бекболатова, — выскочил “малыш” Молдабай. — Он — отличник!

К моему удивлению, зашумела вся группа: “Бекболатова! Бекболатова!..”.

— Раз так, пусть будет по-вашему, воля ваша. Кто “за” — поднимите руки.

Кажется, все подняли. Кроме меня. Для меня это было полной неожиданностью. Абсолютно неожиданным было и предложение Ахатай Серкебаевой, этой миловидной и очень корректной девушки родом из Таласского

района. Правда, мы с ней после занятий домой возвращались вместе. Сперва шли по Пушкинской до базара, а затем сворачивали на Промышленную до школы Некрасова, вблизи которой был дом её родственников. Таким образом, в темноте часто спотыкаясь по избитому тротуару и проводив её, мы с Аргынбаем переходили по железному мостику речушку и направлялись на нашу Рощинскую, немножко прихватив саму рощу...

7 октября 1955 года

Приехала мать!.. Самый близкий мне на всём белом свете человек. И Кульшат-апке, и Аргынбай, мы все были очень рады её приезду. Привезла она немало всяких продуктов: и мясо, и масло, и курт, и талкан... Оказывается, она на Будённовском базаре продала полторагодовалую нетель, для того чтобы я купил себе приличный костюм и ещё кое-что. “Ты ведь у меня будущий учитель. А учитель должен быть хорошо, культурно одетым”, — говорит она, смеясь. Судя по настроению, со здоровьем у неё, тьфу-тьфу, вроде ничего. Я был этому рад. “Завтра на базар должен приехать наш колхозный грузовик. На нём я и поеду домой, сынок. Шофёр Мухаммед обещал забрать. А ты не беспокойся обо мне. Учись хорошо”, — говорила мама. “Возможно, к празднику на денёк приеду домой”, — пообещал я.

15 октября 1955 года

Неплохой староста выйдет, кажется, из меня. Уже организовал несколько кружков. Многие записались в танцевальный, руководителем избрали Саги Кираева. Квартет домбристов организовал Отеп Бексеитов, с тем чтобы после некоторой подготовки слиться в домбровый оркестр училища. Драматический кружок возглавил я сам. Думаем поставить одноактную комедию Касыма Аманжолова “Свадьба Досыма”. Досыма, наверно, придётся играть мне. А героиню кто же? Может, Ахатай?..

В училище, оказывается, есть многоголосый замечательный сводный хор, которым руководит Роберт Антонович Майер. Он и подобрал некоторых из нас, в их числе и меня, для своего коллектива, который ежегодно занимал первое место в городском смотре художественной самодельности.

Теперь с помощью Ольги Емельяновны хотим наладить связь с спортобществом “Буревестник” и определиться по секциям: кто в бокс, кто на борьбу и т. д.

Наш новоиспечённый редактор Жамалбай выпустил первый номер стенгазеты “Жас* педагог”.

Дела пошли!..

5 ноября 1955 года

Пишу эти строки в каком-то непонятном, незнакомом доселе состоянии души. Что со мной творится? Сам не пойму. Неужели это?.. Неужели то священное чувство, как много пишут, как много говорят, не минующее никого, постучалось и в моё сердце? Так быстро и неожиданно нагоняя волнение и грусть томную? Или просто это обманчивое мгновение, не глубинное чувство, а только лишь плывущий, заблудший мираж?.. Как бы там ни было, точно что-то стряслось у меня на недавнем вечере...

*Жас (каз.) — молодой.

В небольшом зале училища, битком набитом студентами и преподавателями, шёл сводный концерт, посвящённый Октябрьскому празднику. Каждый курс хотел изумить мастерством своих певцов и музыкантов... Вот вышли на сцену одетые в одинаково длинные, разноцветные платья две девушки — казашка и, кажется, русская. Вслед за ними Роберт Антонович со своим аккордеоном. И начали:

*В тихом городе своём
По-соседству мы живём.
Наши окна друг на друга
Смотрят вечером и днём.*

*Рядом наших два крыльца,
Два зелёных дерева.
По-соседству бьются рядом
Наши жаркие сердца...*

В этой простой, несколько даже по-детски наивной русской песне было что-то необыкновенное, притягательное. Может, дело в задушевной мелодии? Но я её слышал и раньше. Может, в пении, в голосах этих девушек? Но и прежние пели ничуть не хуже, возможно, даже лучше. Тогда в чём же секрет? С этими вопросами я напряжённо вглядывался в смугловатое лицо девушки-казашки: открытые карие глаза, прямой нос, резко очерченные тонкие губы, свободно опущенные длинные косы... О, Боже, этот облик мне так знаком, так близок, будто я всю жизнь вижу его, хотя её саму впервые заметил только сейчас! Кто же она? Я даже не знаю её имени. Почему она, ничуть не подозревая того, вызвала в душе моей такую бурю?.. Это что? Любовь с первого взгляда, о которой пишется в романах? А вообще-то на самом деле бывает такая вот любовь?..

— Асанбай, что-то ты сегодня сам не свой, — заметил Аргынбай, когда мы дома после ужина приступили к домашнему заданию.

— Да-а что-то нездоровится. — Я впервые сказал другу неправду... Долго не смог уснуть. Перед взором постоянно маячила ОНА...

10 ноября 1955 года

Мы с Аргынбаем впервые присутствовали на таком большом славном празднике. С самого раннего утра 7 ноября наш тихий город Джамбул гремел от звуков духового оркестра. Торжественные марши сразу подняли настроение. Со всех сторон города народ устремился к Пушкинской, где был обком партии. Со стороны вокзала по улице Сталина двигался бесконечный людской поток. По Коммунистической, минуя каменистую возвышенность Атшабара, колонны спустились на улицу Абая. А узкая Пушкинская, мне казалось, вот-вот лопнет от напора масс. Бесчисленные красные флаги, алые транспаранты, лозунги со словами “Да здравствует 38-я годовщина Великого Октября!”, “Да здравствует советский народ!”, “Да здравствует Советская Армия-победительница!”, “Да здравствует великое учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина!”... пламенели над колоннами.

Нашу колонну возглавили недавно назначенный директором Достай Есельбаев, завуч Пётр Алексеевич Пак, преподаватели Жакыпбай Касымбеков, Зинаида Фёдоровна Изаак, Аким Садыкбеков, Ольга Емельянова Писарева. И мы все строевым шагом прошли мимо серого здания обкома. С балкона второго этажа махали нам руками какие-то солидные люди.

— Во-он видишь мужчину, что в самой середине, в сером макинтоше и шляпе, это первый секретарь, то есть самый главный начальник области Артыгалиев. — шепнул мне рядом шедший Еркебек...

Со стороны трибуны донёлся тонкий женский голос, даже несколько с надрывом, произносящий здравицу...

После демонстрации мы с Аргынбаем поспешили в аул. На попутном грузовичке-полуторке до Будённовки, затем пешком, уже к вечеру были дома. Мать очень обрадовалась моему приезду и сразу начала готовить ужин. Запахавшись, прибежала Акжаркын.

— Завтра в Будённовском клубе будут показывать новое кино “Поэма о любви”, о Козы-Корпеш и Баян-сулу! — затараторила она, еле отдышавшись. — Давайте ходим, а?..

Я кивнул утвердительно.

Возле клуба встретила Мариям. Мне показалось, что она за эти месяцы немножко повзрослела и похорошела. Лёгкий румянец и ямочки на щеках украшали её!..

— Асанбай-ага, я поздравляю вас с праздником и поступлением! — улыбаясь, подала ручки. Кажется, в общении стала свободней, чем раньше. Может, причиной тому была внутренняя радость от нашей встречи?..

В зале я сел между Мариям и Акжаркын. Начался сеанс. Содержание фильма мне было хорошо знакомо по одноимённому народному эпосу, который я ещё в детстве по вечерам при керосиновой лампе вслух читал для собравшихся в нашем доме аксакалов. Многие части знал наизусть. А сам фильм вместе с Аргынбаем и Кульшат-апке недавно смотрели в городском кинотеатре “Октябрь”. Поэтому он у меня не вызвал особых волнений. Но зато... вдруг, когда Кюдар скрытно сзади кинжалом наносит смертельный удар Козы-Корпешу, Мариям тихо всхлипнула. Я осторожно покосился в её сторону. Одна слезинка медленно текла по её лицу... “Какая она чувствительная”, — подумал я...

Вышли из кино в подавленном, печальном состоянии. И тут Акжаркын сказала:

— Вы здесь пока прогуляйтесь, а я быстренько схожу к Гульнар, заберу у неё свою книжку...

Возле клуба была маленькая аллея, мы стали молча прохаживаться по ней. Тишину нарушила Мариям.

— Ага, скажите, кто ваш любимый герой?

— А... а, любимый герой?.. — вопрос был неожиданный... — Белый Клык.

— А кто это? Чья-то кличка, что ли? — Мариям резко повернулась ко мне. Свет луны прямо падал на её лицо.

— Это — пёс. Полусобака, полуволок.

— О-хо!.. Полуволок — любимый герой!.. — Мариям так рассмеялась, что мне показалось, что тихая, мягкая ночь заполнилась тоненьким, чистым серебристым звоном. Что за чудо — девичий смех! С чем сравнить его? Нет, несравнимо!.. Я до сих пор, оказывается, не обращал никакого внимания на эту красоту...

— Да, это так. Есть интереснейшая повесть Джека Лондона “Белый Клык”, и главным героем является тот самый пёс.

— Чем он так понравился вам?

— Он точно различает и оценивает добро и зло, не хуже, чем иные люди.

— Вот оно как... — задумчиво произнесла Мариям. — Значит, вы неравнодушны ко всякому проявлению добра и зла. Так ли?

— Ты угадала, Марияшка... — я не знаю, почему впервые так её назвал.

— А не думаете ли вы, что всякая доброта зиждется на любви? — Мариям несколько запнулась и тихо продолжила: — Любви, ну... в широком, что ли, смысле...

— Ты умница, Марияшка... Теперь ты скажи, пожалуйста, откуда у тебя такие обширные понятия о любви?

— Мы же только недавно проходили пушкинского “Евгения Онегина”. Пришлось много думать и о любви, да к тому же, а-а, ладно... Я писала сочинение на тему “Образ Татьяны”. А вы полностью прочитали этот прекрасный роман?

— Несколько раз.

— Хо-ро-шо... А вы... вы не осуждаете Татьяну?

— За что?

— За то, что она первой написала письмо Онегину и призналась в любви.

— Зачем... Сердце-то одинаковое и у девушки, и у парня.

— Правильно... А то некоторые наши мальчишки смеются — Татьяна такая-сякая...

— Это неправильно.

— Спасибо... А можно... можно мне иногда вам писать? — очень уж робко спросила она.

— Можно, конечно... — ответил я, но в тот же миг в голове зашумел рой вопросов: “Зачем?... О чём она будет писать мне? Что же на уме, вернее, в сердце у этой милашки?..”.

От плена этих мыслей освободил меня приход Акжаркын. Мы с ней проводили Мариям до её дома. При прощании она подала мне руки. Ладони были очень тёплыми...

Когда мы с Акжаркын шли в Карасу, всю дорогу меня сопровождала ОНА и пела со своей подружкой:

В тихом городе своём

По-соседству мы живём...

Я мысленно был уже в нашем тихом городе...

5 декабря 1955 года

Сегодня — День Советской Конституции. Праздник подарил нам радость. У Аргынбая в областной газете “Сталиндик жол” напечатано стихотворение “Письмо с целины”. Это его первая публикация. Мы все от души поздравили нашего молодого поэта.

— Не знаю, как ты... А я думаю, что спустя много лет буду хвастаться, что рос вместе с тобой, учился и жил в хибарке на Рощинской, и мы делились куском хлеба! — шутил я. Может, и всерьёз так получится. Судьба-то тайна великая...

Вечером в училище состоялся праздничный концерт. Мы в хоре пели сперва патриотическую песню Мукана Тулебаева о Родине, затем шуточную чешскую.

*Шла девица по лесочку,
За малинкой шла,
За малинкой шла.
О-хо!.. О-хо!..
За малинкой шла...*

Прекрасно получилось, кажется. Гремели аплодисменты. Особенно были довольны преподаватели во главе с директором Есельбаевым. Искренне радовался и сам хормейстер Роберт Антонович. Не напрасно потел он на репетициях.

После концерта начались танцы. Среди девушек стояла и ОНА. Её звали Салимой. Это я узнал случайно, недавно на перерыве одна девушка окликнула её этим именем.

Когда Роберт Антонович начал играть на пианино, что стояло на сцене, вальс Штрауса, кажется, “Голубой Дунай”, я подошёл к ней. Спасибо Саги, благодаря ему я уже умел сносно танцевать.

— Салима, можно вас?..

Она несколько удивлённо посмотрела на меня, но всё же подала руку.

— Меня зовут Асанбаем, — представился я, когда уже начали танцевать.

— А я вас знаю. Вы же староста ускоренной группы, — сказала она спокойно. — Я тоже староста, второго курса четырёхгодичного отделения.

— О-о, выходит, что мы с вами коллеги! — воскликнул я.

— Да, как в “Кубанских казаках”.

— В смысле?.. Не совсем понимаю.

— Помните, там двое председателей колхозов — мужчина и женщина?

— Ах, да!.. Как же, помню... Но там они влюбляются друг в друга...

— Ну и что же... В жизни и так бывает... И довольно часто... кажется...

И кружились мы, кружились... Порой так сближались, что я чувствовал её дыхание. Какое гибкое, упругое тело!.. У меня будто появились крылья, и я парю вместе с ней где-то в небесах...

В конце вечера Роберт Антонович объявил:

— Дамский вальс! Девушки могут пригласить парней...

Салима, улыбаясь, подошла ко мне...

Я проводил её до угла улиц Сталина и Учбулакской, где было общежитие училища.

... Наверное, этот вечер — самый счастливый в моей жизни!..

11 января 1956 года

Кончилась зимняя сессия. Все четыре экзамена сдал на “отлично”. Сегодня вышел приказ директора о зачислении меня в студенты, да ещё со стипендией. Прощай, “резерв”! Первой меня поздравила красавица-секретарь Раиса Ереськина, затем и вся группа.

— Ты всё же доказал, на что способен. Молодец! — обрадовался не меньше меня самого Аргынбай...

С завтрашнего дня — десятидневные каникулы. Поедем в аул, домой. А потом — двухнедельная педпрактика. Будем проходить её в школе имени Макаренко, которая находится в пригородном селе Турксиб, где с семьёй живёт двоюродная сестра Аргынбая Ботагоз. Решили, что будем жить у них. Уже известно — я буду учить детей параллельных классов,

первый и третий. Тяжело будет, наверно. Но с трудностями встречаюсь впервые, что ли? Осилю и в этот раз!..

Сегодня... сегодня вечером и Салима отправится поездом домой к себе, в поселок Шиганак, что на Балхаше. Договорились встретиться с ней в восемь вечера на вокзале. Буду провожать. Грустно как-то... После нашего знакомства мы очень сблизились. Каждый день встречались в самом училище, нередко ходили в кино и на танцы. А танцевальные вечера проходили кроме нашего то в культпросветучилище, то в медучилище... И везде вдвоём. Кажется, появились слухи: вот, мол, любовная парочка... Хотя про любовь ни она, ни я не обмолвились ни словом. Ни разу. Между нами установились какие-то ещё непонятные самим отношения. Дружеские или...

И вот целых десять дней расставания... Целая вечность!.. Как проживу?! Ну ничего, дома дел много. Придётся поработать по домашнему хозяйству. И тогда время незаметно пройдёт... А если не без содействия Акжаркын встретится Мариям?.. Я два раза получал от неё письма. Писала она о своей учёбе, интересовалась, как я провожу свободное время... Времени у меня в обрез. Через день с самого раннего утра — хлебная очередь, иногда на четвёртом километре сбор угля, занятия, участие в кружках, занятия боксом, прогулки с Салимой... Да ещё читальный зал Пушкинской библиотеки... Даже писать дневник некогда... Только недавно, накануне Нового года, отправил Мариям поздравительную открытку. Получила ли она?

О-о, уже половина седьмого. Скорее на вокзал!..

5 марта 1956 года

Сегодня — день смерти Сталина. Ровно три года тому назад скончался великий вождь советского народа... Может быть, об этом я не вспомнил бы, если бы не один случай...

В самом начале занятий, к моему удивлению, меня вызвал директор училища.

— Улица Суворова знаешь где? — ни с того ни с сего спросил Есельбаев.

— Ну, знаю... Она не очень далеко отсюда.

— Хорошо что знаешь. Суворова, 19. Это наш дом. Сходишь туда, и супруга даст тебе одну красную брошюру. Возьмёшь её и принесёшь прямо ко мне. Только смотри, никому не показывай и не потеряй. Это особо секретный документ. Понял меня?

— Понял.

— Ну и хорошо. Ступай тогда...

Эта брошюра с номером, состоящим из множества цифр, оказывается, есть доклад Хрущёва на закрытом заседании XX съезда партии. О преодолении последствий культа личности Сталина. Что такое “культ личности”? Что-то впервые слышу такое, хотя мы, комсомольцы, неплохо изучали материалы съезда. Стал на ходу жадно вчитываться. О, Боже!.. Это же вторые, моральные похороны Сталина! Диктатор, деспот, руки по локти в крови... Репрессии крупных государственных, ни в чём не повинных деятелей, военачальников и простых людей. “Мы не знали, вернёмся ли вечером домой или нет. Все дрожали от страха...”

Что же это такое?.. Его же при жизни боготворили все, от стариков до мальчишек! Даже мы, дети, как научились говорить, так стали называть

его не иначе, как “Сталин-ата”. Любили его! С его именем отождествляли всё хорошее на свете. Миллионы воинов, в их числе мой отец и старший брат, наверняка погибли с его именем на устах: “За Родину, за Сталина!”... И он — кровопийца, тиран?!

Так почему же терпели его и не молвили хоть полслова против? А где же был этот новый вождь Хрущёв? Перед моим мысленным взором встал этот лысый толстяк. Противный какой!.. Даже его внешний вид, после импозантного Сталина, сразу же не нравился мне. Тут вспомнилась короткая речь Сталина на XVIII съезде, прочитанная мною из его томов, где он говорил, что не хотел выступать, но товарищ Хрущёв почти насильно вытащил его на трибуну. Несчастный подхалим!..

Или... или всё же были те вопиющие преступления? Или Хрущёв, чтобы возвеличить себя, решил очернить, оклеветать Сталина? Учитывая, что мёртвые никак не могут заступиться за себя. Не напрасно же наша поговорка гласит: “Живая мышь сильнее мёртвого льва”...

В моём сознании шла не борьба, а настоящая война. И сломались какие-то, казавшиеся ранее вечными, устои. В таком состоянии доплёлся до училища, зашёл к директору...

... В перерыве между уроками встретилась Салима и, видимо, заметила, что я не в духе.

— Что с тобой, Асанбай, бледный какой-то?

— Немножко приболел, что ли...

— Жаль... Сегодня у моей одной подружки вечеринка. День рождения, и 8 Марта на носу. Я ей сказала, что со мной будешь и ты.

— Прости, Салима... Тебе придётся идти без меня. А в праздник обязательно вместе будем.

— Ну, выздоравливай скорей..

На самом деле я себя очень скверно чувствовал..

Даже эту запись делаю с трудом. Голова кругом идёт.. Как там Салима на вечеринке? С кем рядом сидит?.. Поёт, наверное. Прекрасный у неё голос. Как она недавно в общегитии на день рождения своей сокурсницы изумительно пела новейшую песню Бекена Жамакаева “Вальс любви”! И она заставила даже меня, сидящего рядом, петь вместе с ней. Получился, кажется, неплохой дуэт, поскольку все дружно хлопали с возгласами. Салима... дорогая... Обо мне думаешь ли ты сейчас?

17 августа 1956 года

Здравствуй, мой верный друг дневник! Долго мы с тобой не беседовали, поскольку в последний приезд домой нечаянно оставил тебя. Забыл просто. Извини...

Ну вот, наконец, я дома. Самое главное — мать жива и здорова. А с заготовкой сена для коровы, топки займусь с завтрашнего дня.

Дни... Как быстро они летели в последнее время. После летней сессии и коротких каникул всех студентов училища отправили на работу в два целинных совхоза Луговского района. А там распределили по отделениям хозяйств. К счастью, наша группа и курс Салимы оказались вместе, в самом отдалённом четвёртом отделении. На безбрежных хлебных полях кипела уборочная страда. Девушки занялись зерноочисткой, а парни — зернопогрузкой. Кое-кого назначили прицепщиками, точнее, помощниками трактористов на вспашке зяби. Я стал дневным напарником Виктора

Насовца, такого тихого, с очень мягким характером парня с Украины. Жили в палатках, которые составляли целую улицу. Неплохо кормили. И что интересно — здесь, оказывается, платят, не как в “Пионере”. Управляющий Кошевой, человек среднего возраста, постоянно носящий офицерскую форму, но только без погон, каждую пятитдневку вручал нам заработанные деньги. “Интересное” не кончилось этим. Почти каждый вечер приезжие откуда-то шофёры — какие-то разношёрстные мужчины — после выпивки активно дрались между собой. Но такое дело нас мало интересовало. Мы каждый вечер собирались на площадке возле конторы и под аккомпанемент Саги и Ольмеса танцевали. Мы с Салимой стали неразлучными. Или я приглашаю её, или она меня...

Так проходили дни и ночи, наполненные радостью и... и надеждой.

... И вот настал последний вечер нашего пребывания в этом пробуждённом, благодатном крае. Вечер был необыкновенным. У всех приподнятое настроение. Особенно девушки в красивых платьях пленили глаз... На сей раз было очень много песен. Как будто вся степь пела вместе с нами. Танцы тоже были торжественными, энергичными. В конце очередного вальса я сказал Салиме:

— А что если прогуляемся по берегу пруда?

— Да, пожалуй...

Взявшись под руки, мы отделились от палаточного городка. Еле заметная тропинка вела прямо к пруду. Низкорослые камыши, пожухлое разнотравье смотрелись не так, как днём. Как поднялись на невысокий бугорок, заблестело зеркало пруда. Гладкое, чистое. Остановились близ берега. Отражение полной луны, оказывается, прочертило прямую линию поперёк пруда.

— Салима, видишь вот этот мост?

— Да, вижу. Золотой мост!..

— А что если пройдемся по этому золотому мосту?

— Куда? Куда он нас ведёт?

— В будущее.

— А каково оно, это будущее?

— Оно лучистое, как твои глаза, ясное, как это небо.

— Так думаешь? — она с необычной нежностью смотрела на меня.

— Уверен!..

Она обеими руками обхватила мою шею.

— Давай сядем где-нибудь... Ноги устали, — с этими словами села, не отпуская меня. Усаживаясь, я безудержно стал целовать её. Она всем телом прижалась ко мне... Обуреваемые пламенными чувствами, не заметили, как стал открываться самый блаженный мир, мир любви...

— ... Асанбай, помнишь песню Риты из индийского фильма “Бродяга”? — спросила Салима, уже сидя и пальцами расчёсывая мои волосы.

— Вроде помню... А что?

— Там Рита поёт: “Алеет восток, а ты всё далёк...”.

— Ну и что же?

— А ты посмотри, уже алеет восток.

Мы дружно засмеялись. Встали и тихо пошли, обнявшись.

— Асанбай, ты меня любишь?..

— Больше чем жизнь!

— А ещё кого любишь?

— Ну, конечно, мать.
— А отца?
— Его почти не помню...
— Почему?
— Он погиб на фронте.
— А братьев и сестёр?
— Нету их. Старший брат тоже не вернулся с войны. А остальные умерли в малолетнем возрасте.

— Значит, вы...
— Да, мы остались с матерью вдвоём.
— Вон оно что...
Воцарилась молчание. Вдруг она живо спросила:
— У вас же есть, кажется, родственник — большой начальник.
— Кто же так говорит? — удивился я.
— Да наши девчата. Ты, кажется, частенько приезжаешь в училище на шикарной машине. Однажды я сама видела...

Тут я взорвался от смеха.
— Это же Кенес, наш сосед, шофёр секретаря обкома! Иногда меня попутно подвозит...

Салима почему-то не смеялась. Наоборот, даже несколько загрустила. Может, от усталости?..

Уже подходили к её палатке. Кругом глухая тишина. Мы долго целовались...

... Вчера утром мы все на трёх грузовиках с песней отправились в Джамбул... Вечером на вокзале я проводил Салиму в Шиганак.

— До скорой встречи, любимая!
— До свидания, любимый!..

2 сентября 1956 года

Начался последний курс нашей учёбы в педучилище. Начался он для меня удручающе...

Позавчера, приехав из аула, поспешно собрался идти в общежитие, к Салиме.

— А-а, понимаю, понимаю трепет любящего сердца! — смеялся Аргынбай.

— Я очень рад, что понимаешь дружеским сердцем! — отшутился я...

Дверь комнаты открыла Салима. Кроме неё никого не было. Судя по не разобранным сумкам, она тоже приехала только недавно.

— Здравствуй, милая!.. — хотел сразу крепко обнять её, но она протянула только руку.

— Здравствуй, Асанбай, — тихо, довольно прохладно ответила она.

— Что с тобой, Салима? — настороженно спросил я. — Что-то случилось?

— Да нет, ничего...

— Тогда ни черта не понимаю!..

— Нам надо было с самого начала друг друга не понимать.

— Ты убиваешь меня, Салима!..

— А ты не убивайся... Можешь сесть на стул.

Сама села на кровать.

— Мы решили... решили, что...

— Кто “мы”?
— Я сама, да и родители. Решили, что надо прекратить наши с тобой отношения...
— Как так?.. Почему же?
— Потому что так надо.
— Разве это возможно?! Я же тебя люблю!
— Я тоже... вернее, любила...
— Ну, душа моя, как же можно разлюбить любимого?!
— Не уговаривай напрасно, Асанбай. Ты же у меня... э...э, ты же гордый. Не унижайся даже передо мной. Это тебе не к лицу.
Эти слова меня разоружили.
— Давай, Асанбай, останемся хорошими друзьями? Что было между нами, то было. Не вычеркнешь из памяти.
— Грош цена памяти, если всё вычеркнуто, вытравлено из сердца!.. Прощай, Салима! — не выдержал я и быстро встал.
— А-а, ты не обижайся...
Эти её слова я услышал уже за дверью.
У меня появилось ощущение, будто я с небес безудержно падаю в тёмную бездну, в чёрную дыру... И сейчас тоже продолжаю падать. Падаю, падаю...

На этом кончились записи в дневнике. Читая их, я не только вновь пережил всё, что видел и слышал в те далёкие уже времена более чем полувековой давности, но и снова остро ощутил дыхание минувших лет и, самое главное, биение пламенного, чистого, как солнечный луч, сердца моего Асанбая...

Как попала мне эта объёмистая тетрадь, хранящая искреннюю исповедь дорогого друга?

Студенты педучилища (справа налево) Аргынбай Бекбосын и Жамалбай Оразымбетов. 1957 год.

наш корпус входит высокий, крепкий, красивый моряк в парадной форме старшины. Асанбай! Не было предела радости. И мы полдня беспрерывно проговорили.

— ... Служил я на атомной подлодке. Трудно было, конечно. Особенно мне — врождённому степняку... Самое тяжёлое время — это карибский

После окончания педучилища все разъехались кто куда. Я в Алма-Ату, в КазГУ, на филфак. А Асанбай отправился учительствовать в отдалённый Коктерекский район, как он выразился, в “мойынкумские саванны”. Но ему там, к сожалению, долго работать не пришлось. Вскоре после кончины матери его забрали на службу в Северный флот. И наша связь оборвалась. Встретились мы только спустя лет пять. Я тогда уже работал в Чимкенте, собственным корреспондентом Казрадио. Однажды весной в

кризис. Лежали на дне моря, недалеко от Кубы и самой Америки, ежеминутно ожидая начала советско-американской атомной, возможно, и третьей мировой войны. У всех нервное напряжение было на пределе... Но, слава Богу, обошлось... Вот демобилизовался. Правда, не совсем, — улыбаясь, закончил Асанбай свой “доклад”.

— Что означает “не совсем”? — поинтересовался я. — Кто же будет учительствовать?

— Покойная мама мечтала, чтобы я был учителем! Видимо, не суждено сбыться её мечте... Меня зачислили на высшие курсы спецотряда КГБ. Четыре года учёбы где-то под Москвой. Дальше что будет — не знаю. Секрет...

— Вот это да-а... А как с созданием семьи, ведь об этом тоже мечтала покойная мать?..

— Помнишь Мариям из Будённовки, которую мы с тобой шутя называли “девятиклассницей”?

— Ну помню, конечно.

— Вот на ней и женюсь. И очень скоро. Она заканчивает ЖенПИ. Я как раз от неё, из Алма-Аты. Очень любит она меня!.. Я тоже...

— А Салима? — после этого вопроса, как я заметил, по лицу Асанбая пробежала какая-то тень. Он ответил уже совсем другим, грустным голосом.

— Ты знаешь, она — моя первая любовь... Казалось, что и она любила меня... Но до сих пор не понимаю, почему она отвергла мои чувства... Видимо, и это тоже судьба...

— Ну тогда выбрось её из сердца... Мариям — отличная девчонка. Будьте счастливы!

— Спасибо... Через месяц дадут отпуск. Приеду и сыграем свадьбу. Заранее приглашаю... А потом с Мариям снова в Москву. Семейным курортникам дадут, говорят, общежитие.

— Ну и прекрасно...

Вечером в Ташкентском аэропорту проводил Асанбая в Москву. Перед прощанием он, будто вспомнив что-то, быстро вынул из сумки толстую тетрадь и передал мне.

— Ох, чуть не забыл! Это тебе на вечное хранение. Тут наши следы, оставленные в родном Карасу и на улицах Пушкинской да Рошинской. Бери и береги. Может, когда-нибудь пригодится. Ты же у нас человек бумажный, — широко смеялся Асанбай, обнаруживая ровный ряд белоснежных зубов...

... Откуда тогда нам было знать, что мы видимся в последний раз. Последний раз в этом мире брэнном...

Я на свадьбу Асанбая и Мариям никак не смог приехать. В день свадьбы был вынужден делать репортаж о весеннем севе в хозяйствах Фёдоровского района Кустанайской области, аж на границе с Россией.

В последующие несколько лет изредка обменивались письмами. Асанбай сообщил, что Мариям работает учительницей в Химках, под Москвой, что у них появился сыночек по имени Аскар, с чем я поздравил их телеграммой... Со временем у нас связь оборвалась, судьба меня тоже забрасывала в разные места... И спустя много лет, будучи в ауле, услышал трагическую весть: Асанбай погиб где-то за рубежом, находясь в секретной служебной командировке. А Мариям с сыном переехали в Алма-Ату,

точного адреса никто толком не знал... Горе по смерти друга поразило меня до глубины души, от которого долго не мог прийти в себя...

В девяностом году, будучи в Москве на последнем съезде Союза журналистов СССР, попытался узнать, где, когда и как погиб мой Асанбай. Пришлось открывать много дверей в сумрачном здании центрального аппарата КГБ, что на Дзержинской площади, пока не услышал от одного майора лаконичный ответ:

— Майор Бекболатов погиб при исполнении правительственного задания.

— Когда, где?.. На родине или в Конго, Анголе, на Кубе, во Вьетнаме, в Афганистане?.. Где покоится его прах?

— Это — государственная тайна, которая разглашению не подлежит..

— Неужели нельзя положить горсть родной земли на его могилу?

— Нельзя...

По сей день глубоко сожалею, что во время нашей последней встречи я нечаянно ранил сердце Асанбая, спросив его о Салиме... Кстати...

Верно говорят, что мир тесен. Кажется, в двухтысячном году я приехал из Астаны в Караганду, по случаю юбилея газеты "Орталык Казахстан". Как-то зашёл в магазин, что рядом с гостиницей. Хожу по залу. И вдруг слышу знакомый женский голос. Оглядываюсь. Элегантно одетая дама громко разговаривает с продавщицей. Осторожно подхожу. О, Аллах!.. Эта пожилая, но моложаво выглядящая женщина ни кто иная, как Салима!..

— Здравствуйте, Салима, — тихо произнёс я.

Она резко повернулась ко мне и пристально всмотрелась.

— Вы... вы... Аргынбай, что ли?

— Да, тот самый.

— О, сколько лет, сколько зим!

— Да, годы летели, и мы вместе с ними... Или... или вы остались в тех годах молодых? — спросил я, шутя.

— Какая уж там молодость! — махнула она рукой.

Руки были в чёрных сетчатых перчатках.

— А-а Асанбай не простился с молодостью. Вы помните Асанбая?

Она несколько замешкалась с ответом, будто мои слова ошеломили её.

— А-а, того парня... Асанбая, конечно, помню. Сам знаешь, вы ведь были друзьями, у нас с ним была, ну, детская забава, вроде любви...

— Ах, вы так считаете?! — вырвалось у меня.

— Да, конечно. Настоящая любовь пришла ко мне вместе с суженым моим... О, он — прекрасный человек! Долгие годы работал главным банкиром района, затем пошёл на повышение. Переехали мы в самую Караганду, построили двухэтажный коттедж со всеми удобствами. Трое сыновей тоже имеют свои коттеджи, джипы, занимаются бизнесом... Слава Богу, не жалею на свою судьбу... Да, кстати, супруг на улице ждёт меня, давайте я вас познакомлю, будете гостем.

— Да нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз...

Я довольно холодно простился с ней.

"Детская забава... коттеджи... джипы... тьфу!..". Мне стало больно за Асанбая. "Как ты любил всем жаром своего благородного сердца, как ты днём и ночью лелеял мечту, связывая всё своё будущее с этим чучелом!.. Я же чувствовал все течения твоей души, знал, в каком ты состоянии. Ведь мы были неразлучными, словно тени друг друга..."

... Недавно ко мне домой явился один незнакомый пожилой человек. Представился. Он, оказывается, двоюродный брат Мариям, и сообщил мне нежданно-негаданно радостную весть: Мариям с сыном Аскарком, снохой и двумя внуками живут на границе с Китаем, где-то за Усть-Каменогорском. Аскар — пограничник, подполковник. И они через пару месяцев собираются приехать в родные края, с тем чтобы построить памятный курган на могиле матери Асанбая и совершить мусульманский ритуал с жертвоприношением.

— Мариям передала вам привет и просила, чтобы вы в то время далеко не уезжали...

Эта весть глубоко затронула мою душу. На глазах появились слёзы, слёзы радости. Возникло такое ощущение, что мой Асанбай воскрес.

— Ты, дорогой Асанбай, оказывается, жив! Живой!.. Спасибо тебе, Мариям, за то что ты сохранила Асанбая через его потомство!..

... На следующий день после обеда отправился в родной аул, что в полустах километрах от Тараза. Весна уже брала бразды правления в свои руки. Степь зеленела новой, но ещё не набравшей силу, невысокой порослью. Полноводный Талас бурлил в своём тесном русле. Зеркало озера Карасу тоже намного расширилось. На берегах только верхушками желтели прошлогодние камыши, которые остались под водой. А на плоском холме сонливо глядели безмолвные старые и новые курганы — родовое кладбище. Туда и направился я. Здесь покоятся наши предки, отцы и матери, родственники. И после чтения молитвы, которую я посвятил их духам, долго стоял на берегу. Чёрные тучи будто штормами стали накрывать небо. Там, над барханной полосой Мойынкумов, занимающей полгоризонта, слабо блеснули молнии, хотя грома не было слышно. С запада, со стороны Туймекента, дул тёплый ветер, щедро напоённый запахом полыни. Зеркало Карасу забрезжило. Постепенно, с усилением ветра, появились волны, зарождались пенистые бугры. И они линейно, колонна за колонной, сперва мягко, затем сильнее и сильнее начали с шумом ударяться о берег. Ударялись и... умирали. "Как верно приметил великий Абай, — думал я. — Передние волны — старшие, последующие — младшие, и все умерщвляются, уходят в небытие... Остаётся лишь этот вечный мир. Вечный ли?..".

**19 февраля — 21 марта 2010 г.
г. Тараз.**

Владимир ГУНДАРЁВ

Почётный гражданин моего сердца

Как это ни прискорбно, но только за два минувших десятилетия я лишился многих друзей, ушедших, что называется, в мир иной. Вообще-то мудрецы утверждают, что друзей много не бывает. Однако много или мало — понятия относительные. Иметь одновременно 7-8 надёжных и верных друзей среди десятков приятелей и добрых знакомых — это действительно мало, ведь в данную когорту входят отборные, самые близкие и дорогие тебе люди. Но если, к примеру, на протяжении лишь одного десятилетия ты их потерял столько же, то это, безусловно, много. Поскольку с невозвратной потерей только одного из них, занимавшего значительное место в твоей жизни, уходит и часть тебя самого. Думая об этом, я написал стихи, в которых есть такие строки:

*Так мало на земле осталось их —
Друзей непритязательных моих,
Мне давших больше, чем давал им я,
В сравненьи с ними что есть жизнь моя!
Я многих в путь последний проводил,
Не пряча слёз у дорогих могил.
И с каждой утратой всё трудней
Брести по косогору тусклых дней
(А кто проводит в мир иной меня,
Угасший отсвет в памяти храня?)
Для всех, кого я в жизни потерял,
Есть скорбный и святой мемориал —
Друзья в моей душе погребены,
Ушедшие, они мне так нужны!
По зову моему порой во сне
Приходят — бескорыстные — ко мне
Утешить, подбодрить, предостеречь,
Я тщуся постичь невнятную их речь,
Но только неразборчивы слова —
Так шелестит на тополях листва...*

Ну и так далее.

Эти строки возникли в феврале нынешнего года. И мог ли я предположить, что всего через три месяца в скорбном мемориале моей души появится ещё одно дорогое мне имя — Владимира Шестерикова? Так ли уж велик был его земной срок? Всего-то 71 год... Разве это возраст? Можно ли было назвать Володю стариком? — вопреки хроническим хворям и терзавшим его недугам он был стойким и терпеливым, полным надежд, творческих замыслов и высоких устремлений, с неиссякавшим потенциалом. Но судьба неумолима и безжалостна...

Пишу об этом с горечью и неутолимой печалью. С того рокового майского дня 26 мая, когда перестало биться сердце Владимира Георгиевича, пролетел не один месяц, а я всё не могу свыкнуться с жестокой реальностью,

что Володи нет на этом свете, что он больше не позвонит мне по телефону, не спросит неторопливым, глуховатым, негромким и мягким голосом: “Ну что, Романыч, как дела?”, и я уже никогда не встречу с ним в Петропавловске в его уютной квартире среди книжных стеллажей, где, благодаря стараниям гостеприимной, заботливой и чуткой Нины Тихоновны я каждый раз, навещая в милый моему сердцу город (ведь там Володя), чувствовал себя как дома в притягательной атмосфере задушевности, единомыслия, очаровательной простоты, искреннего доброжелательства и хлебосольства.

Теперь о нашем тесном общении, проверенной временем дружбе приходится лишь вспоминать...

А познакомились мы (сначала заочно) почти сорок лет назад. В октябре 1970 года меня пригласили на работу литературным консультантом в Целиноградское межобластное отделение Союза писателей Казахстана (в него входили Кокчетавская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Целиноградская и Тургайская области. Последняя — только что созданная).

Принялся я знакомиться с литературным активом, молодыми (и не очень) поэтами и прозаиками огромного целинного региона, узнал, что в Петропавловске в редакции областной газеты “Ленинское знамя” работает талантливый поэт Владимир Шестериков, привечающий способных стихотворцев и прозаиков, после тщательного отбора публикующий их произведения на специальной странице “Литература и искусство”. Я написал ему, предложив сотрудничество в целях поддержки и пестования молодых дарований на благо отечественной словесности. Шестериков сразу же откликнулся. Завязалась оживлённая переписка. В частности, через него я познакомился с творчеством Альфреда Пряникова, Юрия Полякова, Владимира Щукина (а потом и с ними лично), впоследствии они достойно проявили свою самобытность на поэтическом поприще, получили известность, стали авторами хороших книг. Увы, о них тоже приходится говорить в прошедшем времени.

Первая наша встреча с Владимиром Шестериковым произошла в апреле 1971 года в Алма-Ате на очередном съезде Союза писателей Казахстана. Тогда мы ещё не были членами СП и получили приглашение на съезд как молодые литераторы. Нас сблизил не только любовь к поэзии и стремление проявить себя в ней. Почувствовалось взаимопритяжение из-за определённого сходства характеров, мировосприятия, жизненных принципов и убеждений. Хотя он был старше меня на пять лет, но в молодости разница в возрасте не ощущалась, мы вели себя как ровесники, тут же перешли на “ты”, навсегда стали друг для друга “Володями”. Многие привлекало меня в нём. С детства отягощённый тяжёлым физическим увечьем, Шестериков не комплексовал по поводу своего маленького роста и других недостатков, мужественно, стойчески переносил связанные с этим неудобства, не стал мизантропом, не впадал в хандру, а был доброжелателен, открыт, любил добрую шутку. Я увидел в нём симпатичную и разносторонне одарённую личность, добрую, чистую и трепетную лирическую душу. Понравились мне и стихи Шестерикова — энергичные, жизнеутверждающие, наполненные светом, ликованием ярких красок, насыщенные пряными запахами степного раздолья, пронизанные сыновней любовью к родной приишимской стороне и её славным людям. Эти стихи

вошли впоследствии в его поэтические сборники “Костры земли”, “Острова в степи”, “Катер на Ишиме”, изданные в Алма-Ате в семидесятые годы.

В общем, зародившаяся дружба с течением времени окрепла, прочно вошла в наши судьбы. И хотя мы виделись не так часто, как хотелось бы, но нашу родственную, поистине братскую незримую связь мы чувствовали и на расстоянии.

Точно не помню, но мне кажется, что в члены Союза писателей СССР Владимир Шестериков был принят раньше меня. И вполне закономерно — вышедших книг, в которых так чётко проявились его поэтическая индивидуальность и мастерство, у него на то время было больше. Володя очень гордился тем, что одну из рекомендаций для вступления в СП ему написал классик русской советской литературы Иван Шухов, чьё творчество наряду с Михаилом Шолоховым было тепло отмечено ещё Максимом Горьким.

Кстати, Иван Петрович, приезжая в Петропавловск, чтобы навестить свою родную Пресновку, тяготился официальными приёмами у руководства области и при всяком удобном случае старался повидаться с Шестериковым, к которому испытывал дружескую привязанность, по-простецки пообщаться с ним, доверительно покалякать, а то и прямо настаивал, чтобы в попутчики ему определили младшего собрата по перу, то есть Володю. Как было отказать знаменитому писателю?

После кончины Ивана Петровича Шухова своеобразную эстафету от отца принял его сын Илья Иванович, взявший за правило: появился в Петропавловске — надо непременно встретиться с Шестериковым. Так было и в августе 2006 года, когда в Северо-Казахстанской области проводились торжества, посвящённые столетию со дня рождения выдающегося писателя-земляка. Я тоже был в числе приглашённых на эти празднества. Когда мы увиделись с Ильёй Ивановичем, он сразу же сказал: “Хотя юбилейная программа насыщенная и напряжённая, но обязательно нужно найти Шестерикова. Мой отец его очень уважал”. Я ответил, что Володю мы увидим в областной библиотеке на одном из запланированных мероприятий, а вернувшись из Пресновки, пригласим его в гостиницу, другой возможности для общения у нас не будет.

Так мы и поступили. Втроём славно поговорили, отвели душу. Оказалось, что это была последняя встреча Ильи Шухова и Володи Шестерикова. После этого Илья Иванович в Петропавловск не приезжал...

Что касается наших личных дружеских и творческих отношений с Владимиром Георгиевичем, то наиболее тесными и плодотворными они стали со второй половины 1990 года, когда я постепенно стал реализовывать сумасбродную идею издания в Целинограде регионального литературного журнала “Нива”, первоначально рассчитанного на области Северного и Центрального Казахстана. Опереться в этом рискованном деле я мог только на друзей-единомышленников в областных центрах — людей творчески значимых и авторитетных в обществе. В Петропавловске таким человеком для меня был только Шестериков. Я обратился к нему с предложением стать членом редколлегии создаваемого журнала от Северо-Казахстанской области. Володя горячо поддержал этот, говоря современным языком, проект и стал для меня надёжным и незаменимым помощником в отборе материалов авторов-земляков для публикации в “Ниве”, в пропаганде и популяризации нового издания среди читателей.

Уже в первом номере журнала, вышедшем 17 апреля 1991 года, появились стихи самого В. Шестерикова, а также рекомендованные им произведения А. Пряникова, Ю. Полякова, В. Щукина, В. Милькова. Он же посоветовал один из разделов первого номера посвятить великому казахскому поэту Магжану Жумабаеву, чьё творчество в тот период только начинало возвращаться народу, и предложил поместить статью писателя Хамзы Абдуллина “Свеча в ураганной ночи”, рассказывающую о трагической судьбе Магжана, стихи, посвящённые репрессированному поэту, и новые переводы творений “казахского Пушкина” — как называли некоторое время жившего и работавшего в Москве М. Жумабаева общавшиеся с ним русские поэты.

Так сложилось, что за 20 лет состав редколлегии “Нивы” (позже преобразованный в редакционный совет) по разным причинам менялся, в конце концов из первого списка остался только В. Шестериков, который все эти годы регулярно представлял на страницах журнала разножанровые произведения своих земляков, в том числе и свои высокохудожественные стихи, переводы, статьи и очерки, не забывая при этом и о повседневной работе по пропаганде и поддержке “Нивы”.

Став несколько лет назад главным редактором созданного по его инициативе областного литературного журнала “Провинция”, оставаясь при этом сотрудником газеты “Северный Казахстан”, в редакции которой он трудился почти полвека, Владимир Георгиевич по-прежнему добросовестно исполнял общественные обязанности члена редсовета “Нивы”.

И выкраивал сокровенные минуты, чтобы излить душу в стихах. Людвигу ван Бетховену принадлежит блестящее высказывание: “Для человека с талантом и любовью к труду не существует преград”. Думается, эти слова вполне можно отнести к Владимиру Шестерикову и даже поставить эпиграфом к его жизни, которая вся была бескорыстным и беззаветным служением избранному делу, служением Слову.

Его гражданская позиция, помыслы и чаянья, благородные чувства и переживания воплотились в крепкие, ладные и душевные строки поэтических книг “позднего Шестерикова” — “Благодарю за всё, что было” и “Мгновения”. Кстати, о последнем сборнике восторженно отозвалась в “Ниве” (№ 5 за 2008 год) кандидат филологических наук Гюльнар Муканова в рецензии “Волшебное слово поэта”. Приведу лишь одну характерную цитату, показывающую отношение автора к творчеству любимого поэта-земляка: “Шестериков — неповторим, а качество это дорогого стоит. Не расплескав свой дар, он остаётся эталоном вдумчивого литератора, словом, если у молодых дарований есть желание учиться — бегом в библиотеку, прочесть, понять и — принять”.

На книгу “Мгновения” и в целом на творчество В. Шестерикова откликнулась из Москвы известный критик Руслана Ляшева (кажется, родом она из Северо-Казахстанской области) размышлениями “Евразийские мотивы степняков” (“Нива” № 9 за 2009 год). Раскрывая глубинную суть творческого кредо автора “Мгновений”, Р. Ляшева делает закономерный вывод: “Русский поэт Владимир Шестериков принимает в свою душу общее наследие степняков и славян; он, я полагаю, совершенно прав. Помните, Александр Блок восклицал: “Да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами...””.

Современный поэт вторит ему и развивает тему единения народов Евразии дальше!” — заключает критик.

И я от всего сердца порадовался за своего друга, удостоившегося такой лестной оценки...

Отзывчивость и душевная щедрость, добросердечие и трогательная забота Владимира Шестерикова по отношению ко мне не знали границ. В Петропавловске я бывал по разным поводам: по приглашениям на официальные мероприятия (в этих случаях едва-едва удавалось пообщаться с Володиёв в непринуждённой обстановке), в командировках по делам “Нивы” — и мой друг деятельно организовывал встречи с читателями и нашими постоянными авторами в библиотеках, знакомил с потенциальными авторами у себя в редакционном кабинете, при этом любил угостить ароматным, собственноручно, по особым рецептам заваренным чаем с травами. А когда я ездил в родную сибирскую деревеньку с пересадкой в Петропавловске, иной раз останавливаясь там на сутки, чтобы совместить приятное с полезным, то Володя забирал меня к себе домой, и мы отдавали благословенное время, по выражению Антуана де Сент-Экзюпери, “роскоши человеческого общения”. Случалось, что я ехал не один, а со своими близкими, и все находили добрый приют и внимание в приветливой шестериковской квартире. Можно сказать, что дружили мы семьями. Владимир Георгиевич и Нина Тихоновна тоже бывали у нас в Астане. К сожалению, в отличие от меня, всего однажды...

Владимира Шестерикова — известного в республике поэта, публициста, переводчика и журналиста — без преувеличения можно назвать певцом родного края. Признание он получил как талантливый поэт, автор многих сборников стихов, воспевающих казахстанскую хлебную степь, милые сердцу неоглядные приишимские просторы, красоту окружающей природы, самоотверженных тружеников благодатной земли. Шестериков был и ревностным краеведом-исследователем, написав множество глубоких очерков о славных людях родного края и его истории, о деятелях культуры, образования, здравоохранения, о примечательных человеческих судьбах. Тем самым одарённый писатель и журналист преданно служил делу патриотического, духовного и нравственного воспитания, укреплению межнационального согласия в нашем общем доме — Республике Казахстан.

Весомы его достижения и в сфере художественного перевода. В частности, он переложил на русский язык многие творения классика казахской литературы Магжана Жумабаева, опубликованные в различных книгах и журналах, а также произведения своих братьев по перу — Муталлапа Кангожина, Бахыта Мустафина и других.

Неоценим вклад В. Шестерикова в подготовку и воспитание молодой литературной смены, он вышестовал и дал доброе напутствие многим способным поэтам и прозаикам. Как настоящий наставник, он был доброжелательным и в то же время требовательным, принципиальным, не прощав облегчённого подхода к творчеству, являя собой пример безукоризненной работы над словом.

Тюркский философ Али Апшерони сделал такой вывод: “Мудрость дороже золота, но честность, справедливость и достоинство важнее всякой мудрости”. Прочитав этот афоризм, я тут же подумал: “А ведь это сказано и о Володе Шестерикове — человеке безусловно умудрённом, но

честность, справедливость, порядочность и достоинство были определяющими чертами его натуры”.

Восьмого мая этого года Володя позвонил мне, сообщил, что ему ненадолго пришлось лечь в больницу, немного подлечиться. Я подбодрил его, сказав, что сам только полмесяца назад прошёл курс лечения. А десятого мая уже я позвонил ему, поздравил с днём рождения, пожелал скорейшего выздоровления и новых успехов в осуществлении творческих замыслов. Как я потом узнал, спустя десяток дней он выписался из больницы. Чувствовал себя нормально. А потом случилось непоправимое...

В пятом номере “Нивы” за прошлый год была опубликована большая подборка новых произведений Владимира Шестерикова, приуроченная к его 70-летию юбилею. В этом цикле программным, выражающим суть личности поэта, можно считать стихотворение “Прощёное воскресенье”. В нём есть такие мудрые пророческие строки:

*Прощаю всех.
И сам прошу прощенья
У тех, кого за что-то не любил,
За все обиды, ссоры и сомненья,
Чему виной я сам,
 быть может, был.
Нам всем,
 для мира и добра рождённым,
Воистину бы надо понимать,
Как хорошо,
 как важно быть прощённым,
Просить прощенья
 и уметь прощать!*

Это — не поза. Это — позиция. И далеко не каждый способен на такой поступок.

Кстати, о юбилее Владимира Шестерикова. Я был уверен, что его 70-летие в области, для которой он столько сделал, будет достойно отмечено. И был огорчён и расстроен, выяснив, что неоспоримые заслуги Владимира Георгиевича по существу не получили должной оценки. Хотя мне было известно, что директор издательства “Северный Казахстан” Иван Иванович Моор предпринимал усилия, чтобы В. Шестериков был удостоен звания “Заслуженный деятель культуры РК”. Со своей стороны, я заблаговременно направил в областную администрацию письмо, в котором ходатайствовал о присвоении В. Г. Шестерикову звания “Почётный гражданин Северо-Казахстанской области”.

Но всему вопреки имя Владимира Шестерикова будет жить в памяти благодарных читателей и почитателей его лучезарного таланта, будут жить его книги с жизнерадостным мироощущением, светлыми помыслами, полные неизбывной пронзительной любви к родной земле.

А я объявляю Владимира Шестерикова почётным гражданином моего сердца.

Резо МАХАТАДЗЕ

Новые грузинские сказки для взрослых

Перевод с грузинского Майи БИРЮКОВОЙ

Про Хрюшку

1

В одной деревне жил умелый, трудолюбивый крестьянин Петре. Долгие годы неутомимо трудился, построил хороший, крепкий дом и обиходил приусадебный участок — разбил великолепный сад и плодоносный виноградник. На подворье его водились только породистые быки, коровы и свиньи, и доход от них шёл в общую копилку семьи. Шутка ли — вырастить и воспитать пятерых детей! Детям тоже всегда находилось дело: кто ходил за быками и коровами — пас, косил траву, кто приглядывал за овцами. Самому младшему был поручен уход за большой свиноматкой.

Мальчик вставал на заре, умывался студёной водой, забегал на кухню перекусить, выводил из хлева свою подопечную, гнал её по просёлкам на луг и привязывал там к дереву на берегу ручья. Хрюшка приникала к прохладной, струящейся из леса воде, долго утоляла жажду и обращала наконец взгляд на зеленеющую свежую траву. Хруп... хруп... хруп — разносилось по всей округе.

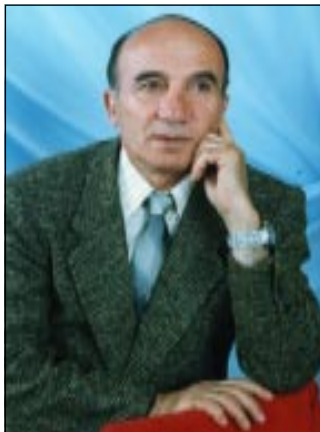
Когда солнце припекало слишком сильно, свиношка шлёпалась в обширную лужу неподалёку от ручья, нежилась и ворочалась в ней и, вывалявшись в грязи, ложилась на брюхо, опускала рыло на передние ноги и в истоме зажмуривалась.

Реваз Юстинович МАХАТАДЗЕ

родился в с. Варцихе Багдадского района Грузии. После окончания Грузинского сельхозинститута был направлен в Казахстан. Пять лет проработал на Карагандинском винзаводе “Самтреста” виноделом, начальником цеха, главным виноделом. Потом продолжил трудовую деятельность на родине.

Вторично свою судьбу он связал с Казахстаном в 1994 году и по сей день живёт и трудится в Караганде — городе своей молодости.

В 2001 г. принял гражданство Республики Казахстан. Р. Махатадзе является учредителем и председателем об-

ластного общественного объединения “Грузинский общественный культурный центр “Иверия”. Член Союза журналистов РК. С юных лет занимается литературным творчеством. Его перу принадлежат романы “Мутная река”, “На волнах жизни”, “Соприкосновение духов”, “Игра крови”, “Охота на “белую ворону”, “Час расплаты”. Эти произведения всесторонне освещают жизнь двух народов. Естественно,

и главные герои этих романов — грузины и казахи.

В 2009 г. “Нива” опубликовала роман Р. Махатадзе “Охота на “белую ворону”, тепло встреченный читателями.

Вечеру мальчик, Матэ, пригонял наевшуюся до отвала свинью обратно в деревню, загонял в хлев, засыпал в корыто корм, преимущественно кукурузу. Тотчас раздавался хруст сухим зерном, а мальчик похлопывал свою питомицу по загривку, почёсывал ей спинку, и та блаженно потягивалась и похрюкивала.

Тихое солнечное осеннее утро. Не шевелится ни единый лист на деревьях. Свинюшка пасётся на берегу речки, пощипывает травку, роет пятачком землю вокруг дерева. Ещё не погасли, ещё переливаются капли росы на листве и траве.

— Здорово! — перебил хрюшкино блаженство пронзительный тонкий голос. За возгласом последовало тяжёлое дыхание. Видимо, пришелец нёсся сюда со всех ног.

Свинюшка задрала, насколько позволял толстый загривок, пятачок, от удивления вытаращила глазки и заморгала светлыми ресницами. Перед ней стоял некто низкорослый, чёрный, как уголь, покачивающийся на тонких ногах. Ничего подобного ей никогда не приходилось видеть. С обеих сторон пасти пришельца свисали длинные, как кинжалы, клыки. Над узким лбом белел густой пучок седой щетины. Одно, короткое, ухо было, будто наострившись, вздёрнуто кверху, а другое казалось наполовину отсечённым. Кто-то, видимо, его отъел.

“Что за урод? Боров или кто другой?” — изумлялась хрюшка.

— Что это ты меня так удивлённо оглядываешь? — любопытствовал пришелец.

— Не узнаю. Кто ты такой?

— Я твой собрат, из такой же, как и ты, породы. Между нами единственная разница — ты домашняя, а я дикий. Раньше, наверно, и ты была такая же невзрачная, как я. Люди, как я погляжу, очень тебя украсили. Ты такая чистенькая, привлекательная. Вот что значит забота.

— Да, это так! Я об этом слышала, — прохрюкала свинюшка. — На участь свою не жалеюсь.

— Но почему ты так усиленно роешь землю? Что ты в ней ищешь? — испытующе оглядел пришелец жирную хрюшку. — Ты что же, так голодна?

— Разве я похожа на голодную?! — обиженно воскликнула свинюшка. — Ты же видишь, я еле уместаюсь в шкуре. Но все мы, из нашего рода-племени, не можем не рыться в земле. Потому-то наш пятачок и называется рылом, и рыть нас принуждает то, что называется геном. Нынче утром мой хозяин насыпал мне в корыто целый котелок отрубей, большую плоскую жёлтых зёрен кукурузы, чтоб я не обломала клыки о твёрдую кочерыжку, — объяснила она, в глубине души подумав: “Вот сам ты, наверно, голодный!”. Дикарь и вправду позавидовал привольному житью хрюшки, но виду не подал, подобрался поближе к ней, потрепал узким рылом её резиновый ошейник, прошёлся взглядом по длинной цепи и заужасался:

— Ой-ой-ой! Бедная ты, бедняжка! Ошейник чуть не впивается в твою толстую шею. Вон как натёр кожу! Да-а, разве стоит менять вольную волю на сытость?

— Что ж! Такова моя участь, — спокойно отвечала ему Хрюшка.

— Ну и ответ! Ты стала такой покорной? Но ведь когда-то и ты была свободной, как сейчас я. А нынче люди всю пользуются тобой. Иф... иф... иф... как вкусно... и ты с этим смирилась. Они тебя эксплуатируют!

Хрюшка устремила на него взгляд своих разноцветных глаз, не в силах скрыть удивления от незнакомого слова “эксплуатируют”.

— Что это значит? — спросила она с неподдельным любопытством.

— Вот видишь, у тебя ослабла смекалка и притупился разум, — высокомерно воскликнул пришелец. — Это значит, что тебя используют, как рабу. Такими ты, по указке хозяина, растишь и своих поросят. А он выгодно продаёт их и, выходит, за твой счёт богатеет. Твоих деток забивают для разных торжеств и жарят из них шашлык. Будто ты не знаешь, как люди любят наше мясо.

— Как не знать! Знаю! Кто же будет даром ухаживать за тобой, поить-кормить, защищать, холить и лелеять, если от тебя не будет какой-нибудь пользы.

— Но всему тому, что ты перечислила, я предпочитаю свободу. Если поставить на чаши весов твоё привольное житьё и мою вольность, то вольность перетянет. Подумай сама, разве не так?

Они перевели дух и молча устремили взгляд друг другу в глаза, будто стараясь извлечь из них какую-то тайну.

Первым вышел из оцепенения дикарь. Он снова потрепал рылом кольцо на шее свиньи, и та подумала, что пришелец шутит. Но, видя, что тот не унимается, воскликнула:

— Что ты делаешь?

— Хочу сорвать с тебя это кольцо!

— Но почему? Для чего?

— Чтоб освободить тебя из рабства!

— И что же будет со мной потом?

— Как что? Пойдём со мной в лес, и живи вольно, как я!

— Да что ты?! — возмутилась свинюшка и рылом оттолкнула от себя пришельца. — Проваливай отсюда! Не притворяйся, что жалеешь меня и заботишься обо мне! Ты, пройдоха, позавидовал моему привольному житью!

До них донёсся приближающийся лай собаки. Вдали показался охотник с перекинутым через плечо ружьём. Он напевал веселую песенку и поспешал к дубовому лесу.

При виде этого зрелища дикий кабан от страха прямо-таки подпрыгнул на месте. “Убьёт, пустит в меня пулю, если только заметит! Скорей бежать подальше от опасности!”.

Бросившись к лесу, он оглянулся назад:

— Борись, борись за свободу! Слаще её нет ничего на свете!

— Такой свободе, — отозвалась ему Хрюшка, — сопутствует постоянный страх и голод. Так что лучше уж жить на привязи, — и продолжила рыть землю вокруг себя.

2

— Детка, Матэ! Будь осторожен с Хрюшкой, не постёгивай её сильно, когда погоняешь. Видишь, как у неё отвисло брюхо. Кабы не выкинула она поросят прежде времени, — в очередной раз напугивала мама своего сыночка, когда он выгонял свинюшку из хлева.

Эти слова напомнили Хрюшке вчерашние призывы дикого кабанчика, и она расчувствовалась до того, что из глаз её брызнули слёзы. Так, печальная, она и пустилась в путь вместе с Матэ. Её тяжёлое брюхо чуть не касалось земли. Мальчик вёл её не торопясь, то и дело ласково похлопывая, поглаживая и почёсывая по спинке. Первый раз цепь, на которой вёл её Матэ, показалась ей тяжёлой, а кольцо ошейника тесным. Ничего подобного прежде она не чувствовала.

Матэ заметил вдруг, как из глаз Хрюшки струятся слёзы.

— Что с тобой, голубушка? Отчего ты плачешь?

— Я слышала, как тебя утром напутствовала матушка, — грустно прохрюкала свинюшка.

— Но ведь она, — изумился мальчик, — беспокоилась о тебе, и ты должна радоваться этому.

— Чему тут радоваться? Твои матушка и батюшка не обо мне заботятся, а о своих делах. Как только моим поросётам исполнится по два месяца, они заберут их у меня и продадут. Ты же знаешь, так они поступают каждый год.

Мальчик не отвечал, а Хрюшка между тем продолжала:

— Вот они построили дом, а в нём немалая моя доля. За цемент и другие стройматериалы они расплачивались моими детками. Многим ещё я им помогаю. Не стоит и перечислять.

“В самом деле”, — согласился в душе с нею мальчик и отдался своим думам.

Так и шли они по тропинке, печальные и молчаливые.

Матэ рано лёг спать, но почти всю ночь не мог сомкнуть глаз, метался и ворочался в постели. Ему не давала покоя мысль о том, как подольше задержать поросят у Хрюшки, ведь ей так тяжело будет расставаться с ними. Из разговоров родителей он знал, что сосед уже сторговался с ними о ещё не родившихся поросётах и обещал дать за них хорошую цену. Через два месяца он собирался сыграть свадьбу сына.

Долгие раздумья всё же принесли свои плоды: Матэ придумал выход и с нетерпением ждал рассвета, чтобы поделиться своим планом с Хрюшкой.

Он поднялся с постели ещё до зари, когда всё вокруг было окроплено свежей росой. Под тонкими лучиками едва восходящего солнца росинки на траве и листьях деревьев блистали особенно ярко. Матэ вывел за ошейник Хрюшку из хлева, и его отец вылил ей в корыто целый котёл подготовленного корма.

— Сынок! Видишь как наша Хрюшка раздалась вширь. Через недельку, наверно, народятся поросёта. Будь с ней поосторожней, последи, чтоб никто её не обидел, — повторил он вчерашние слова матушки Матэ.

Хрюшка оторвалась от поила, напрягла слух, заморгала длинными светлыми ресницами, и глазки её опять наполнились слезами. Она устремила их на Матэ, потому что возлагала надежду лишь на то, что он вчера ей обещал что-нибудь придумать, чтоб задержать при ней поросят.

Не забыл ли он это? Придумал что-то или нет?

Они вышли за ворота скотного двора и пустились в привычный путь. Как всегда, их проводила лаем дворовая собака.

Мальчик уже знал, отчего из глаз Хрюшки льются слёзы, и поспешил успокоить её, рассказать о задуманном.

— Вот что я надумал, — присел он на камень и прислонил к нему кнут и топорик.

Свинюшка хрюкнула, опустилась брюхом на траву, вытянула вперёд передние ноги, оперлась о них челюстями и наострила уши.

Рядом с ней пристроилась собака и тоже обратилась в слух.

— Ты помнишь, где кончается луг и начинается дубняк?

— Как не помнить?! Ведь оттуда твой батюшка приносит мне много желудей! — обрадовалась свинюшка.

— Так вот... Я устрою тебе там берлогу и спрячу там. А сам вернусь домой и скажу, что ты сорвалась с цепи и потерялась.

— Ой! И сколько времени я буду прятаться? — напугалась Хрюшка.

— Пока твои поросята не вырастут и не заживут самостоятельной жизнью.

— А потом?

— Потом я будто бы долго буду тебя искать и найду. Идёт?!

Хрюшка вспомнила, как за ней заботливо ухаживают дома. Перед взором её встал вчерашний тощий дикий пришелец.

— Вроде хорошо... но... — застряли у неё в горле слова.

— Но?.. Что но?!

— Как я там выдержу? Погибну, наверно, с голоду?

— С голоду, говоришь? — расхохотался мальчик. — Неужто свинюшка в лесу пропадёт? Живут ведь там дикие кабаны и не гибнут с голоду. Одних жёлузей там сколько! А яблок, груш! А вьющихся по земле плодов!

— Да, ты прав! Но я боюсь не только голода, а ещё волков и шакалов. Ночью, знаешь, как там страшно! Я, если даже в хлеву услышу вой вышедших из леса волков или протяжный крик шакалов, так вся обливаю...

Тут вскочила с места и бросилась к Хрюшке собака:

— Не бойся, Хрюшка, волков, я буду ночами тебя стеречь!

Мальчик Матэ как бы в поощрение погладил пса по голове и потрепал по шее.

Все, радостные оттого, что замысел Матэ удастся, поднялись и продолжили свой путь.

Вечером, на закате, Матэ по обыкновению отправился за Хрюшкой. Он был готов сегодня же привести задуманное в исполнение. И когда вернулся домой с запозданием и один, без Хрюшки, его батюшку с матушкой как молнией поразило — что могло произойти с привязанной на цепь свиньей? Неужели её увёл какой-то злодей? Или она сама сорвалась с цепи?! Устроила себе где-нибудь берлогу и мечет там поросят?

Петре, даже не поужинав, перекинул через плечо ружьё, ринулся на поиски, обшарил весь берег ручья, перетряс все кусты. Но Хрюшку найти не смог и вернулся домой ни с чем.

Мальчик Матэ, тем временем притворившись, что спит, следил за тем, что делала его престарелая, суеверная бабушка: она взяла щипцы, просушила в них нож, крепко обвязала своим платком, перекрестилась и забормотала:

— Господи! Услышь мою молитву! Свяжи вот так пасти волков и шакалов, чтоб они не обидели нашу Хрюшку!

Она три раза подряд осенила себя крестным знаменем и три раза повторила свою мольбу.

Петре всю ночь ворочался в постели, охал, стонал, матушка Матэ его утешала:

— Спи! Утро вечера мудренее, и всё будет хорошо. Ты что, забыл, как семь лет тому назад наша тогдашняя свиноматка опоросилась в кукурузном поле? И явилась домой с двенадцатью детками?

— Да услышит нас Господь Бог! Знаешь ведь, сколько дел нам надобно переделать за вырученные от поросят денежки — обновить крышу над винным погребом, заменить побившуюся черепицу нержавеющей жстью, купить нашему Матэ обещанный велосипед, он ведь так нам помогает.

Матэ, затаясь, прислушивался к разговору родителей, и кое-что из их слов ему удавалось улавливать. При упоминании велосипеда его прямо-таки передёрнуло. Он представил себя несущимся на нём по шоссе-ной дороге и даже протёр глаза. Вот уже целый год он ждёт обещанного отцом. У многих его сверстников велосипед уже есть, и ему так его хочется!

Но вдруг вспомнилось ему, как же это: оторвать деток от Хрюшки, а самому раскатывать на велосипеде?!

Нет, так нельзя!

Он этого не допустит!

И, приняв неукоснительное решение, он вскоре уснул.

Давеча, когда Матэ завёл Хрюшку в лес, он снял у неё с шеи кольцо и сказал:

— Вот, Хрюшка! Ты свободна. Наслаждайся заботой о своих поросятах! — а кольцо с прикованной к нему цепью спрятал в кустах.

Хрюшка, оставшись одна, издала глубокий вздох. Легко ли свыкнуться с одиночеством? Она огляделась вокруг: да-а, прекрасный уголок подыскал ей Матэ. Через густые заросли колючего кустарника даже птице не пролететь! Под стволом дуба мягкая подстилка из зелёных веток с широкими листьями и из душистого сена. Стоит высунуться из берлоги, как видишь россыпи жёлудей. Ешь сколько хочешь, никто не помешает. Хватит до глубокой осени, был бы аппетит! У самых кустов она нашарила под огромными листьями тыкву и с удовольствием и интересом двинулась дальше. Неподалёку протекал небольшой быстрый поток, и она жадно припала к воде. По вкусу определила, что это и есть всеми хвалёная лесная речка. Её ведь привязывали на берегу этой речки, на зелёном лужочке в версте отсюда вниз по течению.

В первую же ночь её разбудил близкий волчий вой. Она вся так и затряслась от страха. Что будет, если голодный волк продерётся сюда?

Но в ответ на волчий вой раздался громкий, долгий собачий лай.

“Это же наша собака”, — сразу узнала его Хрюшка. Обещала стеречь и не забыла. Молодец!

Тем временем крестьянин Петре поужинал со своей семьёй, вынес миску с остатками еды за дверь и свистнул собаку:

— Мгелиа! Мгелиа! Где ты, волчья сыть?

Пса ещё щенком ему подарили табунщики. Хвалили за породистость, злость и сообразительность. Предки его всегда надёжно оберегали табун.

Хвалили, оказалось, недаром. Щенок вымахал огромный, здоровенный, чуткий. На совесть стерёг и дом, и подворье. Петре назвал его Мгелией — волчонком.

Мгелиа выбрался из конуры, потянулся, отряхнулся и затрусил к хозяину. С удовольствием подлетел к миске с едой. Наевшись, оторвался и устремил благодарный взгляд на кормильца. Тот ласково потрепал его по загривку:

— Чего-то, Мгелиа, в последнее время ты по ночам не лаешь. Уж не ослабил ли бдительность?

Пёс, не отрывая от хозяина многозначительного взора, завилял длинным выгнутым хвостом, будто уверял его в своей благонадёжности.

Вернувшись в дом, Петре поделился своими сомнениями с женой. Та, подумав, предположила:

— Уж не изменяют ли ему слух или зрение? Годы ведь идут!

— Да нет, вроде бы ещё рано, — наморщил Петре лоб, — я вот что думаю: с тех пор как пропала наша свинья, пёс по ночам исчезает со двора. Только я его вечером накормлю, как он куда-то сматывается. Надо будет ночью проследить за ним, заглянуть в конуру. Давеча утром, на заре, я заприметил его у лаза в заборе, — как бы что-то вспомнив, воздел Петре вверх указательный палец, — Здесь что-то не то!

Притихший у очага Матэ прямо замер, он-то знал, куда по ночам отлучается бесстрашная кавказская овчарка Мгелиа.

3

Хрюшка опоросилась двенадцатью чудными поросятами.

Между тем листья на ветках, которыми устлал мальчик Матэ её берлогу, завяли, усохли и уже совсем не удерживали тепла. И в свалывшееся сено невозможно было с некоторых пор зарыться. Так что ей пришлось потрудиться, приволоочь рылом с опушки леса свежее сено и обложить им поросёток, чтоб они не замёрзли.

Да-а, дома об этом всегда заботился хозяин. И еды давал вдоволь. Три раза в день приносил полный до краёв котёл с вкусными варёными отрубями. Каша всегда была тёплая, чтоб прибывало больше молочка для деток. Мало того, насыпал ещё большой лоток жёлтых, блестящих кукурузных зёрен.

Поросятки тыкались рыльцами в брюхо Хрюшке, повисали на нём, как пиявки, и, посапывая, сосали молочко. Сама же она похрюкивала от удовольствия, следя за тем, как детки отрываются от неё и тут же крепко засыпают.

Частенько вспоминала она то счастливое время!

Сейчас жизнь потекла совсем по-другому, обо всём нужно заботиться ей самой. Не подкрутишься, не потрудишься и... с голодухи конец и ей, и её малым поросётам.

Теперь по утрам, поднявшись пораньше, она отправлялась на поиски жёлудей. Но разве хватит им зимой одних только жёлудей? Приходилось искать ещё и лесной бурачок, и другие дички. Прежде она делала это для развлечения, а теперь чтобы утолить голод. От постоянного рытья земли её мягкий и нежный прежде пяточок потрескался и кровоточил.

Но дни шли за днями. Хрюшка отошала и как-то обвисла. Молока становилось всё меньше. И всё больше ею овладевали уныние и беспокойство.

Хрюшкины поросятки росли в нужде и лишениях. Но вот им стукнуло два месяца, и они нагуляли-таки больше, чем по полпуда. Хорошо бы их пожарить, говорят при виде таких крестьяне.

Хрюшка радовалась за подрастающих деток и была глубоко благодарна мальчику. Когда бы не он, поросенок, наверно, уже не было бы в живых, ими уже лакомились бы на чьей-нибудь свадьбе.

Кончился первый месяц зимы. Заметно похолодало.

Это утро выдалось особенно студёным.

Поросята, пробудясь, облепили свою матушку. И вчера, и позавчера им не удалось насытиться, — молока становилось всё меньше.

Мама участливо наставляла их:

— Деточки! Вы здорово подросли. Пора вам отучаться от маминого молока и добывать себе еду самостоятельно.

Детки прямо оторопели:

— Но как нам это делать? Как её добывать?

— Это нетрудно! Мы живём в гуще леса. Жёлуди чуть не сыплются нам на голову. Под деревьями полно падающих с них дичков. Вам нужно только немножко пошевелить рыльцами, — просвещала деток свиношюшка.

Поросята радостно захрюкали, загалдели, — это ведь так заманчиво — стать на путь самостоятельной жизни. Но и страшно, — они ведь к этому не привычны и ничего не умеют. Озадаченные, грустно повесили ушки и хвостики и задрали в недоумении пяточки.

— Мне в лесу страшно, — затынул пёстрый поросёночек, — и к тому же у меня чешется рыльце. И болит!

Вслед за ним принялись жаловаться и остальные.

— Ничего, — заботливо урезонивала их Хрюшка, — вот будете рыть землю, и рыльца ваши укрепятся, понемножку вы привыкнете трудиться. И к труду, и к безделью привыкнуть легко. Трудолюбивых называют молодцами, а отлынивающих от работы — лентяями. То, что вам страшно, конечно, понятно. Нужно быть очень осторожными. В лесу ведь мы живём не одни. В нём много хищников — волков, лис, шакалов. Потому, пока вы совсем не вырастаете и не возмужаете, далеко от нашей берложки не отходите, в гущу леса не углубляйтесь, держитесь неподалёку от меня, остерегайтесь зверей.

— А когда подрастём и возмужаем? — полюбопытствовал самый непоседливый.

— Тогда наберётесь силы, окрепнете. У вас прорежутся мощные клыки. А клыки это наше оружие защиты. Клыками можно разорвать даже тигра, а уж волка и шакала — подавно, — укрепляла в детках дух свиношюшка.

— Скорей бы выросли у меня клыки, — приободрился непоседа, — пусть попробуют ко мне сунуться волк да шакал!

Поросятки весело смеялись над хвастунишкой.

Потом потянулись за матушкой из берложки на полянку и, похрюкивая и помахиывая хвостиками, принялись впервые рыть землю и искать под дубом свои первые жёлуди.

Дни неуклонно бежали за днями.

Суровая зима вступала в силу. Пошёл снег. Его было так много, как давно уже не бывало. От его тяжести к земле пригибало даже крепкие ветви деревьев. Некоторые не выдерживали, подламывались, и эхо от треска разносилось по всему дремучему лесу.

Многие из обитателей леса напасли себе на зиму пропитание, но и многим приходилось каждый день добывать его. Волки, гонимые голодом, шастали в поисках добычи по всему лесу и охотились на зайцев и какую ни попадя живность.

Одна большая стая волков как-то за весь день не раздобылась ничем и осталась голодной.

С голодухи поднялась ранним утром, ещё до рассвета.

Старый вожак стаи беспокоился:

— Что, если и сегодня не удастся охота? Перегрём все от бескормицы.

— На деревню налететь, что ли? — предложил один из молодых и отчаянных, но вожак покосился на него с сомнением:

— Опасное дело предлагаешь. Вряд ли из этого что-нибудь выйдет. В непогоду крестьянин не выведет скотину за пределы скотного двора, даже на водопой, а переведёт на домашние корм и пойло. Перемахивать через ограду рискованно, недолго и расстаться с жизнью, — наострил он рваное ухо. — Со мной однажды был такой случай... давно, в молодые годы. Тогда дворовый пёс и изодрал мне это ухо. Мало того, хозяин ещё и облил нас градом пуль из двустволки. Трое из наших там, в загоне, навсегда и остались.

Тут от стаи отделился полный сил, молодой волк, преградил старому путь и окинул взглядом собратьев:

— Зачем, скажите, нам подвергать себя такой опасности?!

Старый взглянул на него с удивлением.

— Вчера, на закате, я напал на след зайца, и тут на меня пахнуло духом не то свиньи, не то кабана. Я прислушался, и ко мне донеслось хрюканье свиньи и поросят, можно даже сказать, подсвинков.

— Да что ты! Правда?! — разом наострила уши вся стая. — Где они? — при воспоминании о вкусной свининке у всех потекли слюни.

— Не обманывать же мне вас! Поблизости от места, где на прошлой неделе мы завалили дикого кабана.

— И ты близко подошёл к ним? — полюбопытствовал старый.

— Подойти подошёл, но не совсем близко. Подкрадывался осторожно, ползком на брюхе, но зацепил сухую ветку, она с треском переломилась, на треск из-под кустов выскочила и залилась лаем огромная овчарка. Хорошо что она не заметила меня, не то мне было бы несдобровать.

— Явно где-то там пристроилась домашняя свинья, — уверенно заметил старый. — И хозяйский пёс её сторожит.

Посоветовавшись, решили дожидаться, когда свинья выведет поросят на поиски жёлудей, подкрасться и улучшить удобную минуту... А до того потерпеть и полязгать зубами.

4

Подросшие поросята понемногу привыкали к дикому лесу.

Как-то Хрюшка со своим выводком с утра отправилась в лес позавтракать, дружно подрывая землю под снегом и выискивая жёлуди.

Зашедший далеко вперёд пёстрый шалун вдруг резко повернул назад, бросился к матери и братцам-сестрицам и захрюкал:

— Ой-ой! Что я сейчас видел неподалёку!

Все оторвались от земли и, наострив ушки, воззрились на братца. Что же такое он увидел и почему так дрожит?

Пёстрый не стал ждать новых вопросов и, помахивая хвостиком, сообщил:

— В нескольких шагах отсюда валяется голова нашего недавнего друга. Только голова...

— Нашего друга? — воскликнула Хрюшка и велела деткам: — Идите за мной!

Гурьбой подошли к месту, где валялась голова. Вокруг неё были раскиданы обглоданные кости. Видно, кабана задрали дней пять-шесть тому назад.

Хрюшка огляделась вокруг себя, подошла поближе, перевернула рылом голову с присохшей кровью, и содрогнулась от ужаса. Как было ей не запомнить наполовину отъеденного уха и белой отметины на самом темени.

Неужто это тот самый кабанчик, который уговаривал её сменить цепь и кольцо на шее на вольное житьё в дремучем лесу?

Тот! Конечно же, тот...

Вот как дорого обошлась мне любовь к свободе и воле! — читалось в оставшихся открытыми глазах погибшего собрата.

Дрожь пробежала по телу испуганной Хрюшки.

Трудолюбивый крестьянин Петре смолоду увлекался охотой. Летом и осенью любил побродить по сжатым нивам, отстреливая перепелов и куропаток. Зимой же, по первопутку, зайцев и дроздов. Пустым, без добычи, домой никогда не возвращался, и на ужин в доме всегда водилась дичь.

Вот и сейчас выдалась подходящая для охоты погода — не морозит, с неба мягко сыплет густым белым снегом. Щедро сыплет, красиво! Разве усидишь в такой денёк дома?

Петре вымел и вычистил хлев, задал скоту корм и принялся готовиться к охоте.

Пёс Мгелиа, видя приготовления, в нетерпении метался по двору, ждал выхода хозяина, рвался в лес.

Петре тщательно перебрал и рассортировал патроны, по одну сторону те, что идут на зайца, по другую — на птицу: утку, дрозда, куропатку.

Подумав, вернулся с порога — решил на всякий случай захватить патроны на волка. Мало ли что — сейчас их много, изголодавшихся, шатаются по лесу.

— Петре! — попросила его жена. — Хорошенько обшарь окрестность. Может, где набредёшь на нашу Хрюшку.

— Да что ты! — усмехнулся Петре. — Сейчас от неё, наверно, и костей не осталось. Ты что же, не слышала, что волки с голодухи забираются даже в деревню, губят скотину в хлевах? Не далее, как вчера, у нашего односельчанина Гоги сожрала корову...

— Слышала, но ты всё равно погляди там, поосмотрись. Попытка не пытка! Домашняя скотина в лесу порою дичает.

Петре заходил всё дальше в глубь дубняка.

Стояла полная тишина, прерываемая разве только перелетающим с одной отягчённой снегом ветки на другую, а то и зарывающимся в сухую густую листву плюща дроздом.

Вдруг бегущий впереди пёс Мгелиа напрягся, наострился, перегорол дорогу хозяину, тыкался лапами ему в колени, поскуливая, заглядывал в лицо, будто хотел на что-то показать или куда-то потащить.

Хозяин поначалу не очень-то обращал на него внимание, полагал, что это просто шалости.

Где было Петре знать, что собака почувала приближение к убежищу пропавшей Хрюшки?

Ещё немного, и они уже протиснулись в него.

Петре был ошеломлён. Осматривался, внимательно вглядывался в каждую мелочь. Вывод был неоспорим: Хрюшка недавно покинула свою берлогу. И наверняка не одна — на снегу множество следов поросят.

Неужели и вправду здесь была она? И верится, и не верится.

Но что это? Неподаляку послышались отчаянный поросячий визг и громкое хрюканье свиньи.

Мгелиа наострил уши, пару раз пролаял и длинной пробежкой ринулся в сторону, откуда доносились звуки.

Петре бегом пустился вслед за собакой.

Выбежали на небольшую полянку.

Боже, какая их взору открылась картина! Стая разъярённых волков несётся за разбегающимися, чуть не проваливающимися в снег уже порядком крупными подсвинками. Два здоровенных волка уже зажимают в пастях трепыхающуюся, визжащую добычу. Три пытаются повалить свинью. Та отбивается, пытается оттолкнуть нападающих рылом. Они не отступают, двое порываются искусать бока, третий вскочил ей на спину и впивается зубами в загривок. На него рывком наскочил, бросил на землю и вонзил зубы в горло Мгелиа.

Пока Петре заряжал ружьё, свинью повалили-таки.

Наконец выстрел прогремел, за ним последовал второй. Эхо сотрясло окрестность, с деревьев посыпался снег.

Два волка повалились навзничь.

Пока Петре перезаряжал двустволку, два других волка, уже тащившие в пастях добычу, бросились спасаться и скрылись в зарослях.

Хрюшка с кровоточившими ранами собралась с силами и поднялась на ноги.

Мгелиа не отпуская распластавшегося на снегу зверя и не отрывая зубов от его пасти.

— Мгелиа! — крикнул Петре и вскинул двустволку.

Пёс обернулся к хозяину и взглянул на него взглядом победителя. Голова волка безжизненно откинулась в сторону. Он более не дышал.

Петре огляделся. Снег на полянке, напоминавшей поле боя, взрытый множеством лап, краснел, пропитываясь кровью. Поодаль друг от друга валялись три разодранных поросёнка. Двух утащили в лес. Семеро живы-невредимы.

Ну, Хрюшка! Молодец! Вырастила целых двенадцать деток, — восхищался в душе Петре.

Снег перестал.

Пустились дорогою к дому. Впереди трусила Хрюшка, за ней тянулись семеро поросят. Шествие замыкали Петре и пёс Мгелиа, получивший боевое крещение.

О лучшей охоте нельзя было и мечтать.

Покусанная волками Хрюшка металась в жару, бредила — ей мерещился недавний бой не на жизнь, а на смерть.

Вызвали ветврача. Целых две недели бедняге делали жаропонижающие уколы.

На дворе трещали морозы. Но Хрюшка блаженствовала в тёплом свиномарнике, на мягкой подстилке из сена. Хозяин три раза в день приносил ей по котлу вкусной горячей еды. Порой она вспоминала недавнюю жизнь в лесу, и её передёргивало. Как могла она поддаться соблазну и отвернуть рыло от беззаботной жизни? Пыталась спасти своих деток от продажи?! И что из этого вышло? Сунулась из огня да в полымя?!

5

Зима заметно теряла силу.

Тёплые весенние лучи ласкали и пробуждали природу, окутывали её мягким зелёным покровом, вытягивали из почвы молодые побеги травы.

Хрюшке снова водворили на шею кольцо с длинной цепью и привязывали к дубу на знакомом местечке пастбища. Она жадно припадала к вкусной и нежной еде и, по обычаю, насытившись, прилегла на солнышке и задремала.

Сквозь сон почувствовала чьё-то тёплое дыхание над самым ухом и слегка размежила глаза. Рядом дремал Мгелиа, её верный страж и защитник.

— Хрюшка! — пробудился и он. — Скажи, какое житьё лучше, вольное и ни от кого не зависимое или привольное, но скованное цепью? — и обратился в слух в ожидании ответа.

И ответ не заставил себя ждать.

— Эх, — вздохнула горестно Хрюшка. — Ты ещё спрашиваешь? Не думаешь ни о жильё, ни о еде. А главное — защищён от врага. О тебе заботится хозяин. Ты же собственными глазами видел, что принесла мне свобода? Но спас меня тот, от кого я когда-то отвернулась.

— Д-да! Эт-то так! — подтвердил лаем Мгелиа. — Все прекрасно знают, что собака это прирученный, одомашненный волк. Если во мне есть что-то хорошее, я должен быть благодарен человеку. Потому я так верно и служу ему. Разве и ты не такой же результат эволюции, как и я?

— Как с тобой не согласишься?!

— Наш хозяин день и ночь неустанно трудится, засучив рукава, чтоб обеспечить всем надобным себя и нас. Но и от нас ждёт отдачи. Как же, если не так? От тебя — поросят, от коровы — молока и телков, от быков — работы в упряжке, от домашней птицы — яиц. У всего своё назначение. Иначе зачем ему было приручать и одомашнивать нас? Меня он содержит и кормит за то, что я стерегу его дом и подворье и оберегаю вас. С этим ты согласна?

— Конечно, Мгелиа! Согласна! — шевельнула в подтверждение ушами Хрюшка.

— Так какая же муха тебя укусила, когда ты убежала в лес?

— Послушалась чужого совета. Господь не сподобил меня различать белое и чёрное, видеть за советом зависть. Но сейчас-то я осознала, что кое-кто позавидовал моему сладкому житью и принудил свернуть с прямого пути.

Этот первый день на лугу Хрюшка и Мгелиа провели вместе.

Хрюшка пощипывала зелёную травку, подрывая землю, а сытый Мгелиа лежал неподалёку и наблюдал за ней.

Вечерело.

Пёс вдруг напрягся, почуял, видно, что к ним кто-то приближается. Даже залаял и подскочил, вглядываясь в даль.

— Кто там? Кого ты высматриваешь? — не отрывая рыла от земли, спросила Хрюшка.

— Матэ! Наш хозяин. Идёт за тобой.

Матэ подъехал на велосипеде, сделал полукруг на лужку, притормозил и соскочил на землю под дубом.

Пёс бросился к нему, радостно виляя хвостом. Хрюшка задрала, насколько удалось, голову, устремила на него взгляд, полный благодарности, и выразила радость от встречи особенно проникновенным хрюканьем.

Заходящее солнце озарило небосклон пронзительно красным заревом.

В обратный путь домой пустились втроём — впереди Хрюшка, за ней Матэ с велосипедом, позади всех — овчарка Мгелиа.

*Сказка — ложь,
Да в ней намёк,
Всем неопытным урок:
От добра добра не ищут,
За добро благодарят.*

Волк Хитрюга

1

Зима была в разгаре. Снежный покров достигал полуметра. Вечерело. Стая волков в поисках добычи безуспешно обрыскала ущелья и поляны вокруг деревни у опушки густого леса. Вернулась в логово разъярённая тем, что приходится валиться спать натошак.

Один из зверей по зову пустого брюха отстал, отделился от стаи, зная, что с голодухи уснуть всё равно не удастся. Голод загнал его далеко от леса, к предместью небольшого городка.

Давно перевалило за полночь.

Тьма стояла беспросветная, нигде ни огонька, снег и метель нарушили городское электроснабжение.

Из-за облаков, однако, медленно выплывала луна.

В нос изнемогающего волка пахнуло принесённым ветром запахом мяса, и он пустился за призывным соблазном, не предполагая, что тот приведёт его к зоопарку.

Из последних сил, лязгая зубами, не сдерживая текущей слюны, волк приник к железной решётке ограды, разгрёб лапами снег, на брюхе подполз под прутья и в мгновение ока оказался в укрытом снегом обиталище зверей. Он горделиво вытянул шею и с видом победителя пустился вдоль железных клеток.

И что же предстало его взору? Посередине одной из клеток возлежал огромный, раскинувший пышную гриву, уткнувшийся мордой в вытянутые вперёд лапы и вращающий горящими глазами лев. Рядом с ним валялось полуоблоданное бедро не то быка, не то буйвола.

— Ого-го! Царь зверей-то царь, но такая несправедливость?! Я не могу уснуть с голодухи, а этот лопается от сытости.

Хитрюга-волк всегда был завистлив, мстителен и увёртлив, за что стая сильно его недолюбливала.

Но тут ему изменили силы, он присел и устремил полный тоски взгляд на притягательное мясо. Но что же, так ему и сидеть, глотать слюны? В клетку ведь ему не пролезть. А если и пролезть, то... что в ней его ждёт?

У льва куска ему не урвать! В клетке рядом спит, привалившись боком к прутьям, львица.

От острого глаза волка не укрылось, что ворота между клетками приоткрыты. Наелись доотвала, завистливо подумал он, могут и погостить друг у друга.

Львы не заметили ни прихода волка, ни его ухода, будто бы прилетела и улетела муха.

Обидно!

Вот, прижавшись друг к дружке, дремлют в клетке два крупных тигра, и около них тоже раскиданы остатки обильного ужина.

Всё повторилось и в клетке медведя. Там в ногах у огромной медведицы перекидывались бараньими курдюками два шаловливых медвежонка, и в башку волку закралась мысль обмануть несмышлёнышей, пока медведица спит. Он просунул в клетку лапу и взмахнул ею: бросьте, мол, кусок мяса сюда.

Но не тут-то было. Один из медвежат впился в курдюк зубами, свисока взглянул на непрошеного гостя, попятился в угол клетки и показал оттуда волку лапой, как это делают, случается, люди: на-ка, выкуси!

Ничего себе! И кто это его научил?! Волк в ярости не остался в долгу и смачно плюнул в клетку.

Да-а, думал он, продолжая свой путь вдоль клеток, это же просто рай! Ну и житуха! А мы, бедные??? В аду, оказывается, мучаемся. Только сейчас я и понял. Понять-то понял, а доживу ли до утра, не знаю. Неужели здесь нет ни одного волка, чтобы бросить мне хоть крохотный кусочек мяса? — размечтался волк, труся по дорожке.

А-а, показался-таки кто-то из его породы. Вот это да! От восторга он даже ударил лапами друг о дружку и тихонько, протяжно провыл.

Ну нет, отсюда с пустым брюхом он не уйдёт. Неужели собрат не жертвует для него хоть куском? Сам, небось, сыт по горло! Поужинал, видимо, до отвала, так что даже уснуть не может, прогуливается посреди ночи по клетке, переваривает съеденное, — предполагал волк в уме.

Вон по углам и посреди клетки раскиданы обглоданные кости. Ну пусть хоть их подкинет, и то спасибо.

— Здорово, братец! — тихим голосом остановил он собрата.

О-о как он завидовал в эти минуты его житью в клетке!

Собрат остановился, прислушался. Вой вроде знакомый, а кто воет, в потёмках не видно. Главное, чтоб был из его породы. Вроде да, вроде свой, не лис и не шакал, ну их совсем! Своя, видно, плоть и кровь. Ишь как исхудал, одни кости да шкура. Небось и не помнит, когда в последний раз что-то перепало на зуб.

Кровь дикого зверя взыграла в жилах обитателя клетки. Он подтрусил к прутьям и устремил взгляд на пришельца. Бедняга! Какое сравнение: его тощая спина и впалое брюхо и мои гладкие, налитые бока!

На приветствие пришельца ответ из клетки последовал не сразу.

— Знал бы ты, какой ты счастливый! — льстиво продолжал между тем пришелец.

Из клетки послышался смешок, там, видно, поняли, что пришелец хочет чем-нибудь поживиться.

— Ты это говоришь о загнанном в клетку? Да-а, не приходилось ещё слышать похвалу моей участи. Любопытно, чем же это я счастлив?

— Чем, спрашиваешь?! Беззаботностью. Еда и питьё достаются тебе без труда. Разве не так?! А у меня в пустом брюхе целую неделю не было ни крохи еды.

— Но что за радость для нашего брата пропадать в клетке? Мой неуёмный пыл не вмещается в ней, кровь играет и зовёт на волю, в лес, в родную природу. Никак не могу свыкнуться с этой клеткой. Только и жду удачи, чтобы...

— И думать не думай, — перебил его пришелец. — Погляди на меня. Видишь, я какой? Ты думаешь, лес нынче тот же самый? Хочешь там погибнуть от голода?

— Ну что ты! Это я просто к слову. А так ведь думай, не думай, а этих прутьев мне не перегрызть!

— По правде говоря, я тебе завидую. В последнее время боюсь взглянуть на воду, такая из неё смотрит несчастная морда.

Пленнику не по душе пришлась зависть собрата, и он решил вылить на него ушат холодной воды:

— Ничего не скажу, ходят здесь за нами куда как хорошо. Три раза в день ешь — не хочу, да ещё и доктор-ветеринар проверяет нашу еду. Чуть что, и лекарство, и градусник, и уколы...

— Вижу, вижу, какой ты ухоженный. Прямо холёный! Очень о тебе заботятся. Но за что тебе это выпало?

— Как за что? — удивился пленник. — Сюда приводят детей смотреть на нас. Да и взрослых интересуют звери, даже платят, чтоб поглядеть на них.

Он вдруг заметил рядом с собой что-то увёрнутое в бумагу, развернул, отведал на вкус:

— Тебе когда-нибудь приходилось пробовать конфеты?

— Нет! А что это такое? В первый раз слышу. Что за невидаль?

— Как что? — усмехнулся пленник. — Это не невидаль, а сладость. Дети без числа бросают мне её. На, если хочешь, отведай! — бросил он сквозь прутья конфетку пришельцу.

Пришелец её тут же с удовольствием проглотил.

— Пусти и меня к себе, — взмолился он пленнику. — Мне очень страшно возвращаться в лес. Там люди о нас не заботятся, а охотятся с ружьями,

преследуют. И лес вырубают без всякой пощады. Совсем он поредел. Скоро будет негде приклонить голову!

— Пустить сюда?! — изумился пленник. — Ты что же, не видишь, какой огромный замок висит на воротах?

— Оо-ой! — проскулил пришелец. — Какой ты, брат, негостеприимный! А сам-то ты как туда пролез?

— Не хочется и вспоминать! — пробежала по морде пленника гримаса неудовольствия. — Меня загнала сюда измена собрата. Это случилось пять лет тому назад.

— Измена собрата? Да что ты? — с удивлением воскликнул пришелец.

— Ну! Что ты так изумляешься?

Оба притихли и приуныли.

— Расскажи-ка, — выдавил, наконец, из себя пришелец. — Очень мне любопытно, что тогда с тобою случилось?

Пленник глубоко задумался, долго колебался, но, наконец, решился рассказать. Что ж, раз уж не спится, хоть ночь быстрее пройдёт.

И он принялся перебирать в памяти события пятилетней давности.

2

Зашло далеко за полночь. Над зоопарком нависла мёртвая тишина и непроглядная мгла.

Не спали только два волка, захваченные беседой.

Рассказчик перестал сновать по клетке, потянулся к дальнему её углу, впился зубами в увесистый кусок мяса и просунул его между прутьями.

— Поешь, бедолага! Вон как брюхо у тебя отвисло. Сразу видно, пустое. Боюсь, кабы ты не испустил дух, пока я буду рассказывать.

Пришелец прямо-таки набросился на мясо, жадно рвал его зубами и торопливо глотал. Насытившись, отвалился и вытянул костлявый загривок:

— Да-а, братец! Здорово ты, конечно, живёшь, но вот тебе не хватает...

— Чего? — насторожился пленник.

— Простора!

— А что ты подразумеваешь под простором?

— Ну вот... леса, поляны.

— А ещё?

— Ещё... — затруднился с ответом пришелец. — Живой зверь ведь появился на свет не только чтоб есть да пить... Должно же быть в жизни что-то приятное. Да и породу свою нужно плодить!

— Хе-хе-хе, — оскалился пленник в своей клетке. — Я тебя понял, — резво подскочил он с места. — Подойди поближе и загляни в клетку попристальнее.

И он трусцой отбежал к отворённой двери в соседнюю клетку, у стены которой лежала молодая холёная волчица с тремя волчатами у сосцов. Волчата посапывали то ли со сна, то ли от удовольствия.

Пленник не без гордости показал пришельцу свою семью:

— Моя волчица. Только моя! Её привели мне сюда год тому назад. Волчата мои дети. Так что живу чуть не как люди. А ты... остановишь на какой-нибудь взгляд, и что же? Нынче она твоя, а завтра-послезавтра всей стаи. Иначе загрызут.

Что оставалось сказать хоть и насытившемуся, но всё же бедняге-волку.

Да и можно ли проявлять неблагодарность? Брюхо набил, не обижать же собрата обидным словом. И, не найдясь что сказать, волк-хитрюга повторил свой давешний вопрос:

— Братец, что же ты не рассказываешь, как угодил сюда?

Надо послушать, может, и самому поступить, как тот?

— Стояла снежная, холодная, как сейчас, зима, — начал пленник, видя, что так просто ему от пришельца не отвертеться. — Снегопаду не видно было конца, и мы здорово страдали от голодухи. В логове мы жили вдвоём — я и моя престарелая мать. Рядом тоже жили два волка. Моему ровеснику мы дали прозвище Хитрюга. Он был лживый, мстительный и несносный. И всегда придумывал какие-то уловки и козни. Как-то утром моя мама сказала нам: слышали ли вы про овечий загон за опушкой леса? — Да, конечно! — опередил меня с ответом Хитрюга. — Так вот, в такое студёное время пастухи перебрасывают замёрзших овец через плетень. Сбегайте, поищите. Может, судьба улыбнётся вам?

Так мы с Хитрюгой и поступили: тут же отправились на поиски. И уже через час осторожно разведывали местность. Несколько раз обошли вокруг загона! Никаких замёрзших овец нет и в помине. Впереди шёл, принохиваясь, я. Густые заросли были так высоки, что выбивались из-под снега, и мы прятались под ними. В одном месте были свалены большие ветки дуба с засохшими листьями. Из-под них до меня донёсся запах мяса. Я обрадовался и изо всех сил ударил по веткам правой лапой. Подумал: вот мы и набрали на замёрзшую овцу. Ударил и взвыл от боли: капкан вонзился всеми зубьями мне в правую лодыжку. Было так больно, что я выл просто душераздирающе. Мой дружок от страха подпрыгнул и дал дёру в лес. Да, скажу тебе! Не бросился мне на подмогу, чтоб разодрать зубами капкан и высвободить мою ногу. Он бы свободно мог это сделать, но не захотел, предательски бросил меня одного. Не оставляй меня, Хитрюга, пособи! — отчаянно бросал я ему вслед, но он, бессердечный, даже не оглянулся.

При упоминании Хитрюги пришельца передёрнуло, как от укуса змеи, и перед его взором встала картина его давнего проступка.

— Ну и что дальше? — спросил он на всякий случай.

Будто бы не знал, что потом произошло.

— А то, что пастухи поймали меня, к счастью, не убили, а сдали в Охотсоюз. А уже оттуда меня перевезли сюда.

Оба снова предались горестному молчанию.

Тут включили электричество, и всё кругом просияло.

Пленник получше взгляделся в пришельца и узнал его.

— Хитрюга! — хлопнул он лапой об лапу. — Да это же ты! Или зрение меня обманывает?

Хитрюга понурился и пролепетал:

— Нет, не обманывает. Это я и есть!

Пленник в ярости подскочил, впился когтями в прутья и проскрежетал зубами:

— Как ты посмел сюда явиться? В потёмках я не узнал тебя, не то бы не бросил не то что мяса, но и камня. А ну вали отсюда, пока не поздно!

Ярости его не было предела.

Пришлось Хитрюге, поджав хвост, убираться восвояси.

То ли неожиданность, то ли непривычная сытость подорвали силы Хитрюги, и, не пробежав и двадцати шагов, он упал без чувств на дорогу. И так и пролежал, не шелохнувшись, до самого рассвета.

А когда рассвело, показался с метлой и тачкой для мусора, пританцовывая и напевая, порядком навеселе с вечера, дворник.

Увидев распростёршегося волка, струхнул и удивился:

— А этот откуда здесь? — и чувствительно двинул бедолагу носком сапога. — Ну и дурень! Решил помереть, так чего шёл сюда? Оставался бы уж в лесу. А теперь выбрасывай тебя! Будто мало мне сору!

Дворник без труда поднял отощавшего, оскалившегося волка, бросил в тележку, навалил поверх разного мусора и повёз на свалку в овраг за зоопарком.

3

Лучи взошедшего поутру солнышка прогрели спину и бока утопавшего в мусоре Хитрюги, и он продрал глаза.

“И как я угодил сюда?”! — попытался он вспомнить. Из забвения его вывел грохот грузовика, свалившего новую грудку мусора. Хорошо что не высыпали прямо на него, не то он, и без того ослабевший, наверняка бы не выдержал, попрощался с горемычной жизнью.

К полудню, совсем согревшись и немного придя в себя, Хитрюга поднялся, подковылял на неверных ногах к только что сваленным горам отбросов и принялся рыть их лапами в надежде отыскать что-нибудь съестное.

И что же! Вот это да! Обрезки и объедки мяса, необглоданные кости, банки от мясных и рыбных консервов! Чего только нет. Хитрюга подрыл сор, оборудовал себе нору и зажил беззаботной жизнью: днём спал, ночью обшаривал свалку. Провёл на ней весь остаток зимы, раздобрел так, что рёбер стало совсем не видно.

Когда весеннее солнце набрало силу, растопило снег, обнажив залежи свалки, к ней стали сбегаться собаки. Появилась сперва одна, потом три, потом целая свора. Целыми днями слышались лай и рычание. Собаки дрались, отнимали одна у другой добычу, кусались до крови.

Хитрюга следил за ними из своего укрытия и весь дрожал от страха. Долее оставаться здесь было для него небезопасно. Голода он уже опасался не так. Забыл, с каким трудом перебивался. К тому же истосковался по матушке. Да и дикая природа тянула к себе, то и дело вспоминались места, где родился и вырос. И в один прекрасный вечер, когда как следует стемнело, пустился в путь к родному лесу.

Мать, завидев Хитрюгу, чуть не ополоумела от радости. Уже не чаяла, что он вернётся, думала, сгинул где-то, и вот, пожалуйста, живёхонек-здоровёхонек!

Расспросила, где пропадал столько времени, что испытал, чего навидался.

Хитрюга, захлёбываясь, рассказал, как его дружок блаженствует в зоопарке, как предаётся сытой и беззаботной жизни.

— Вот видишь, ты не помог ему, когда он угодил в капкан, изменил, бросил в руки людей. А собственная судьба его выручила и спасла, — не удержалась, чтобы не попенять сыну, старая волчица. — Помни — верность и измена дают разные плоды, первая — сладкие, а вторая — горькие. Беднягу твоего отца сгубили именно измена и алчность.

— Но зачем мне такая сладость — проводить свою жизнь в клетке, — попытался ухватиться за мох Хитрюга. — То ли дело лес! Да, мы день и ночь мечемся в поисках пропитания, то и дело заваливаемся спать на голодное брюхо, зато свободы у нас по горло.

— Понимаю, сынок! А вдруг выдастся тяжёлая зима? Что нам тогда делать? Пропадём. И останется без нас и лес, и эта твоя хваленая свобода.

— Нет, что ты! Не думаю, — успокоил матушку Хитрюга и, прижавшись к ней, скоро уснул.

Увы, предвидение матушки очень скоро оправдалось. Выдалась затяжная морозная зима с обильным снегопадом. Волкам в их владениях пришлось очень туго. Многие, и среди них матушка Хитрюги, не выдержали.

Пришлось задуматься и Хитрюге. Что делать, как спасти свою шкуру?

Ему вспомнилась беззаботная жизнь собрата в зоопарке.

В голове мелькнул замысел, который спервоначалу его напугал. Что, если добровольно сдать в плен? И проводить дальнейшую жизнь в клетке?!

Он отогнал эту мысль, но голод не давал покоя, ему даже стала мерещиться смерть с косой. И снова вспомнился зоопарк с блаженством в нём. Зависть заслонила собой сладость свободы.

Страх смерти сделал своё дело.

Долго слонялся Хитрюга вокруг овечьего загона у опушки леса. Искал капкан, чтобы сунуться в него, а там... Всё напрасно!

Разыскал место, где пять лет тому назад угодил в ловушку его дружок. Но опять неудача.

Он огорчился и приуныл.

Из-за загона не доносится ни бляенья, ни запаха.

“Что с этими негодниками? Уж не перемерзли они от бескормицы?” — с тоской думал Хитрюга.

Беготня и голодуха утомили и обессилили его, он повалился на обломанную ветку старого дуба и сразу уснул. Вскоре ему приснился сон.

— Гигла! Поди сюда! Гляди, какой здоровенный волк развалился под дубом.

— Какой волк?! Собака, наверно...

— Да нет, волк!

Подошедший охотник сорвал с плеча ружьё и прицелился.

Волк услышал, правда, как грянул выстрел, но вообразил, что он ему снится, и не успел даже подумать об опасности. Опамятовался, когда острая боль прорезала ему бедро. Но поддержал себя с надеждой: “Ничего! Это не смертельно. В зоопарке заживёт, как на собаке”.

— Это, наверно, тот самый, что задрал наемни нашу молодую овцематку, оставил двух бедных ягнят сиротами. Ничего, сирот-то мы выкормим, — восклицал молодой охотник, — а что делать со зверем?

— Не знаю сам, — отозвался напарник. — Охотсоюз живых волков уже не принимает, зоопарк не даёт заказов. Ничего не поделаешь, придётся содрать с него шкуру, за неё дадут хорошую цену!

Что он слышит, бедный Хитрюга?! Бежать ему уже не светит, так что смерти не миновать. И, чтоб не видеть её приближения, он прикинулся мёртвым.

Что ж, последняя его уловка!

Охотники подхватили его за ноги и потащили к загону.

Там сухо и тепло, но ведь его подвезят за задние ноги и обдерут!

— Отец! А где же овцы? — в удивлении воскликнул молодой, не видя отары.

— На пороге зимы их всех перекусал на пастбище бешеный волк. Овцы поголовно стали болеть. И всё стадо пришлось забить.

— О-о! Ну и сволочь же это волчье отродье, — ругнулся молодой охотник и в раздражении пнул беднягу Хитрюгу ногою в брюхо. — Вроде тёплый, прикидывается дохлым. Давай пристрелим, а потом уж обдерём.

— Нет! — убеждённо возразил отец. — Обдерём живого.

— Да что ты, отец! Где это видано?

— А я тебе говорю, что так лучше. Пусть ходит драный на смех всему лесу. И на смех, и напоказ. Их только так и образумишь.

Сказано — сделано...

4

Ободранный, хромой, весь кровотокающий волк нашёл прибежище в густых кустах боярышника. Глядя на себя, прямо-таки ужасался: жалкий, страшный, настоящее пугало. Как в таком виде где-нибудь показаться? Что скажут братья? Даже пожалел, что его не пристрелили эти негодяи охотники. Пожалели для него пули.

Так, скрежеща зубами, он лежал и горестно дожидался ночи.

Плоть начала подсыхать, и тело его сильно сжимало, стягивало, сковывало. От мучительных ощущений он бил себя лапами, тёрся о землю и испытывал сущие танталовы муки.

С огромным трудом дополз до прибежища, и какую же застал картину? В его логове устроились и сладко похрапывали два старых волчища. Вот это да! Сил, чтоб драться и выгонять непрошенных братьев, не было ни капли, он повалился поблизости набок, сон долго не шёл к нему, измученному и изголодавшемуся, но наконец-таки овладел им.

Медленно рассветало.

Один из непрошенных волков двинул другого лапой, пробудил и хриплым голосом попенал:

— Говорил же я тебе, придёт хозяин логова и погонит нас прочь. Хлопот не оберёшься!

— А сказали, будто бы Хитрюгу убили, — спросонья негромко отвечал ему сотоварищ.

Хитрюга наострил уши и прислушался:

— А я взял и поверил тебе. И знаешь, почему? Его родителя тоже сгубили корысть да алчность. Мы с ним вместе вышли как-то на добычу. Я остался за плетнём, а он бросился прямо на скотный двор. Сначала его порядком потрясли собаки, а потом настигла и пуля. Псы так его изодрали, что уже и шкура ни на что не годилась.

Нашлось, что вспомнить, и у сотоварища:

— Кто же об этом не знает? Батюшку Хитрюги недаром звали Жадюга. Зарыть в землю и то его не зарыли. Ребятишки связали ему проволокой лапы, оттащили на опушку леса и скинули в овраг. Долго, помню, смердил.

— Вот и мой племянник рассказывал: пошли и они вместе с Хитрюгой на поиски добычи. Хитрюга-то мечтал попасть как-нибудь в зоопарк и составил себе для этого план. Но в зоопарк по этому плану не попал, а пуля в лоб получил. Племянник своими глазами видел, как его волокли обдирать.

Хитрюгу прямо затрясло от возмущения. Ну и врун! Он чуть было не вскочил и не бросился на клеветников, но вовремя опомнился. Да, но сколько времени ему прятаться?

Утренние лучи солнца проникли-таки в пристанище Хитрюги. Осветили и угол, куда он давеча повалился.

— О-о! Что за чудовище? — в ужасе вскрикнул один из старых волков и вскочил на ноги.

Продрал глаза и его сотоварищ. Тоже вскочил и... при виде жуткой картины так и упал замертво.

Первый же, как пуля, выскочил из логова и пустился наутёк без оглядки.

— погоди! Не пугайся! Это я, Хитрюга, — бросал ему вслед бедный ободранец, но тот и ухом не вёл.

— Чтоб тебе, сатана! Хитрюга ты или не Хитрюга! Сгинь!

Подковыляли к краю пропасти.

Преследователь на мгновение остановился, в лихорадочном мозгу его мелькнуло, потом пропало какое-то воспоминание, он неловко повернулся и полетел в глубокий овраг.

Это — место гибели отца, — вот что ему вспомнилось в роковую минуту.

Старый волк оглянулся, успел увидеть паденье Хитрюги, подошёл к краю пропасти и прохрипел:

— Мудро сказано: яблоко от яблони недалеко падает!

Овраг ответил ему его же словами и притих.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Семь встреч, или Золотое небо Индии

Зорко одно лишь сердце!
Антуан де Сент-Экзюпери

В саду откровений.

Чтобы узнать Индию, нет надобности совершать дальние переходы чрез безмерные пространства суши и моря. Возможно, и суперсовременные лайнеры — не средство для познания земли с древним, как мир, именем “Индия”.

Вот и теперь, проведя там две недели, а затем пережив массу впечатлений суетной жизни нашей дома, я так и не освободилась от плена магического пребывания в этой стране грёз. А как иначе назвать её, если с первого же момента принятия решения отправиться в Индию начались чудеса? И они продолжают...

Встреча первая

Моя Индия началась в младенчестве. С чтения мамой “Рамаяны” и “Махабхараты”. Потом были индийские песни, фильмы, первый индийский костюм для карнавала. Труды Джавахарлала Неру. Рабиндранат

Тагор. С пронзительной чёткостью вижу: празднично бурлящая толпа, цветы, в близко проезжающей машине — смуглый человек с девушкой. И голос отца: “Запомни, это — Джавахарлал Неру и его дочка, Индира”.

И ещё один стоп-кадр из студенчества. Почтовое отделение возле Академии художеств в Ленинграде. Жду звонка. Вызывают, оборачиваюсь и... В оконном проёме с сияюще-холодным пейзажем — строгий абрис монументальной фигуры. Голову венчает ослепительная чалма. Глаза на тонком смуглом лице устремлены в никуда. Он видит нечто, не видимое мне... Индия и Ленинград. Невероятно... А на душе почему-то теплеет.

Прежде чем осознать, что мне нужно поехать в Индию, я ощутила, что все мысли и знания о ней — только преамбула, главное — впереди. Но встреча первая уже состоялась.

Встреча вторая

В Дели, залитый солнцем, самолёт прибыл через три часа. Февральский полдень, словно наш июньский. До железнодорожного вокзала добралась на автобусе. Поезд отправляется через час, но кассы уже закрыты. Здесь некий индиец увлёк меня из здания вокзала на грохочущую,

звонящую и совершенно чёрную площадь — ночь упала вдруг, мгновенно — и привёл в крошечное турагентство. Светлолицый, красивый, как сказочный принц, молодой индеец заверил, что проблемы мои легко и тотчас разрешимы. Позже он “обрадовал” меня сообщением, что рейс отменён, а вот завтра... Так в 23 часа я оказалась на ночной привокзальной площади всё с тем же провожатым. Такси, пропетляв около часу по городу, доставило нас на узкую улочку. Водитель признался, что сумма оплаты за проезд вдвое меньше названной сопровождавшим меня типом. Словом, с гидом я тотчас попрощалась.

Всю ночь мой “отель” оглашался воплями и песнопениями, звуками драки. Счёт оказался втрое выше положенного. Опасения относительно железнодорожных билетов росли с каждым часом... Меру моей растерянности и обиды трудно объяснить словами.

И всё же в 21 час следующего дня мой поезд отправился в Бангалор, увозя от страхов и потрясений предшествующих суток.

Встреча третья

В купе замечаю попутчика: белобородый старец, спокойный и добрый. Это я почувствовала “кожей”. Мелькнула мысль: “Боже, как он похож на Тагора!”. Утром увидела его молящимся и медитирующим. Невозмутимо, молча, он предавался своим размышлениям или сну, а я благодарила небо за это соседство.

Однако успокоиться и расслабиться не смогла. Силы поддерживали вода и чай. Наконец, поблагодарив и попрощавшись, оставила этот вагон с сильно бьющимся сердцем. Вот и Бангалор.

Знойный полдень с иссиня-фиолетовыми тенями пыльных пальм встретил на перроне маленькой станции.

Раскалённый автобус вместил всех желающих. Тронулись в путь по просёлочной дороге, вздымая облака пыли, гремя и подпрыгивая на обочинах. Все — вприпрыжку друг к другу, и все — довольные. Крошечные посёлки среди жёлто-красной земли и буйной растительности сменялись белёсыми полями с редкими кактусами. Ещё два часа, и мы — в Путапарти.

Выпадаю из тесных “объятий” автобуса на площадь автовокзала. Смуглый малыш просит вручить ему сумку, медлю, затем сдаюсь. Он тотчас утомился (вес сумки — семь кг). Расплатившись, следую в указанном направлении.

И вот и вывеска: “Прашанти Нилайам”. Значит, я — у цели.

Встреча четвёртая

Многолюдная толпа в ярких одеяниях, словно в немом кино, скользила рядом, и никто никого не задевал, не теснил и — удивительно! — не раздражал. Подлинная культура — в крови. Никто не кричал на улочках, изобилующих восточными сладостями. Каждый нахваливал свой товар, но признаков подострастия не замечалось. Помедлив у входа, ступила на территорию ашрама, то есть обители паломников, гостящих у аватара Саи-Баба.

Через час оказалась в небольшой комнате четырёхэтажного бетонного корпуса с тремя соседками из Аргентины. Наверное, мне надо было слегка отдышаться после перипетий пути, но случилось иначе.

Едва отойдя ко сну, проснулась от грохота. Соседки мои бурно обсуждали “экипировку”, искали что-то в огромных саквояжах, пили чай. Часы показывали второй час ночи. В два они покинули комнату, позвав меня с собой. Чуть позже последовала их совету.

Над головой бархатный купол неба сверкал гроздьями близких звёзд. Прохладный ветер напоминал ночную Алма-Ату. Мягкий свет струился от ночных фонарей, подсвечивающих аллеи с рядами цветочных клумб. И — полная тишина.

Храм — Мандир — был погружён в темноту. К пяти часам стало светать и сюда последовала цепочка женских фигур, сопровождаемая севадалами — зрителями храма. Все быстро и бесшумно опустились на каменный пол. Наконец, огромное пространство храма, разделённое на две половины, для женщин и мужчин — отдельно, осветилось сиянием громадных хрустальных люстр. Позднее, когда солнечный свет, набрав силу, засверкал на востоке, они погасли.

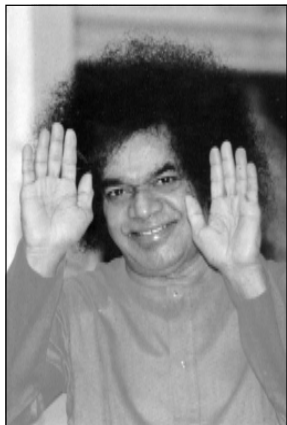
Вид на храм Мандир.

Все, собравшиеся в храме и за его пределами, слушали песнопения — бхаджаны и подпевали. Звучал индийский язык. Голоса сливались и парили под сводами, давая сказочное ощущение причастности к чуду. Лепные украшения, скульптура, драгоценные камни и цветное стекло, резьба по дереву и ганчу, сияние белого цвета, облитого светом рождающегося и расцветающего утра — всё вторило звукам музыки и движению души, жадно впитывающей краски и ароматы Красоты.

Служба длилась, прерываясь, несколько часов. В свете дня с немалым изумлением обнаруживаю подле себя, кроме индианок, множество других женщин, очень разных и чем-то неуловимо схожих. Да, все — в сари и босиком, все — нарядные и сосредоточенные, все очень прямо держатся. Что же ещё? Цвет кожи, волос? Поняла скоро, с большой радостью и волнением. Но не в те утро и ночь. Слишком сильное впечатление притупляет разум, а он был опьянён обилием неожиданностей.

Встреча пятая

Аватар Саи-Баба.

Когда головы всех коленопреклонённых дружно обратились в сторону солнца, я УВИДЕЛА. По алой дорожке, легко ступая, двигалась фигура в шафранной тунике с огромной шапкой чёрных волос в сияющем нимбе солнца. Она шествовала быстро и неторопливо, взмахом тонкой руки приветствуя и одновременно благословляя собравшихся. В воздухе выдохи и всхлипы, лица просветлели и исполнились ожидания, восторга и мольбы. Тишина звенела. А потом Саи-Баба говорил, шутил, брал чьи-то письма. И уходил в глубь храма, и возвращался. И вновь дарил всех улыбкой, удаляясь из храма. Те, что сидели совсем близко, шёпотом говорили потом, что вслед за ним остался неизъяснимо прекрасный аромат, амбра.

За порогом храма меня оглушил звон птичьих голосов. Пёстрые сари и белые мужские одеяния заполняли просторные улицы центра ашрама. И вдруг я заметила так поразившее сходство меж людьми, вернее, поняла: это выражение участия, со-радости, со-понимания, словом, именно то, чего так недостаёт каждому из нас в повседневной жизни. Незнакомые люди шли навстречу друг другу и улыбались, соединя ладони и склонив голову.

И стало ясно — зачем я здесь. Великая любовь ведёт людей к Свету. Познание, Добро, Красота — разве это не составные притяжения Любви? И разве итогом познания в конечном счёте не является прежде всего сам человек? Так неужели ему мало любви его близких, родных людей, их понимания и сочувствия?

Да, я нашла ответ именно здесь, в ашраме Саи-Баба. И мне отнюдь не почудился тот драгоценный дар, что оставил Он моей душе, как память и наставление, как благословение и наказ. Мне предстоял трудный год испытаний “на прочность”, и вся поездка, от первого до последнего дня, стала как бы проекцией грядущего на ближайший год. А может быть, жизнь.

Встреча шестая

В памятную ночь перед отъездом, в канун главного праздника индусов — Шиваратри, я с сожалением думала о предстоящем расставании с ашрамом, его чудесными людьми из разных уголков земного шара. А на рассвете была у храма.

Масса людей толпилась у входа, затем уселась прямо на траву. Воздух пропитан ароматами ночи: травы, цветов, воскурений, земли. Женщина рядом срывает цветок шафрана со словами: “Саи-Баба, прости мне этот подарок, я отвезу его дочери”. Потом, обернувшись, добавляет: “У нас, во Франции, они тоже цветут”. Отвечаю, тихо смеясь: “Да, и у меня, в Казахстане, и по всему миру”. Она улыбается и рассказывает о себе: родом из Голландии, зовут Колби, муж и дочь — французы, живёт в Париже давно. А сюда приехала впервые в день создания ашрама, 15 лет тому назад и бывает ежегодно. Показав мне золотой перстень, подарок Саи-Баба, тихо, залиvisto смеётся, и счастье — на её лице. Этот

смех ведёт меня по ступенькам, через столпотворение “осаждающих” вход женских тел, в храм. Такой день! Меж тем прежде, на одной из служб со мной заговорила женщина чуть постарше Колби, пленив зрелой красотой и женственностью. Итальянка, из Тосканы, живёт с семьёй близ Милана, приезжает сюда более десяти лет и черпает силы в этих встречах. Грустный голос поведал мне историю жизни, исполненной любви и печали. И был жест, поразивший меня: на среднем пальце Лидии сверкало широкое кольцо из золота с платиной и бриллиантами, с изображением лица в центре. “Это — портрет Саи-Баба, его подарок”, — был ответ на моё изумление.

Внимание моё с первого дня привлекла высокая, немолодая женщина с повелительным, низким голосом. Оказалось, она — русская, Татьяна, издавна живущая в Милане, владеет свободно всеми европейскими языками. С удовольствием изъяснялись с ней сначала на английском, потом по-русски. Ко всему, они с Лидией оказались соседками по номеру. Пригласив в гости, она долго сетовала на мой неприход к ней в Милане. Отважилась возразить: “Но ведь мы ещё не были знакомы!”. На что тотчас последовало звонкое: “Это ещё не повод!”. О поездке в Италию — разговор отдельный. Но представить себе эту несостоявшуюся встречу тоже было удовольствием.

При встрече с Колби, уже не удивляясь, поразились сходству людских судеб и проблем, и ещё больше — возможности исцеления от душевных травм. Всё так просто и так сложно... А ведь всех этих людей привели сюда, как и меня, нехватка любви, недостаток понимания и доброты, стремление понять себя и мир! Вот почему кто-то живёт здесь месяцами, годами, кто-то остаётся навсегда или надолго, идя в севадалы или обслуживающий ашрам персонал, а кому-то довольно ежегодной поездки.

Мне привелось приехать сюда лишь раз. И удивительно! — словно я там продолжаю жить или жила там всегда — такова магия Индии.

На автовокзал провожала меня сквозь плотную толпу людей, внимающих трепетным, зажигающим душу звукам голоса Саи-Баба, Таня-москвичка. Посадив в автобус, долго мешкала, наставляя и благословляя. Спутником оказался таллинец, помогший в кромешной тьме выйти из автобуса и погрузиться в свой вагон. Поезд был один, но больше мы не увиделись, а встреча была подарком.

Встреча седьмая

В купе меня ожидал новый сюрприз. Устроившись напротив, три молодых индийца так спорили, разыгрывали друг друга и смеялись, что их веселье невольно втягивало в орбиту общей радости. Но усталость взяла своё, я быстро уснула.

На рассвете потрясённо смотрела на небо: оно, медленно набирая тон, становилось из бледно-жёлтого всё более густым и сочным, став, наконец, совершенно золотым. Это видение длилось и длилось. Пытаясь отвлечься на завтрак и обед, приносимые в купе, всё старалась понять, с чем может быть связан подобный обман зрения. И, наконец, меня осенило: Боже, ведь я знаю это небо по полотнам Гюгена! Здесь, на юге Индии — то же небо? Значит, никакого вымысла и экзотики не таят картины великого француза, он видел его воочию, и я, к счастью, тоже.

На третий день пути спутники мои, осмелев, заговорили, перебивая друг друга, как дети. Все трое — банковские служащие. Все трое — на “В”: Винан, Виссант и Вималь. Последний уже объездил мир, был в Москве, собирается поехать вновь. Каждый пожелал мне удачи на прощание, радуясь, что Индия мне понравилась. Смеясь, ступила я на перрон вокзала в Дели.

Из гостиницы, скромной и чистой, рекомендованной Таней-москвичкой, ведомая необъяснимой силой, направилась в то злополучное агентство, лишившее меня половины средств. Внезапно потеряв самоуверенность, мой “принц” спешно вернул деньги с извинениями, в испуге разглядывая меня как бы впервые. Тихо, сдержанно укорила его за ложь и утрату доверия, которое адресовалось не ему, но его народу, ведь он знал, что я в Индии — впервые. Расстались вежливо. А затем я устремилась за подарками для родных. Боже, как это было приятно! И ещё один урок усвоен.

В самолёте моими соседями оказались отец с сынишкой, игравшие в карты. К ним в компанию был принят соседский трёхлетний малыш. Выигрывая, он строил такие рожицы, так темпераментно стучал по лбу своего соперника, восседая на его же коленях, и так они урчали и бодались головами, что я, беззвучно хохоча, охрипла от слёз.

В алматинском аэропорту стояла отнюдь не февральская, по-весеннему тёплая погода. Меня встретили. И, уже находясь дома, в своей комнате, я всё не могла понять, что вернулась, что уже на родине моей, столь близкой с Индией, — три часа полёта “Боингом” и полчаса разницы во времени.

Во сне я вновь иду в ашрам и мне навстречу двигаются вереницы улыбающихся, красивых людей. И сияет золотое небо, небо прекрасной земли, живущей в сердце моём. Верю, встреча моя — впереди!

Фото автора.

Елена ДАЙЛИДКО

Хозяйка “Кукольного дома”

Если человек талантлив, то талантлив во всём. Общаясь с талантливыми земляками, я всё больше и больше убеждаюсь в справедливости этого утверждения. Именно к такому типу даровитых людей относится удивительная женщина — Альбина Кирилловна Байковская.

Родилась она в 1941 году в Приморском крае России, на берегу Японского моря. Отец её, родом из Зерендинского района Кокчетавской области, был призван в армию на Дальний Восток, воевал там, женился на медсестре из медсанбата, своей землячке, а после демобилизации перевёз семью в Кокчетав. Здесь Альбина закончила среднюю школу, затем училась в Новосибирском инженерно-строительном институте. И до конца учебного 2009 года преподавала в Кокшетауском политехническом колледже строительные дисциплины, геологию. Одновременно руководила общественным музеем при учебном заведении. При музее работало два клуба: “Клуб умелых” (народно-прикладного мастерства) и поэтический — “Вдохновение”. В “Клубе умелых” Альбина Кирилловна обучала ребят основам живописи, рукоделия, дизайна. Они устраивали выставки народного творчества в стенах колледжа, участвовали в смотрах-конкурсах. В поэтическом клубе “Вдохновение” объединились поэтические дарования — не только учащиеся, но и преподаватели. В городском конкурсе молодых поэтов в 2008 году воспитанница Альбины Кирилловны Елена Фоминых заняла первое место. Одно из первых стихотворений девушка посвятила своей наставнице:

*Добрая фея живёт на свете,
Нам её посчастливилось встретить,
Душою прекрасна, умна и скромна,
Нам столько хорошего дарит она.
Мы с нею рисуем, стихи сочиняем,
Шьём, вяжем, мечтаем и... в куклы играем.
Она нам и друг, и учитель любимый,
И руки её мы зовём золотыми.
Лучшего друга нам не найти,
С Альбиной Кирилловной — нам по пути!*

Альбина Кирилловна и сама с удовольствием занимается вышивкой. Ещё в детстве взяла в руки иглу, нитки, пальцы. Мама и бабушка Альбины были искусными вышивальщицами. Так что живой пример был прямо перед глазами. И теперь вышитые крестом картины Байковской уносят зрителей в мир детства и сказок. Все стены в её доме увешаны её картинами. Любит дарить их друзьям, её работы знают и в России, в Израиле, в Германии. У Альбины Кирилловны на счету несколько выставок, она участница конкурсов декоративно-прикладного творчества, является членом Международной ассоциации “Искусство народов мира” (г. Москва). Помимо вышивания увлекается живописью, лепкой, коллекционирует и реставрирует кукол, пишет стихи (её поэтическая подборка опубликована во втором номере “Нивы” за 2010 год).

Дом у Байковских удивительный, я бы дала ему имя “Кукольный дом”. Уникальная коллекция, создававшаяся в течение многих лет, — это не

просто дорогие антикварные куклы или редкие предметы домашнего обихода, но картины и скульптуры, изготовленные собственными руками.

И всё же именно куклы заслуживают отдельного внимания. В них наша детская радость, мечты и прекрасные воспоминания! В простых и милых образах кукол, сбережённых памятью нескольких поколений, иной раз отражается история целого рода. В старину в некоторых семьях, рассказывает Альбина Кирилловна, кукол было до ста штук, передавали по наследству.

В 2008 году персональная выставка А. К. Байковской “В мире кукол” прошла в Кокшетауском музее им. Малика Габдулина. В её коллекции самодельные, фарфоровые и пластмассовые, большие и маленькие, тряпичные и вязаные куклы разных стран. Почему именно куклы? Росла она в тяжёлое послевоенное время, тогда мамы и бабушки шили их детям из лоскутов, а мужчины выстругивали из дерева. И как же дорожили дети такими игрушками! Первую “настоящую” куклу Альбине привёз дядя из Москвы. Гуттаперчевую принцессу. Она и в институт-то, между прочим, поехала с одной из кукол, которую случайно нашла на чердаке. Отмыла, сделала ей причёску, подкрасила, сшила новое платье. Тогда же родился стих:

*Будучи уже взрослой,
Как-то на чердаке,
Старьё разбирая просто,
Нашла я куклу в мешке...*

Ну и дальше про то, как они с куклой Алёнкой стали жить-поживать.

В городском смотре народного творчества “янер — халы азынасы” в конкурсе “Поэзия — сен менімен егіз бе еді!...” Байковская заняла 1-е место, а в июне 2009 года вышел в свет сборник её стихов “Мелодии души”, иллюстрированный рисунками автора. Её поэтический багаж разнообразен, в книжке несколько циклов: “Мелодии души”, “Синегорье”, “Лунные стихи”, “Чуть-чуть лирики”, “Стихи из юности”, “Мысли вслух и в рифму”. Поэтические откровения Альбины Кирилловны очень личные и самобытные. Если внимательно вчитываться, начинаешь понимать, что они отражают всю суть её души.

г. Кокшетау.

Сергей ГОРБУНОВ

Рассказы о животных

Божья коровка

— Деда, деда, — смотри! — внук звал громко и требовательно.

... Старик, кряхтя, поднялся с крылечка веранды дачного домика и заковылял на плохо гнущихся ногах к яблоне, возле которой стоял пятилетний светлоголовый карапуз.

— Ну, что там у тебя? — старший по возрасту наклонился над яблоневой веткой, стараясь увидеть то, что так поразило внука. Это оказался жучок, похожий на черепашку, с чёрненькой головкой и в красном “костюмчике” с тёмными крапинками, — именуемый божьей коровкой. Кто и когда его так назвал — осталось неизвестным. Но, прожив немало лет, старик знал, что при виде этого жучка люди внутренне добрели и почему-то начинали улыбаться. И каждый старался посадить его к себе на ладонь. Некоторые тут же, как в детстве, начинали тараторить: “Божья коровка, улети на небо — дай мне хлеба”. Или с продолжением: “Там твои детки кушают котлетки”. Были и другие присказки, но их старик уже не помнил, а эту, взяв жучка в руки, прочёл внуку. Затем пересадил божью коровку на его боязливую ладонь и заставил повторять то, что только что ему прочёл. Одновременно втолковывая мальцу, что это ласковая букашка не кусает людей и очень им помогает. Видя, что внук не понимает, дедушка нашёл на ветке скрюченный лист и развернул его. Вся обратная сторона была усыпана маленькими зелёными букашками и чёрными точками. Показывая на этих изумрудных малюток с усиками, называемых тлём, — дедушка обстоятельно, как когда-то своим студентам, стал рассказывать о том, что эти медленно ползающие, безобидные на вид зелёные насекомые впиваются в лист и непрерывно сосут сок яблони. Она начинает

Сергей Александрович ГОРБУНОВ

родился и живёт в Павлодаре. По профессии журналист. Но прежде чем взяться за перо, работал плотником-бетонщиком на стройке, грузчиком, токарем, электрообмотчиком на промышленных предприятиях Павлодара. Путь в журналистику начал с многотиражной строительной газеты, затем работал в районной “Ниве”, в областной газете “Звезда Прииртышья”, на телевидении, в Казахском телеграфном агентстве (КазТАГ), а вот уже 15 лет является собственным корреспондентом “Ка-

захстанской правды” по Павлодарской области.

В 2000 году за глубокий творческий поиск и актуальные произведения, опубликованные в средствах массовой информации, Сергей Горбунов получил грант Президента РК. Награждён грамотами Союза журналистов республики, Конгресса журналистов Казахстана, акима области и областной организации Союза журналистов.

Параллельно занимается прозой. Автор книг рассказов “Красно-белый дед” (2001), “Поезд дальнего следования” (2005), “Не поле перейти” (2008). Постоянный автор “Нивы”.

болеть, с её веток опадают недозрелые плоды, а те, что остаются, имеют кислый вкус. На помощь таким яблоням, другим деревьям и кустам, атакованным тлёй, и приходят божьи коровки, которые поедают и прогоняют вредителей.

Всё это малыш выслушал внимательно и, осмелев, разглядывал проворного пятнистого красного жучка, вновь оказавшегося на дедовой ладони.

— Ты божью коровку никогда не обижай! — дед погрозил своему юному собеседнику указательным пальцем другой руки. — Она нам друг и спасает наши сады и огороды. Ты понял, внучек?

... Тот утвердительно кивнул.

— Молодец! — дедова рука начала гладить выгоревшую на солнце макушку потомка. — Умница! А теперь возьми и посади букашку на ветку яблони. И пусть она, наша защитница, ползёт по своим делам.

... И, чтобы было ещё понятней, добавил про то, что ей ещё надо покушать, а потом лететь к своим деткам.

... С серьёзным видом, запоминая эти слова, внук посадил божью коровку на ветку, посмотрел, как она поползла в гущу листвы, и вприпрыжку побежал за дедушкой, который направился вновь на своё заветное крыльцо.

Муравей перебрался с земли на ствол яблони и, не снижая скорости, побежал наверх. Это он делал не единожды и поэтому легко ориентировался в ветвях, которые отходили от ствола в разные стороны. Он нашёл знакомый поворот и, как по асфальтированной дороге, помчался к концу ветви, где молодая листва ещё не успела одеревенеть. Муравей знал, что там, облепив изнанку листьев, тля наливается яблоневым соком. Со стороны эти букашки напоминали коров на выпасе, поглощающих зелень, чтобы затем дать молоко. И они его давали муравьям. Те подбегали к какой-либо из тлей, стучали своими антеннами-усиками по её спинке, и та, приподняв брюшко, выдавливала из чрева капельку сладкого сиропа, которую муравьи выпивали и мчались вниз к муравейнику. Сгрузив там “молочко”, добытчики вновь торопились к очередным “коровкам”. Это был союз двух видов насекомых, так как муравьи не только охраняли тлю, но и расселяли её по другим растениям, словно собирая сладкую дань со всего растущего вокруг муравейника.

... Недобежав до намеченной цели, муравей усиками уловил, что в “дойном стаде” что-то не так. А спустя секунды, он увидел, как его “коровок” терзает злейший их хищник и враг муравьёв — божья коровка. Не раздумывая, “бегун” набросился на неё, стараясь оторвать ей усики или впиться в голову. Но та тоже знала правила боя, поворачиваясь к муравью задом и втягивая голову под хитиновые надкрылки. При этом божья коровка продолжала дожёвывать очередную тлю. Но и муравей не отступал. Так они и крутились на листке. А затем жучок, в красном, в крапинку “пиджачке”, то ли насытившись, то ли устав от назойливости того, кто на него нападал, вспорхнул и полетел на другое дерево.

Вслед ему посылались угрожающие, не предвещающие ничего хорошего, жесты муравья.

Награда за свободу

У Рыжего Пса никогда не было хозяина. Кобелёк появился на свет в яме, вырытой его матерью на строительной площадке под вагончиком, в котором женщины-отделочницы переодевались и обедали. Поначалу щенят было пятеро, но потом двоих, околевших, мать куда-то унесла, и остались они втроём, терзая наперегонки её упругие сосцы.

Дальнейшее детство Рыжий Пёс, отличавшийся от брата и сестры яркой окраской, вспоминает со страхом. Первой куда-то пропала мать, и их, жалобно скуливших щенков, подкармливали сердобольные малярыши. Потом грузовая машина, привёзшая радиаторы отопления, задурила зазевавшегося брата Рыжего Пса. Когда же Рыжий Пёс уже повзрослел и считал себя хозяином строительной площадки, к ней подъехали люди, от которых пахло собачьим страхом. Они выскочили из кабины: один взял в руки сачок, а другой навёл какую-то палку на его сестру. После этого раздался грохот и такой отчаянный визг Чернушки, исполненный болью и непередаваемой тоской, что молодой кобель резко прыгнул в сторону и помчался, не разбирая дороги. Этот прыжок спас ему жизнь, так как вышедший из кабины послал вслед убегающей собаке пулю, но промахнулся.

До вечера Рыжий Пёс в страхе бегал по окрестным жилым кварталам, залегая на время где-нибудь, чтобы отдышаться, а ночью пробрался на свою стройплощадку и затаился под вагончиком.

Там-то его утром и нашёл пожилой мужчина в белой каске, которого, Рыжий Пёс это усвоил, все слушались и звали Валентиновичем. Он принёс хлеб с котлетой и налил в миску воды, при этом что-то тихо и успокаивающе говоря собаке. Но всё равно затворник, быстро съев приношение и попив воды, лишь поздним вечером вылез из логова. Но теперь он всегда был начеку и научился одновременно видеть всё, что происходит вокруг.

А потом наступил день, когда вагончики начали увозить, приехала другая техника, которая стала разравнивать землю и покрывать её противно пахнущим асфальтом. Теперь Рыжий Пёс каждый вечер принимался искать себе на стройплощадке убежище, но таковых оставалось всё меньше и меньше. И однажды тот, что носил белую каску, подошёл к нему, погладил по голове и сказал: "Всё, друг, уезжаем мы на новую площадку. А тебя я туда не могу взять с собой. Ты уж держись как-нибудь. Может, к другим строителям приберёшься". Он ещё раз погладил собаку по голове и уехал.

... Те, кто начал вселяться в этот двухподъездный многоэтажный дом, сразу невзлюбили Рыжего Пса. Может быть, изначально ему попались такие люди, а может, он сам оказался виноватым. Когда новосёлы принялись сгружать свои вещи и уносить их в дом, движимый любопытством молодой кобель уселся неподалёку, наблюдая за происходящим. Но это продолжалось недолго. Толстый и потный мужчина, с лысой и блестящей от испарины головой, начальственно спросил: чья это собака, почему она без намордника и находится здесь без присмотра? Не получив ответа, он обвёл взглядом землю вокруг себя, углядел крупный осколок щебня, поднял его и метнул в Рыжего Пса. Толстяк промахнулся и готов был швырнуть новый камень, но кобель, поджав хвост, убежал. При этом он запомнил, что никто из новосёлов не остановил лысого и не встал на защиту бездомной дворняги.

Вот с этого момента Рыжий Пёс стал жалеть о том, что у него нет хозяина. Наблюдая за другими собаками, которых выгуливали на поводке, он мечтал, что тоже, сытый и ухоженный, пахнувший домашним скарбом, будет идти по тротуару, прогуливая хозяина, ведя его за собой. И тот будет терпеливо ждать, пока он поставит метку на угол дома, на дерево или столб.

А какой вкуснятиной кормят своих собак их владельцы! Однажды Рыжий Пёс наблюдал, как молодую овчарку обучали идти рядом, нога в ногу, с владельцем. Когда она это делала правильно, то получала кусочек колбасы. Огрызок этой неведомой еды перепал и ему, брошенный в его сторону хозяином непонятливой овчарки. Он проглотил подарок одним махом и не закрывал рот, чтобы надышатся чудным запахом. В тот миг Рыжий Пёс был готов променять свою вольную жизнь на ошейник и поводок, длина которого определяла относительную степень свободы. А также на проживание в тесной прихожей или в дальнем углу. Но запах колбасы улетучился, и ничем и никем не ограниченная свобода вновь взяла верх в собачьих раздумьях.

Да, были дни, когда он голодал, ни найдя ничего съестного у мусорных баков и на задворках кафе и ресторанов. Но когда удавалось набить едой живот, он нежился на солнце, обдуваемый летним ветерком, а зимой на крышках люков камер теплотрасс. А как весело было играть в догонялки и бороться, когда собаки собирались в стаи, повинуюсь зову природы. И тогда он, Рыжий Пёс, как настоящий кобель, вступал в схватки с соперниками за свою избранницу. И был очень горд, когда, не обращая внимания на укусы, её отвоёвывал. Это была Песня Жизни!

... Всё это он вспомнил, забредя однажды на территорию, где располагалась площадка для выгула собак. Огороженные высокой сеткой, собаки резвились на этом пятачке под присмотром хозяев, которые бдительно пресекали все их попытки заняться чем-либо иным, кроме игры. Появление рыжего кобеля нарушило устои этого элитного собачьего мирка. Они, не обращая внимания на крики владельцев, остервенело кидались на сетку ограждения, злобно облаивая бездомного чужака, смеявшегося приблизиться к ним. Дворняге даже пришлось отбежать подальше от этой площадки, так как вдобавок ей показалось, что один из хозяев четвероногого друга нагнул, чтобы найти камень и бросить его в нарушителя собачьего спокойствия.

Но оно воцарилось ненадолго. Когда Рыжему Псу надоело смотреть на толкотню на этом огороженном пятачке, он побежал в соседний двор. И так получилось, что на подступах к нему он увидел такую же беспородную, как сам, стройную и резвую собаку, напоминавшую его застреленную сестру. Она тоже увидела Рыжего Пса и застыла, повернув к нему голову. Затем они начали медленно сближаться, принюхиваясь расширенными ноздрями.

Но стройную “дикарку” увидели и собаки, которых хозяева, направляясь домой, выводили с площадки. Но если при виде Рыжего Пса эти ухоженные создания ярились, выходя из себя в презрительном гневе, то появление неизвестной особы вызвало у них желание подойти к ней поближе и завязать знакомство. Это стремление было настолько сильным, что даже малорослые таксы и болонки вставали на дыбы, пытались вырваться из рук хозяев поводки. Усилия оказывались тщетными. Резкие рывки

поводков назад опрокидывали собак на спину, а затем их, упирающихся, чуть ли не волоком спешно тащили по квартирам.

Что было дальше, Рыжий Пёс и его новая подруга уже не видели. Да и не желали. Они бежали бок об бок, и ничто не могло их удержать.

Ремора ремора

Сколько себя малёк помнил, ему всё время чего-то не хватало. Нет, еды! Всякой мелкой живности в морской воде было предостаточно. Особенно в зарослях прибрежных водорослей, тянувшихся куда-то вверх. Там порою вода темнела и начинала бурлить, размётывая космы водорослей, а чаще она качала на мелкой волне какое-то ослепительное пятно, свет от которого уходил далеко к фиолетовым глубинам. Туда малёк не опускался, страшась темноты вод и тех, кто там живёт. Ему больше нравилось плавать в тёплой, прогретой воде, где так же, как и он, познавая жизнь, плавала молодь всевозможных рыб. Он пытался найти среди них своих сородичей, но всякий раз ошибался, пока однажды юная юркая ставрида сердито не сказала ему, чтобы он ни к кому не приставал, а искал акульих ремор. Так малёк узнал, что у него красивое имя — ремора ремора. А когда он услышал приставку к нему — акуля, то сразу понял причину своей неудовлетворённости. Он не раз видел акул — сильных, красивых рыб, которые стремительно появлялись откуда-то из толщи морских вод и так же беззвучно и грозно исчезали в них. Мальку хотелось быть рядом с ними, чтобы другие рыбы уступали им дорогу и почтительно замолкали, прекращая свою разноголосую болтовню. И однажды молодая ремора, выбрав момент, когда серая акула лениво проплывала мимо, быстро-быстро замачала плавниками и догнала её. А, догнав, поднырнула под брюхо и, повинаясь инстинкту, расправила и выгнула спинной плавник, как присоску, и прикрепилась им к серой хищнице. И реморе сразу стало спокойно и уютно. Акула плыла, рассекая воду, струи которой, обогащённые кислородом, проходили сквозь жабры прилипшей рыбки, и ей дышалось легко, и было хорошо. Она поняла, что нашла своё место в жизни. Теперь не надо было самой напрягаться и плыть, чтобы обогатить кровь кислородом. Точно так же искать, где больше планктона. Пока малёк в его поисках одолевал какие-то десятки метров, серая акула успевала проплыть сотни. По пути она нередко останавливалась, что-то вынюхивая и слушая, и тогда ремора могла отплыть недалеко и подкрепиться.

А ещё она почувствовала, что отныне ей не страшны никакие морские хищники. Под брюхом у своей зубастой благодетельницы акуля приживалка была в полной безопасности. Поэтому на остальную мелкую рыбью братию она смотрела, скосив пренебрежительно глаза. Они “платили” ей той же “монетой”, называя прилипалой и собирательницей акульих объедков. На это ремора не обращала внимания, рассудив, что бывшие друзья молодости говорят подобное из зависти и оттого, что им, ежеминутно опасаясь быть проглоченным, приходится постоянно искать корм и укрытие. А она плывёт себе без забот и наслаждается подводным миром, смотря по сторонам.

И не одна она такая “прилипала”. Её дальние родственницы вообще живут внутри жаберных полостей акул. И кислород получая, и акульих паразитов поедая. А есть и другие рыбы, которые вообще слывут чистильщиками

акул. И ничего — не стыдятся этого и живут себе потихоньку. Даже рыба-лоцман, уж на что красавец и себе на уме, а тоже плывёт рядом с акулой и глотает крошки, выпавшие из её пасти. А то возьмёт и пристроится к морским судам (которые, рассекая морскую воду, облегчают ему скольжение в ней), и ждёт, когда за борт выбросят что-нибудь съестное. Поэтому, говорите, что хотите, рыбы неудачники, а я делаю так, как мне выгодно.

Так рассуждал акулий постоялец и был глубоко уверен в своей правоте. Тем более, что вскоре рядом с ним появилась изящная самочка-ремора, которая полностью одобряла мысли своего избранника. И когда кто-то из рыб ещё по инерции презрительно обзывал их прилипалами и плевал им вслед, они демонстративно отворачивались и делали вид, что не замечают и не слышат крикунов. Тем более что те вольно или нет, но оскорбляли их Покровителя-Благодетеля.

Но однажды ремора-самец обратил внимание на то, что обычно упругая кожа серой акулы стала какой-то дряблой, а сама некогда грозная рыбина начала терять резвость. Она слабела и старалась забиться куда-нибудь в нагромождение подводных скал. Парочка ремор поняла, что их защитник — им уже не защитник. А посему, отлепившись от старческого тела, не попрощавшись с Покровителем и не оборачиваясь, они выскочили на водный простор и сразу же нацелились на молодую тигровую акулу, ещё не успевшую обзавестись сопровождением ремор.

Через минуту, скользя в тёплой изумрудной воде под брюхом грозы морей, они напрочь забыли ту, с кем плавали прежде. У этих рыб из семейства прилипаловых, с присоской почти что на голове, начиналась другая жизнь. Для памяти о прежней акуле в ней не было места.

Продолжение следует.

Николай ШМИГАЛЁВ

Не от мира сего

Повесть-пародия

Часть вторая

С того света

(Окончание. Начало в №№ 8, 9 за 2010 год)

Казино “Рояль”

Некогда затрапезный кабаk с покосившейся вывеской “У Чёрта на куличках” встречал припозднившихся гостей совершенно новой инфраструктурой. Теперь это светившееся неоновым светом здание с переливающейся надписью на цоколе “Казино “Рояль” было оборудовано подъездными путями, посадочной полосой и охраняемой стоянкой для любого вида транспорта: от телеги и самоката до ковра-самолёта и осёдланного птерозавра, стоявшего на привязи в общем ряду с менее экзотическими транспортными средствами. У дверей самого казино стоял представительный швейцар с белой бородой, в блестящем мундире с лацканами и подозрительно смотрел на приближающуюся компанию. Так как Панкратион о данном заведении ничего вразумительного сказать не мог, то Алексею пришлось идти в бой без предварительной оценки обстановки. Оставив на всякий случай друзей невдалеке, Круглов направился к зданию.

— Здравствуйте, любезный! — подойдя к дверям, поприветствовал он швейцара. — Можно перекантоваться у вас до утра, да и перекусить с дороги не мешало бы.

— Сегодня закрытая сходка, — недружелюбно пробормотал швейцар. — Пускать абы кого запрещено. Поищи приюта в другом месте. У нас элитное заведение.

Швейцар насупленно замолчал.

— Будь человеком, — попросил Лёха белобородого. — Я с друзьями сегодня норму по военному двоеборью перевыполнил. Куда нам на ночь глядя идти?

— Это ваши проблемы. А к нам нельзя, у нас сегодня сборище игроков со всей Предисходней. Борются за звание самого искусного картёжника.

— Здорово! — крикнул уставший ждать непонятно чего сатир. — Мы тоже в “дурака” с ними “зарубимся”. Я в своё время неплохо передёргивал.

Швейцар, увидев сатира, вздрогнул, словно нарвался на призрак Чёрной Белочки.

— Обожди, вроде бы я тебя знаю! — указал он на сатира. — Ты же этот, как его, ручной сатир Атамана! Точно! Кажись Фантомас?! Да?

— Меня никто не приручал, это во-первых, — недовольно наморщил лоб Фавнус. — Во-вторых, я не Фантомус, а в-третьих, откуда у тебя такая информация и не “стукачок” ли ты, мил-человек?

— Али не признал ты меня, — хлопнул себя по колену швейцар. — Я же Гри... то есть Триша Серый. Ну из “яриловских”, вспомнил?

Алексей внимательно осмотрел менявшееся красками во всполохах неона лицо швейцара.

— А меня узнаёшь ли ты, Триша?

— Ёшкин кот! Атама... — вскрикнул Гриша Бледный (а это, как мы с вами интуитивно догадались, был никто иной), и Алексею пришлось прикрыть ему рот рукой во избежание всякого рода недоразумений и прошептать тому на ухо:

— Здесь меня зовут Воин С Того Света, его, — кивнул на сатира, — Анонимус, этих, — повёл глазами в сторону подошедших близнецов с котом, — Пинта, Пихта, а учёного кота величают Панкратионом.

Растолковав, кто, что и почему, Алексей убрал руку с обрадованного лица Гриши.

— Я рад вас всех видеть! — окончательно сбросил “швейцарскую” спесь Бледно-Серый. — Жаль, что вы тоже, как и мы, преждевременно и скоропостижно. Только не говорите, что и вас “огрызки” завалили!

— Триша, ты будешь смеяться, но мы сюда по делу.

— ???

— Мы не мертвы, мертвы не мы, — сказал Лёха. — У нас просто очередное задание, и нам надо укрыться до рассвета. А кто это “мы”, ты что, здесь не один?

— Как и положено, со мной моя бригада, точнее, все три гада, — криво усмехнулся Гриша-Триша Бледно-Серый: Филя, Кося и Ося, — он подмигнул, намекая на законспирированных Космача, Филина и Бзыка. — На “стрелке” с “огрызками” нам всем поровну досталось. Точнее, по полной. То есть, по “пернатой”. По стреле. Эти коварные дундуки снайпера на дубе посадили. Нашу братву по беспределу пустили.

— Сочувствую и соболезную, — положил руку на плечо Бледного Алексей, и чтобы как-то взбодрить того, соврал не моргнув глазом: — Для всех оставшихся там это большая потеря, я бы даже не побоялся сказать — утрата утрат, в натуре.

— А-а, пустое, — повёл плечом Гриша, не проникшись торжественной речью “Атамана”. — Мы здесь тоже недурно развернулись. Вот казино, как ты учил, из обычной корчмы переделали. Клиентурой обзавелись.

— Так это ваше заведение?

— Теперь уже нет, — горестно вздохнул Бледный. — У нас его шулер по имени Гавр, сукин сын, в “дурака” выиграл, а мы ещё ему и должны остались. Мы-то по темноте своей мужицкой думали “шулер” его фамилия. Теперь вот я на дверях караулю, Филя — виночерпием стал, Кося — торопыгой-прислужником, а Ося — полотёром. Правда, Гавр нас по-своему зовёт: меня — “швейцаром”, Филю — “барменом”, а Косю, стыдно сказать, “официантом” при всех обзывает. Вот такие кулебяки.

— А Осю как? — поинтересовался сатир.

— Что “Осю как”?

— Ну, Осю как он переименовал, не пылесосом случайно?

— А никак, — пожал плечами Гриша-Триша. — Полотёр, он и в Африке полотёр, — горе-“швейцар” утёр лацканом рукава нос. — Так всей артелью и отрабатываем должок шулеру в своём же “казине”, Чёрт бы его побрал. Яриловские честные урки-каторжники в услужении у картёжника. Какой, блин, позор!

Бледный замолк с грустной миной на белобородом лице. Обступившие его скитальцы тоже не нарушали мигающей разноцветными бликами тишины.

— Знаешь что?! — нарушил мигающую неонами тишину Алексей. — Судя по всему, этот Гавр однозначно вас надурил в картишки. Здесь стопудовый мухлѐж, нутром чую. Он вас развѐл, а вы купились. Давайте-ка мы вышвырнем этого проходимца из казино, вернём клуб хозяевам.

Почувствовав, что намечается потасовка, братья Лычко приободрились и стали разминаться, вращая своими бычьими шеями и гиреподобными кулаками.

— Не выйдет, — сокрушѐнно махнул рукой Гриша. — Он нас по-честному обдурил.

Впервые услышав подобное словосочетание, Алексей не преминул уточнить, как так можно обдурить “по-честному”.

— Всё по закону, — ответил Бледный. — Мы сначала договорились, потом ударили по рукам, и только после этого... проиграли.

— Ничего страшного, давайте ещё раз ему по рукам дадим, — предложил Лѐха. — Популярно объясним, что так поступать нехорошо.

И тут вмешался Панкратион.

— Нет, Воин С Того Света, Триша правильно говорит. Лупить Гавра нельзя. Он себя рукопожатием застраховал. Бледному и компании за рукоприкладство аукнется. Они тогда в вечную кабалу к шулеру попадут. Здесь только клин клином.

— Но Гавра ещё никто не обыгрывал, — сказал Бледный. — Земля слухами полнится, якобы он самого Чѐрта обыграл в карты. Эх, если бы мы сначала про это узнали, ни за что бы с ним играть не стали. А с виду дурак дураком, вот мы и повелись на его триста сребреников.

Алексей помолчал несколько минут в раздумье. В картах он был не силен, но и “яриловскую” братву как старых знакомых в беде оставлять не хотелось.

— Слушайте, а если я его уличу в подтасовке и докажу, что он шулер? Можно будет результат игры аннулировать и вернуть казино?

— Теоретически да, — ответил премудрый кот и лизнул лапу. — Но если ходят слухи, что он Чѐрта облапошил, то тебе даже со своими недюжинными способностями и пытаться не стоит.

— Но это ведь неподтверждённые слухи, — поставил Гриша под сомнение свою же новость. Он почему-то сразу и безоговорочно поверил во всемогущество Алексея. — Как говорил один старец по имени Иосиф (не игумен, а другой, тѐзка его) “попытка не пытка”. Здесь, в Предисходней, всё может стать. Только аккуратнее будьте с братцами его.

— С какими ещё братцами? — насторожился сразу сатир.

— С Минотавром и Мулотавром, — доложил новую информацию Гриша. — У них с этим сукиным сыном мать общая, а отцы разные. Анонимус, ты ведь должен был слышать про эту семейку?

— Постой! Это не те братья, что уродились у королевы Зофелии, покуда её достославный супруг Амур ходил войной на соседей? — всколыхнулась в памяти Фавнуса стародавняя история.

— Они самые! — кивнул Бледно-Серый. — Молва ходит, что её поаяренности отмычкой гастролѐры залѐтные, кажись из ансамбля “Обременские менестрели”, вскрыли. Вот она и разродилась опосля таким необычным потомством: Минотавром, Мулотавром и этим сукиным сыном, Гавром. Теперича этот Гавр нами вертит как своей собственностью. Эх-ма!

Триша смахнул скупую “швейцарскую” слезу.

— Решено! — твёрдо сказал Алексей, приняв решение. — Я сделаю вид, что хочу сыграть с ним, а когда он начнёт мухлевать, я схвачу его за руку.

— Bravo! Bravo! — громким шёпотом захрипел Бледный. — Тебя нам сам Бо... кхе-кхе, само Провидение послало. Проходи, Воин, иди и покажи им, как играют рублёвские авторитеты. — Гриша распахнул двери настежь. — Ты его сразу узнаешь. Самый дрыщ там, а поблизости с ним всегда два уroda.

Алексей сделал шаг вперёд.

— Стой! — крикнул кот, не веривший до конца в то, что Лёха согласится на эту гибельную авантюру. — Ты забыл, зачем мы здесь?!

— Не слушай кота, Команд...дор, — чуть не проговорился сатир, обращаясь к Круглову, но ловко поправился. — Кто не рискует, тот не пьёт “гасконского”!

— Мы тоже во все глаза за Шулером следить будем, — подбодрили остановившегося командира близнецы. — Выведем его дружиной нашей на чистую воду, Командор.

Братьям тоже пришлось по душе придуманное сатиром новое обращение к Алексею.

— Вот видишь, — извиняющимся тоном обратился Алексей к коту. — Большинство голосов. Ложь должна быть наказана. Надо помочь мужикам.

— Азартные игры до добра не доведут, — проворчал кот, видя, что ему не остановить Лёху. — Попомните мои слова.

— Да ладно тебе, Панкратион, — по-дружески дёрнул за хвост кота Фавнус. — Не мявкай под руку.

Алексей ничего не ответил, лишь погладил перепрыгнувшего на плечо Триши кота и шагнул в открытые двери.

В накуренном помещении было многолюдно и шумно. За дубовыми столами, покрытыми зелёным сукном, и подле них суетилось разношёрстное сообщество игроков, между которыми сновал с подносом “официант” Кося. Помимо людей, основного контингента заведения, в толпе мелькали недовольные морды тупых, но богатых орков, желанных гостей казино, подозрительных леприконсов и пары-тройки скупердяйских хоббитов, игравших только по мизеру. У сатира глаза лихорадочно загорелись: азартная артель увлечённо “рубилась” на зелёных полях сражений в кости, в домино, в лото и в... шашки. Играли на деньги: на серебряники и золотые, на рубли и доллары, на франки и марки, на гроши и лепты.

Везде хватало проигравшихся наблюдателей-советчиков, но основное внимание завсегдатаев было приковано к центральному круглому столу, где шёл чемпионат Предисходней по картам. За столом сидело несколько вальяжных крупногабаритных особ и один тщедушный нафуфыренный субъект. Алексей сразу определил в нём шулера Гавра. Он по-хозяйски сгребал к себе раз за разом весь “банк” золотых монет, бумажных купюр и казиношных фишек различного достоинства. По бокам от его кресла стояли двое странных накачанных верзил: один здоровяк с головой буйвола с острыми рогами и кольцом в носу, второй — с лошадиной мордой, с которой ухоженная грива спадала на его широкие плечи. Свирепо вращая мордами, они оба следили за игроками. Из одежды на них болтались только кожаные набедренные повязки.

В случае заварушки эти мутанты могли быть серьёзной проблемой, сделал вывод Алексей, впрочем, не очень огорчившись их наличию.

Пока Алексей осматривался и оценивал обстановку, раздался радостный возглас. Стоявший за спиной Гавра верзила с лошадиной головой — Мулотавр, возвестил об окончании “чемпионата”.

— Внимание! В чемпионате наше-игго-го, с позволения сказать, мира по иг-го-го-ре в “Полног-игго-го Дурака” в очередной раз одержал безо-игговорочную победу наш много-гократный призёр, — произнёс с конским акцентом лошадемордый и, набрав в лёгкие побольше воздуха, протяжно провозгласил: — Гав-гав-гав-гавррр!

Раздались дружные аплодисменты и радостные вопли “болельщиков”. Гавр влез на стол и галантно, как это могут только настоящие джентльмены, поклонился и весело помахал... хвостом. Только сейчас Круглов догадался, отчего у этого “сукина сына” было такое “собачье” имя.

— Гавр сделал своё дело — Гавр может уходить! — произнёс “сукин сын”, смахнул выигрыш в мешок, любезно подставленный Минотавром, и, собравшись покинуть приунывших игроков, прыгнул со стола.

— Эй, Гавр! — раздался громкий уверенный голос, перекрывший общий шум казино. — Облапошил людей и собираешься улизнуть безнаказанным?!

Все притихли, ища глазами грозногого наглеца.

А чего его искать, такой решительный голос мог принадлежать только одному человеку — Лёхе.

— Это кто там лает? — взвизгнул шулер, поворачиваясь к Алексею.

— С тобой, собака, не лает, а говорит Воин, Воин С Того Света!

В рядах находившихся в казино игроков послышался недоуменный ропот. Никто доньше не слыхивал о таком Воине и теперь все втихомолку интересовались друг у дружки, кто и что про такого Воина знает и какой пакости от него ожидать. Минутное замешательство прервал растерянно-блатной возглас Гавра.

— Что он сказал?! Нет, вы слышали, что он сказал?! — шулер огляделся по сторонам, давая понять собравшимся, что это он специально “по непонятиям базарит”, дабы разобраться с заносчивым выскочкой только в словесной перепалке. — Меня, Гавра Беспроигрышного, какое-то бородастое мужичьё словом грубым поносить будет в моём же заведении?! Да я его знаете что? Знаете?

Он не успел озвучить страшную кару, которую собирался ниспослать на голову Алексея, потому как в разборки вмешался его брат-рогоносец.

— Братан, давай мы ем-муу с Му-улом бока намнём и вышвырнем-м на му-усорку, — зычно промычал на человеческом Минотавр.

— Я сог-игго-го-ласен! — заржал Мулотавр и оскалил лошадиные зубы, намереваясь преждевременно запугать Алексея своим оскалом.

Тут не выдержали стоявшие по бокам от Круглова брата Лычко.

— Командор! — запомнил-таки новое звание Алексея Антип-Пинта. — Чего молчишь, дай команду и не сомневайся, мы этим получеловекам и рога обломаем, и зубы выбьем...

— И нюшку разворотим, и хвост оторвём! — закончил за брата предложение Архип-Пихта.

Пространство вокруг стола резко расширилось. В кругу осталась стоять шестёрка насторожённых супротивников: боевое звено Алексея и боевое звено Гавра.

— Ты вообще кто такой? — поняв, что бородастый не один, шулер сбавил обороты. — Тебя вроде бы в списках участников и приглашённых не было. Откуда ты здесь взялся?

— Я бродячий Воин С Того Света, — ответил Круглов, окутываясь ложной “дымовой” завесой тайны. — Иду туда, не ведаю куда, появляюсь там, где шум и гам.

— А-а, так бы и сказал, что побродяжка, — расслабился Гавр. — Таких как ты “воинов” здесь знаешь сколько с того или иного света шастает? Что там вы, служивые, особо не шиковали, что здесь вашему брату “бомжевать” приходится. И за какие такие, спрашивается, идеалы вы на том свете живот свой положили? Нигде вас не жалуют ни славой, ни рублём. — Гавр подал знак своим зверобратьям расслабиться. — Успокойтесь, братки, они безвредны, скажите официанту, пусть отведёт их на кухню и покормит остатками какими-нибудь.

“Завеса” получилась какой-то дурацкой и теперь пришла очередь Лёхе возмущённо переглядываться с близнецами, потому как больше не с кем — сатир куда-то запропастился ещё в начале заварухи.

— Гавр, ты не на того напал! — подобрал правильные на его взгляд слова Алексей. — Я тебе не побродяжка, я, реально, Воин С Того Света.

— Я и не собирался на тебя нападать! — криво усмехнулся шулер. — Это ты на меня бочку почём зря катишь, батон крошишь и терпение испытываешь, — и тут до Гавра дошло, что, возможно, этот “войка” контуженный. — Ну всё, кто старое помянет, тому мозг вон. Если больше вопросов нет, тогда проваливайте отсюда подобру-поздорову.

Не нравилось Алексею, когда его не воспринимают всерьёз, ох как не нравилось.

— Что же ты, сукин сын, кобелина стоеросовая ерепенишься?! — сурово произнёс он, давая понять, что с головой у него всё в ажуре. — Зачем делаешь вид, что не понял по чью душу я здесь?!

— Вот достал! — устало вздохнул Гавр. — Чего тебе надо, в конце концов можешь сказать?

— Я друг Триши Серого и его дружков, бывших хозяев заведения, которое ты у них мошенничеством выудил, да и их заодно поработил.

— Ах вот оно что! — сказал Гавр и презрительно усмехнулся. — Ловкость рук и никакого мошенничества! — шулер уже более внимательно оглядел Лёху. — Ты, значит, заодно с этими неудачниками? Что, тоже хочешь сыграть со мной?

— А то!

— Но с тебя и взять нечего. Если я соглашусь с тобой играть, что на кон поставишь? Себя, что ли?

— Может, и себя.

— У меня уже всё есть, вот только шута личного нет. Коли проиграешь, пойдёшь ко мне шутком на тысячу лет.

Алексей задумался.

Все фибры его возмущённой души проголосовали за сиюминутное и немедленное избиение наглой твари, потешавшейся над ним и его знакомыми на виду у всех. Такое он ещё никому не прощал. Но холодный разум разведчика-диверсанта нашептал ему мантру успокоения. Он напомнил, что диверсант в любой ситуации должен иметь чистый разум, дабы в данном конкретном случае вывести лжеца и шарлатана на чистую воду. Где-то глубоко внутри его животная интуиция подавала слабый голосок отчаянья, пытаясь отговорить Лёху от пусть и очень благородного, но чересчур рискованного поступка. Правда, оскорблённое самолюбие и жажда мести легко заглушили слабый голос интуиции и подсказали окончательное решение хозяину.

— Ладно, я согласен! — заявил Лёха, взвесив три “за” и пять “против” и почему-то решив, что “за” “перевесили”. — Только с условием.

— С каким?

— Если я словлю за руку, как ты мухлюешь, то ты возвращаешь казино Трише и компании и проваливаешь отсюда навсегда, хоть к самому Чёрту.

— Джеймс Чёрт меня не примет, я и его однажды одурачил в карты, — проворчал горделиво Гавр. — А так будь по-твоему. Более того, я сыграю с тобой три раза, и ежели за эти три раза ты словишь меня на подтасовке или сможешь выиграть (окружающие весело захихикали), хоть единожды, забирай тогда и казино, и слуг моих, и меня с братьями. Идёт?

— Идёт!

— Тогда по рукам?! — Гавр протянул руку через стол.

— По рукам! — Алексей пожал руку шулеру, до конца не осознавая, на что обрекает себя, и, не отпуская руки противника, добавил: — Только пускай карты сдаёт кто-то другой, не ты и не я.

— Замётано!

Гавр огляделся по сторонам и, увидев сидевшего к ним спиной Фавнуса, указал на него:

— Ни вам, ни нам! Пойдёт?

Алексей согласно кивнул.

— Да, хлюзда на правду выведет! — произнёс он высокопарно, подразумевая под этим девиз “пусть победит сильнейший”.

Минотавр подошёл к столу и, вытащив за шкуру разыгравшегося в кости сатира, принёс его к столу, за который уже присели Лёха и Гавр. Шулер смерил взглядом расстроенного сатира, которому так фартило за тем столом и которого так бесцеремонно вытащили из-за него.

— Братан! — без тени иронии произнёс Гавр. — У меня спор с этим э-э, фраером. Ты бы не мог потасовать и раздать нам карты? Как сторона сугубо незаинтересованная.

Не понимая, шутит шулер или говорит на полном серьёзе, Фавнус молча поглядывал то на Лёху, то на Гавра.

— Ты вообще карты видел когда-нибудь, братэлла? — поинтересовался шулер у Фавнуса, развернув веером колоду перед его носом. — Или это что-то новенькое для тебя?

— И впрямь, братишка, сдай нам картишки, — незаметно подмигнул сатиру Лёха. — По шесть на брата и козырь под колоду.

— Э-э, нет! — погрозил пальцем сатиру Гавр. — Дабы не утруждать тебя, мы в “триньку” сыграем. Раскидай нам по три карты.

— Как в “триньку”?! — всполошился Алексей, в “дурака” он играл хорошо, а в “триньку” из рук вон плохо, да и игрой это назвать было трудно. — У нас такого договора не было.

— А это, считай, моё условие, — мерзко ухмыльнулся шулер. — Я ставлю на кон казино. А ты?

— А я себя, — махнул угрюмо рукой Круглов, деваться-то некуда.

От таких ставок сатиру стало дурно. Делая вид, что ему вовсе и неинтересно пари, он дрожащими руками растасовал колоду крапленых по самое “не хочю” карт и, раздав каждому по три карты, положил колоду по среди стола. Гавр поднял свои карты и аккуратно, чтобы другие не видели, заглянул в них. На его лице отобразилась лёгкая озабоченность. По всему было видно, что с картами у него не всё в порядке. Колода лежала

посреди стола, а за каждым его движением следило несколько десятков пар глаз, включая внимательный взгляд Алексея.

— Ну что, вскрываем? — спросил, внутренне уже радуясь успеху, Алексей.

— А-а, что? — рассеянно пробормотал Гавр и почти по-настоящему чихнул.

Этого не могло быть. Ведь мёртвые не чихают. Алексей усвоил этот урок ещё в самом начале, от сфинкса. Гавр притворился, что чихнул. А это значило...

— Что же вскрываем, — уверенно сказал Гавр и бросил карты на стол.

Перед глазами изумлённой публики на стол упали три “туза”. Алексей протёр глаза, но “тузы” так и не превратились в “девятки” с “вольтами”. Он перевернул свои карты — семёрка пик, король крести и десятка бубей, всего двадцать одно очко, в данной партии не составляли конкуренции трём тузам Гавра.

— Вот ты и проиграл себя, вояка, — усмехнулся шулер и придвинул колоду к Фавнусу.

— Но ты ведь смухлевал, я чувствую это! — в сердцах произнёс Круглов, упустив шанс “наказать” мошенника в первой же партии.

— Так ведь никто не видел, — ехидно ухмыльнулся шулер. — Так что доказательств нет. А коли так, зазря не разглажь пустопорожней ерунды.

Сатир, взяв себя в руки, более тщательно перемешал колоду и с замислением сердца раздал по три карты игрокам.

— Я на кон ставлю своих слуг, — щёлкнул пальцами Гавр. — Тришу, Филю, Косю и Осю. А ты?

Алексей похлопал себя по карманам и осмотрелся по сторонам.

— Командор, ставь нас! — дружно попросили братья Лычко. — Мы всё равно его выведем на чистую воду.

— Согласен! — не дожидаясь ответа от Лёхи сказал Гавр и поднял свои карты.

В этот раз шулер вновь нахмурился, увидев, что раздал ему сатир.

— Твоими руками только приговоры подписывать, — невежливо отозвался Гавр о раздатчике карт. — Ну да ладно! Апчихи!!! — вновь “не по-настоящему” чихнул шулер, и вновь никто ничего подозрительного не заметил. — Вскрываемся!

Гавр бросил на стол карты, и все увидели неизменную “триньку тузов”.

Алексей перевернул свои карты и застонал. У него красовались две “дамы” и “валет”. Раздача ещё хуже, чем в первый раз.

— Что же, по последней и по домам?! — подмигнул почти по-дружески шулер Алексею. — Я ставлю на кон себя и братьев. А ты?

Поникший Алексей лихорадочно обдумывал, что он может ещё поставить на кон.

— Командор, ставь меня на кон! — не выдержал Фавнус, выдав себя и Лёху.

— Опачки! — обрадованно хлопнул в ладоши Гавр. — Да тут против меня целая банда мошенников орудует. С подставным лицом. Ай-яй-яй! А ещё меня “на чистую воду” вывести хотите. Вот я сам и поймал за руку ОПГ — организованную преступную группировку. Ай да я!

По залу вновь пошёл недовольный ропот.

— Слышь, Гавр, — высказался один из игроков, недавно сидевших за этим столом. — Воин С Того Света не подставлял сатира. Ты сам его выбрал. Дай ему шанс сыграть в третий раз.

Гавр сделал вид, что обдумывает предложение игрока.

— Хорошо, пусть сыграет в третий раз со мной, только у меня первое условие: тасую и раздаю карты я сам. А второе условие: пусть поставит на кон что-нибудь существенное, сатир мне не нужен.

По залу вновь прошёл недовольный ропот.

— Что я могу поставить на кон? — утрюмо развёл руками Алексей. — Я проиграл себя, проиграл своих товарищей, у меня больше ничего нет.

— На нет и суда нет! — сказал Гавр и встал из-за стола. — Ты теперь мой шут, неудачник!

— Стоять! — Алексей с силой ударил кулаком по столу, так что все вздрогнули, а из его рукава выкатилось надкусанное с двух сторон яблоко.

— Ишь ты! — удивился фокусу Круглова шулер. — А это что за огрызок?

— Это запретный плод, — произнёс Алексей, не менее удивлённый внезапно выпавшему яблоку. — Тот самый, с Древа познания.

— Ты шутишь! — зачарованно обнюхал фрукт Гавр. — Ай да и впрямь это, судя по запаху, самый сладкий плод. Откуда он у тебя?

— Неважно. Я его ставлю на кон!

Алексей шёл ва-банк, ему терять уже было нечего, коли себя проиграл, то и от плода теперь пользы немного станется.

— Идёт! — быстро сообразил Гавр, что к чему. — Отведав его, я стану самым мудрым шулером во всех мирах, я смогу обмануть даже смерть и вернуться назад.

Гавр молниеносно растасовал колоду и раздал себе и Лёхе карты.

— Я выиграл! Я выиграл! — радостно закричал шулер и, не глядя на лежащие на столе карты, схватил яблоко и прижал его к груди. — Теперь я карточный гений!

— Три “туза”, даму-уы и джентльму-уены! Му-уаля, — перевернул за него карты Минотавр.

Толпа “болельщиков” жалостливо зашепталась.

Алексей обречённо поднял свои карты и заглянул в них: две “шестёрки” и “валет” черви. Это полный крах. Прощай, мой мир, прощай, их мир, прощай, моя принцесса, прощайте все...

Алексей бросил карты на стол и уткнулся лицом в ладони.

Всё, конец!

Гавр праздновал победу.

Лёха так и не смог уличить шулера в мошенничестве. Он так и не смог выиграть у этого ловкача.

Вдруг раздался тихий шёпот.

— Смотрите, смотрите, Воин С Того Света открыл свои карты. У него, у него “тринька шестёрок”. Он обыграл Гавра, — голос принадлежал одному из игроков, завсегдагаев казино. — Это обыкновенное чудо! Ваш Командор обдурил Гавра!

Алексей сначала подумал, что над ним просто надсмехаются. Но к шёпоту игрока прибавился одобрительный гул окружающих стол людей и нелюдей.

— Гляньте! Три шестёрки! Они бьют трёх тузов! Молодец! Молодец! Командор-чемпион!

Гавр, всё ещё прижимавший к груди запретный плод, обернулся, скептически посмотрел на карты Круглова и... побледнел.

— Это блеф, это мираж, это шулерство! — завопил он, поскуливая по-собачьи. — Он не мог... Я сам ему подтасовал шваль... “Джокера” у него не было!

Услышав истошные вопли Гавра, Лёха поднял голову и взглянул на карты: две “шестёрки” и “джокер”, итого “тринька шестёрок”, а по правилам только они бьют “триньку тузов”.

Это победа!

— Вот ты и проиграл, и к тому же “расколосся”, что мухлюешь, — произнёс игрок, ранее просивший дать шанс Лёхе. — Вертай-ка наши денежки, Гавр, и выметайся из казино Воина С Того Света!

— Вертай! Вертай деньги, шулер! — заголосола толпа, вводя в ступор поникшего Гавра. — И выметайся! Вали! Вали!

Гавр, обезумев от невиданного краха и позора, вскочил на стол и, прижимая к груди яблоко, завизжал, словно ему наступили на хвост:

— Миня, Муля, они нервируют меня, гасите этих пройдох! Они нас обдурили!

Началась давка. Минотавр и Мулотавр ринулись сквозь толпу к Алексею. Видя, что Командир находится ещё в прострации, им наперерез кинулись Архип и Антип. Между бойцами завязалась нешуточная битва. Сатир, узрев обезумевшего Гавра, готового вот-вот вонзить свои зубы в запретный плод, запрыгнул на стол и, схватившись с тем, стал вырывать плод из рук шулера.

Алексей, не обращая внимания на завязавшуюся потасовку, смотрел на “джокера”. Он ведь точно помнил, что видел “валета” черви, а как вместо него оказался “джокер”??? Ай да цыганка, ай да баронесса! Её рук дело. Но как, как?!!

Круглов продолжал размышлять, не обращая внимания на уже вполне организованную битву.

К этому времени помимо братьев с одной и с другой стороны к потасовке присоединились и остальные игроки, разделившиеся на болельщиков “за” и “против”, и так как за Лёху было гораздо больше “за”, чем “против”, то “наши” теснили противника, точнее, лупили более результативно. Антип, выплеснувший в краткосрочном поединке свою ярость, уже давно сидел на поверженном Минотавре, откинувшись спиной на стену, и лениво наблюдал, как Архип всё ещё пытался выбить оставшиеся зубы Мулотавру, продолжая безжалостно метелить последнего со всей дури.

— МИ... МИ... МИ... — пытался позвать на помощь своего братца Мулотавр, смешно болтая лошадиной мордой под тяжеловесными ударами Архипа. — МИ... Ми... ми-ли-ция, — прошептал он из последней лошадиной силы последнее же, что пришло на ум, и окончательно потерял сознание.

Вскоре битва пошла на убыль. В бою остались только два “бойца”: Фавнус и Гавр, боровшиеся за Запретный Плод. Обезумевший Гавр изловчился, сбил сатира с ног и наступил тому на грудь. Оставшись один на один с яблоком, Гавр победоносно оглядел казино и (о нет!) вонзил зубы в заветный фрукт.

Раздался страшный хруст, и Фавнуса осыпало брызгами взорвавшегося плода и пеплом шулера. Это всё, что осталось и от яблока, и от Гавра.

Шулер захотел заполучить не принадлежавшее ему и был сражён молнией возмездия.

От вспышки молнии очнулся Алексей и сразу принялся искать Запретный Плод. Правда, искал он недолго. Сатир честно указал ему на то место, где сейчас находились остатки плода, то есть на себя, но сразу же, во избежание неприятностей, растолковал, кто виновен в порче продукта питания.

— Это полный копец! — мрачно констатировал Алексей факт утери архинеобходимого фрукта.

— Да брось, Командор! — подошли весёлые братья Лычко, они-то отвели душу на Минотавре и Мулотавре. — Ты только скажи, и мы с тобой к этому Дереву за яблоками потащимся через все невзгоды, тяготы и лишения.

— Главное, что мы выиграли и в кабалу к Гавру не попали! — подобрал ободряющие слова сатир и потряс головой. — Блин как в ухе звенит. Кто угадает в каком?

Лёха смерил сатира тяжёлым взглядом и ничего не сказал.

В принципе сатир и братья правы. Пусть не придётся целоваться с принцессой никогда, зато свою миссию они должны выполнить. Там целый мир, ну кто ещё не уснул, только на них молится и уповаёт. А опосля, если всё выгорит, старцы ему, глядишь, ещё какую-нибудь идею насчёт принцессы подкинут. Ну, Чёртушка, держись!

— Что же, пора в путь! — Алексей развернулся к выходу, возле которого суетился хозяин казино Триша Серый, выпроваживая гостей прочь. — Ну что там, Триша, рассвело?

— Так точно, Командор! — отрапортовал Триша. — Можно идти на приступ!

— Да ты расслабься, Триша, — грустно улыбнулся Круглов. — И сними свой “Тришкин кафтан”, ты теперь не “швейцар”, а хозяин своего “Рояля”. Надень вон кафтан Минотавру или второму звероголовому, они теперь у тебя в должниках, если не хотят вслед за братцем исчезнуть.

— Спасибо тебе за всё, Воин С Того Света, — вновь утёр скупую, но теперь уже “хозяйскую” слезу Гриша Бледный, он же Триша Серый. — Никогда мы тебе этого не забудем. Никогда-никогда!

Алексей с товарищами вышел во двор. Серое утро с теми же свинцовыми тучами не особо поднимало настроение, но и несмотря ни на что не расстраивало как прежде.

Бледный с Филей, Косей и Осей тоже вышли проводить своих спасителей-освободителей.

— Пусть всё у вас получится, друзья! — сказал Триша и вновь смахнул слезу.

“Наверное, я старею, коль стал таким сентиментальным”, — подумал Бледный уже почти не скрывая своих скупых слёз и... заревел.

— Ну ладно, будет тебе рублёвский авторитет, — потрепал Алексей Тришу по щеке. — Ты вот лучше мне открой тайну на прощанье.

— Всё что знаю, как на духу! — откликнулся Триша.

— Почему всё-таки казино “Рояль”? Откуда название такое?

Триша переглянулся с подельниками и улыбнулся.

— Посуди сам, Командор. Казино “Фортепиано” или “Пианино” не очень звучит, согласись? А казино “Клавесин” — так и вовсе глупо. Остаётся только казино “Рояль”, и звучно, и солидно. Вот.

— Логика железобетонная, — оценил юмор Лёха. — А коли серьёзно?

— В смысле?

— Я спрашиваю, на самом деле, откуда такое название получилось?

— Если честно, то чёрт его знает, — пожал плечами и смахнул слезу Триша. — Точно, Чёрт точно вам скажет, откуда такое название, если моя версия не нравится.

— Не хочешь говорить, не надо, — абсолютно не обидевшись, сказал Круглов, плюнул на это дело и тут же забыл. — По мне хоть “Три шестёрки” обзовите. Кстати, а где наш Панкратион?

— Не знаю, улыбнулся хитро так, сказал что по делам и смылся, как только вы вошли в казино, — ответил Триша. — А что он вам денег должен?

— Нет, просто он нас вёл к Чёрту в гости, вроде как “Сусанин” наш. А теперь куда идти, где замок чёртовый искать, мы и не знаем.

— А что его искать, обернитесь назад, — посоветовал Триша.

Алексей и компания последовали его совету и... ахнули.

Посредине между ними и горизонтом стоял мрачный готический замок. Его острые башни, пронзая серые тучи, исчезали в вышине, а те, что не доставали до туч, венчались чёрными траурными знамёнами с рогатыми черепами. Зрелище было одновременно и удручающим, и завораживающим.

— Это и есть замок Чёрта, Джеймса Чёрта! — запросто произнёс Триша и хлопнул сатира по плечу.

Благодаря Бледному весь гипнотический транс, вызванный одним только видом ужасного замка, у последнего как рукой сняло. Сатир вновь был готов следовать за своим командиром хоть к чёрту на рога, впрочем, почти туда, хотя и не в буквальном смысле, они и направлялись.

— Вам осталось последнее препятствие, — предостерег Триша-Триша. — Это нападающие вратари Чёрта.

— Я так и думал, что без наших футболистов в Чёртовом княжестве ну никак не обойдётся, — высказался по поводу “вратарей” Лёха.

— Э нет, Воин С Того Света, не всё так просто. Это не просто вратари. Это самые неподкупные и принципиальные, самые суровые и несговорчивые стражи ворот Чёртового замка. С ними, говорят, Чёрту долго повозиться пришлось, покуда они контракт подписали.

— Так у него там контрактники на КПП дежурят?! — усмехнулся Круглов. — Ну с этими мы мигом поладим. Вояку вояка узнает и без знака!

— Какого знака? — спросил Бледный.

— Без знака различия, — пояснил Алексей. — Короче, всё ясно, вой на план покажет, какие они там принципиальные. Шагом марш!

Алексей подал команду, и его отряд двинулся на приступ готического замка.

— Ни пуха, ни пера! — услышали они прощальные возгласы Триши и, не оглядываясь назад (потому как примета дурная), подняли синхронно левую руку вверх и также синхронно ею махнули.

Почему-то никому не захотелось крикнуть “К Чёрту!”.

К Чёрту!

Вблизи это строение неведомых зодчих выглядело и вовсе монументально. Крепостные стены и башни замка, сложенные из отполированного чёрного гранита, вызвали бы если не уважение, то как минимум одобрение любого самого требовательного средневекового, да что греха таить, и современного тоже, зодчего. Архитектурная композиция была подобрана с такой продуманностью, что во всём облике здания не было ничего лишнего. Несмотря на то что из нескольких башен мрачного замка только у одной, самой высокой, крыша и шпиль оставались на месте, в то время как у остальных разухабисто поведены в стороны, улыбок эти съехавшие крыши ни у кого не вызывали. Даже черепа, надетые на колья по периметру

стен, казались вполне естественными и уместными украшениями такого объекта, уже не говоря про развевающиеся чёрные знамёна на шпилях башен. Всё было настолько скорбно, траурно и величественно, что кружащая над замком стая ворон на фоне тёмно-свинцового неба не ухудшала, а скорее, только оживляла зловещую картину.

— Грачи прилетели! — неопределённо сказал Круглов, остановившись перед опущенным через ров мостом на цепях. Кого он имел в виду, кружащую стаю или свой отряд, добравшийся до пункта назначения (то ещё скорбное словосочетание), осталось загадкой, так как даже если кто-то из сотрудников его команды и хотел переспросить, то не успел. — Эй! Живые кто есть?! — закричал Алексей без предупреждения, что вздрогнули даже настороженные близнецы. — Выходи по одному!

Придумать более нелепого вопроса в данной обстановке было бы очень трудно. В княжестве мёртвых живые не обитали, а сами народные мстители здесь оказались по спецзаданию, и к тому же обильно проконспирированы, так что пахло от них вполне образцовой мертвечинкой. Но тем не менее на вопрос Круглова ответить было кому.

Тяжёлая поступь копыт послышалась из сумрака ворот. Кто-то или что-то, услышав глупость из уст Алексея, решило взглянуть, кто тут шалит. Это чёртовы стражи, а может, и сам Чёрт чеканит копытом по деревянной мостовой.

Гулкий топот доносится из-под сводов тёмных ворот.

Цокот всё ближе. Топот всё громче. Вот-вот покажется чудище-юдище. Вот-вот покажется на серый свет ворог лютый.

Настроенный на потасовку Алексей сурово нахмурился и встал в боевую стойку. Братья Лычко, также подняв свои кулачищи, замерли по бокам от своего Командира.

“Лучшего места для битвы не найти, — решил сатир, прячась за большой камень у дороги, своевременно вспомнив один из важнейших видов ведения боевых действий: — Грамотная засада уже не однажды исход битвы решала”.

А цокот приближался, приближался и наконец...

— Мать-перемать честная! — (это была цензурная обработка короткой, но чересчур насыщенной речи бывалого прапорщика).

Казалось, уже ничто не могло удивить Лёху, но очередная встреча была, как говорится, “из ряда вон”.

А в чём же подвох?!

А всё дело в том, что из ворот замка выехали на боевых лошадках, в полном боевом облачении, в доспехах, словно жар горя, ровно три (!) богатыря.

Появись сам Чёрт на лимузине, он бы так не удивил Круглова, как это диво дивное.

Помимо полного обмундирования на богатырских кольчугах были прикреплены бирки-бейджики с именами. Самый крупный богатырь, находившийся по центру троицы, согласно табличке, именовался Ильян Мурмич, справа от него расположился дородный Добран Китич, а по левую руку довольно молодой Алеко Попич.

“Сербы, — сразу догадался по именам Алексей и с уважением отметил про себя. — С этими точно договориться не получится. С ними и НАТО, и даже ООН всё никак не договорятся. Упёртые ребята”.

— Кого черти сюда притащили? — совсем без злости и пафоса поинтересовался сидевший на центральном коне богатырь Ильян Мурмич, судя по весу и бороде, начальник своеобразного караула.

— Мы сами притащились, — ответил Круглов, тоже выдерживая спокойный тон.

— Куда притащились? — спросил “начкар”.

— К Чёрту.

— И какого чёрта вам надо у Чёрта?

— Нам Чёрта и надобно, — сказал Лёха, предчувствуя долгие переговоры, и попытался ускорить переговорный процесс. — Он нас в гости приглашал.

— Кажи билет пригласительный иль пропуск разовый, а так ни-ни, обойди вправо али влево.

Богатырь был и впрямь непреклонен в своих речах. Тогда Лёха решил “обойти слева”.

— Ой ты гой еси, люди добрые. Люди добрые, добры молодцы, — Круглов попытался воззвать к их совести. — Добры молодцы да богатыри. Да защита, надёжа земель сиротных. Эка невидаль, служба ратная, суть превратная, супостатная...

— Ближе к делу, — перебил главный богатырь. — Неча пред нами словоблудием изгаляться. Не оценим.

— Коли есть что сказать, аргументируй, — подал голос богатырь Добран Китич, сидевший от правой руки главного. — Коли нет, от ворот поворот организуй незамедлительно.

Такая деловитость со стороны былинщиков Лёхе пришлась не по душе, но он всё ещё надеялся разрешить ситуацию мирным путём.

— Не извольте гнать, а извольте слово молвить.

— Излагай ясно и толково, — Ильян Мурмич положил правую руку на луку седла, а левую на рукоять своего меча. — Сразу оговорюсь, не проси пропустить, на совесть не дави, честью-доблестью нашей богатырской не попрекай. Теперь выражайся, слушаем.

Алексей собрался с мыслями.

— У меня вопрос, ой ты гой еси... — заговорил Алексей, как ему казалось, на древневецком, но, увидев как сморщился “начальник караула”, переключился непосредственно на вопрос. — Вы же самые что ни есть герои земли горемычной, как-таки допустили, что в услужение к Чёрту попали?

— Ты, мил человек, службу ратную-контрактную с раболепным услужением не путай! — свёл грозно брови богатырь. — Мы Чёрту не слуги. У нас взаимный договор на оказание охранных услуг.

— Сроком на один век, — дополнил Алеко Попич. — То есть на сто лет.

— Из них мы девяносто девять уже отдежурили бессменно, — продолжил главный. — А через год, уже даже меньше, мы с поста снимаемся. Так что приходите через год.

— Год — это довольно много, богатыри, — сказал Алексей, приблизившись к великолепной троице. — У нас дело джоже важное. Чёрт проклятие на целый мир наслал и принцессу в заложницы захватил. Передал мне через вот них, — кивнул на братьев и вылезшего из “засады” сатира, — чтобы я лично к нему прибыл для разбирательства. Мы столько прошли, а здесь свои люди — и не пускают. Вы бы, может, доложились о моём прибытии.

— Не велено! — сказал как отрезал Добран Китич. — Джеймс Чёрт занят больно. Просил его ни в коем случае не тревожить. Он с новой наложницей сейчас любовью занимается.

От этой новости Алексея бросило сначала в жар, после в озноб, затем вновь в жар и т.д. Увидев, что с ним творится что-то неладное, богатыри на всякий случай обнажили свои мечи.

Собираясь в отчаянии кинуться на прорыв, Круглов всё-таки переборол себя и взял в руки.

— И давно он с ней так называемой “любовью” занимается? — сквозь зубы процедил он.

— Да, поди, уж дня три не появлялся, — ответил Ильян и как бы между прочим рубанул мечом воздух перед конём.

— Ах ты, драбадахты! — растерянно произнёс Круглов и тоже рубанул рукой воздух. — Бедная принцесса.

В воздухе запахло прелюдией к “рубилу”.

— И как вы, богатыри, можете молчаливо наблюдать за эдаким произволом, — взмолился Лёха, вновь нажимая на жалость. — На ваших глазах такое творится, а вы тихо-мирно дежурите.

— Не жалости нас, воин, — хмуро проговорил Мурмич. — Не по душе нам делишки Чёртовы, да контракт у нас. А мы люди чести, и слово наше, а тем паче, подписью нотариально заверенной, нерушимы аки чело Святогора.

— Чёрт нам услугу оказал, за безделицу, — открыл тайну своего контракта Добран. — Мне, например, за убиение василиска Васыги, дрянного дракоши, каторгу обещали применить. Василиск тот людям грубил, ругался нецензурно, скот воровал себе на барбекю. Народ ко мне с челобитною пришёл, я и не смог отказать. А когда сошлись мы с Васыгой на Калиновом мосту, что над Рябиновой плотиной, тут уж я не на шутку разошёлся: Васыгу нашинковал, а мост и плотину в щепки порубил случайно. Тогда несколько деревень нечаянно и смыло. По совокупности “подвигов” мне “светило” ровно тридцать лет и три года. И ежели бы не Чёрт со своим адвокатом, куковать мне взаперти до скончания веку, а так я ещё много добра людям принёс, пока не преставился. Вот он мне и предложил эти тридцать три годка у него в стражах отслужить.

— А я на паперти скудоумным попрошайкой клянчил милостыню тридцать лет и три года, молясь за то, чтобы не оскудела рука дающего, а поповичи половину навару отбирали за “аренду” паперти, — поведал и свою историю Алеко Попич. — Так Джеймс Чёрт меня и силушкой и умишком наделил, дабы добро людям творить: там войско половецкое половником разогнать, поповичей отмутузить, али ещё что. Только пред этим предложил договор подписать, дабы те тридцать лет и три года, что я молился неустанно, у него во “вратарях” прослужить. Вот оно как.

— Ну а моя история и вовсе мрачная, — не остался в стороне Ильян Мурмич, ему тоже было о чём вспомнить. — Я ровно тридцать лет и три года на печи пролежал без дела. Лежал себе, думал, будто паралич, что сызмальства меня разбил, до последнего дня проклятьем мне останется. Ан нет, Чёрт смесью напоил: колодезную, родниковую и дождевую воду смешал и поднял меня на ноги. С тех пор вообще не лежу. Ну а за это и мне договор пришлось подписать на сторожевую службу. Ровнёхонько на тридцать лет и три года.

Выслушав все три истории, Алексей вместо того чтобы огорчиться, захохотал.

— Ты чего это скалишься? — спросил Ильян, недобро взглянув на Лёху. — Али весело тебе от мытарств наших прежних?! Мы тебе всё как на духу... ты же на неприятность, гляжу, нарочито напрашиваешься.

— Весело мне не от того, что вы поведали, а от того, как вас Чёрт одурчил, причём не одиножды, — перестав веселиться, ответил Круглов.

— Ну-кась, поясни, — Мурмич потрепал своего коня по холке. — Как это он нас одурчил дерзновенно.

— А просто, — выставил указательный палец вверх Лёха. — Во-первых, каждый из вас, если и обязаны служить Чёрту, то только по тридцать три года, ну никак не век. Это раз! А во-вторых, даже с учётом того, что он суммировал все ваши сроки, то получается всего девяносто девять лет на троих, но, опять же, не сто. Поэтому срок контракта у вас однозначно истёк, а значит, вы теперь вольны поступать, как вам вздумается.

Богатыри достали счёты и, щёлкая костяшками, призадумались.

Действительно, по словам бородатого пришельца выходило всё правильно. Чёрт их надурил по-крупному. И теперь они смело могли расторгнуть контракт с ним, чем и не преминули воспользоваться.

— Ты прав, э-э... — сказал Ильян.

— Воин С Того Света! — представился Алексей.

— Так вот, ты прав, Воин С Того Света! — богатырь заложил свой меч в ножны, на сегодня “рубка” отменялась. — Мы честно отдали свой долг Лукавому, будь он проклят, и теперь уходим с чувством долга исполненного. Твой путь свободен. Его ты отыщешь в самой верхней, главной башне замка, у которой крыша ещё не поехала. А это тебе от меня, — богатырь снял меч с ножами и протянул его Лёхе. — Держи, это меч-кладенец. С молитвой на устах ты сможешь им как минимум запугать обманщика прековарнейшего.

— Спасибо! — принял подарок Лёха.

— А это тебе от меня, — Добран протянул Лёхе свой щит. — Носи на здоровье!

— Спасибо! — взял Лёха второй подарок в другую руку.

— А от меня прими шелом богатырский, — богатырь Алеко снял с головы “шишак” и аккуратно водрузил его на голову Круглова. — По мерам безопасности богатырской положено!

— А теперича поспешай, Воин С Того Света, на выручку своему миру, наложнице и остальным! — Ильян посторонил коня, освобождая проход к воротам. — А наша боевая вахта окончена, — богатырь глянул на притихших товарищей Алексея. — А ваше дело, доблестные оруженосцы, прикрыть тылы Воина.

Сказал богатырь и... исчез. Исчез вместе с лошадьёю.

— И то правда... — сказал Добран и тоже растаял.

— Ну чего ждёте, идите-ка вы к Чёрту! — молодецки подмигнул Алеко Попич. — Только с замком смотрите поосторожнее, строение со своими прибабахами, у него, у замка-то, башни немного съехали, оттого чудит иногда. Держитесь рядом! — крикнул напоследок он и испарился вслед за старшими товарищами-богатырями.

А впрямь, чего ждать! Пора к чёрту.

Алексей, теперь не по-детски оснащённый богатырскими атрибутами, помчался вызволять принцессу, ну и, естественно, весь мир горемычный.

Его безоружные “доблестные оруженосцы”, стараясь не отставать, бросились следом.

“Шерше ля фам”

Пробежав плотным гуськом через мощёный дворик, группа захвата поднялась по ступеням парадного входа и, ворвавшись внутрь, остановилась. Перед ними оказалось три мраморные лестницы, все ведущие вверх.

— Какая наша? — спросил Алексей, наперёд зная, что никто из тяжело дышащих рядом не знает точного ответа, и, единолично приняв решение, выбрал центральную лестницу. — За мной!

Группа захвата помчалась по лестнице за Кругловым вверх и... спустилась по ней же с другого конца холла, оказавшись перед вторым парадным выходом.

— Интересно девки пляшут, — изрёк народную мудрость Алексей. — Поднимались вверх, а оказались внизу.

— Как и сказал богатырь, безбашенный замок дуркует понемногу! — предположил сатир.

— Коли так, ищем лестницу вниз! — решил соответственно нелогично действовать и Алексей.

Его бойцы разбежались по холлу в поисках нужного пути.

— Есть, Командор! — крикнул Архип из-за угла.

Все бросились к нему.

За углом оказалась винтовая лесенка, ведущая вниз.

— Архип, спустись, глянть, что там? — отдал приказ Лёха.

— Ес, сэр! — ответил тот и начал спускаться по лесенке.

Через несколько секунд снизу послышался скрип открываемой и тут же удар захлопывающейся двери и радостный крик Архипа... сверху.

— Братцы, спускайтесь сюда вверх по этой лестнице! — Архип стоял около перил верхнего яруса и махал им рукой. — Я уже здесь!

Словосочетание “спускайтесь вверх” звучало довольно глуповато, но для данного замка оказалось вполне закономерным.

— Давайте наверх! — скомандовал Лёха и спустился следом за остальными.

Спустя минуту они уже осматривали второй этаж замка. Он представлял собой длинный основной коридор с множеством дверей и боковых переходов.

— Главная башня вон с той стороны! — сориентировался Круглов. — Значит, нам надо следовать в другую. За мной! — Лёха двинулся по коридору влево, остальные, то и дело оглядываясь и таким образом “прикрывая тылы”, пошли следом. — Держись ближе, не растягивайся!

Через пару десятков шагов команда остановилась на первой развилке.

— Куда дальше? — поинтересовался сатир. — Может, разойдёмся, так поиски ускорятся?

— Нет, держаться будем вместе, — покачал головой Лёха. — Замок свихнутый, всякое может стать.

— Тогда давайте я опять вперёд пойду на разведку?

— Нет, Фавнус, давай в этот раз без инициативы, — попросил Круглов раздухарившегося сатира.

— Ладно-ладно, — проворчал сатир. — Я тогда светить факелом буду!

Сатир подпрыгнул и схватился за вставленный в выемку в стене факел. Обмотанный чадающей паклей черенок факела не пожелал покинуть выемки и, лишь противно заскрежетав, изменил своё положение,

благодаря весу сатира, вниз где-то на двадцать градусов. Фавнус продолжал брыкаться, ухватившись за факел, надеясь всё-таки выдернуть его из стены.

— Всем замереть! — скомандовал Алексей, этот скрежет его чрезвычайно насторожил. — Никому не двигаться!

Близнецы замерли на месте плечом к плечу, а сатир, почувствовав в голосе Командира тревожные нотки, отпустил факел от греха подальше, спрыгнув на пол.

Факел самортизировал в исходное положение, и в тот же миг пол под ногами братьев Лычко провалился. Не успев опомниться, оба близнеца молча улетели в образовавшийся проём. Спустя секунду развернутый пол сомкнулся на месте исчезновения братьев.

— Мама мия! — прошептал сатир и сконфуженно посмотрел на Круглова. — Командор, я, честно, не специально...

— Балбес! — только и сказал Лёха, аккуратно побив пяткой по полу в том месте, куда провалились братья. — Не трогай ничего, ладно?

— Ага! — кивнул удручённо Фавнус и потряс головой. — Как ухо горит! Наверное, они поминают.

— Будем надеяться, близнецы сами выдюжат. Пошли дальше.

Алексей с мечом наизготовку пошёл дальше по коридору, а Фавнус отошёл к противоположной стене, намереваясь обойти “провалоопасный участок местности”, и, прижавшись к стене спиной, приставным шагом двинулся к ушедшему вперёд Алексею. Но догнать Командира ему не удалось. С третьим или четвёртым шагом сатир нечаянно нажал на выступавший из стены камень. Кусок стены внезапно перевернулся, поглотив Фавнуса.

— Ты только не отстав... ой! — оглянувшийся назад Круглов совершенно внезапно для себя не обнаружил за спиной сатира. — Чудеса, да и только.

Обратная сторона стены, вставшая на место прежней, была абсолютно идентична той, по которой пытался так опрометчиво прошмыгнуть сатир, поэтому никаких подозрений у Лёхи не вызвала. А коли так, то и ожидать нечего.

“Моим орлам действовать в отрыве не впервой”, — подумал Алексей, плюнул на всё и заспешил на битву с Чёртом в гордом одиночестве.

Братья Лычко падали недолго. Всего каких-то пять-шесть минут. Говорить про то, что перед их расширенными от ужаса глазами пронеслась вся жизнь, не буду. Только сейчас они вспомнили, что с детства очень боялись такой физической величины, как ускорение свободного падения, но эти вновь открывшиеся факты их биографии были решительно бесполезными и даже, в данный момент, вредными. Тем не менее, стараясь не опозориться друг перед другом, братья продолжали падать в напряжённом молчании. Падали они, падали и, наконец, упали на... чердак одной из башен замка. Сначала вылетел из вентиляционной трубы Архип, а следом, замешкавшийся на пару секунд, Антип свалился на братца.

— Живой? — поинтересовался первым пришедший в себя Антип, лёжа на брате. — Живой али как?

— Еле как, — заворочался, покашливая под ним, Архип. — Вставай, нашёл перину пуховую.

Антип поднялся, проверил себя на отсутствие увечий и переломов и помог более пострадавшему брату, в основном от его же падения сверху, подняться и провести похожий комплекс мероприятий индивидуального медосмотра.

— Целы! — сделал заключение “медкомиссии” по себе и брату Антип. — Значит, годны к продолжению ратной службы.

— Лепотно! — удовлетворённо прошептал Архип (у него ещё болела грудная клетка от братца, поэтому говорить полным голосом он пока не мог). — Куда это нас нелёгкая занесла?

Близнецы осмотрели помещение и сразу поняли, что оказались под крышей одной из башен. Повсюду валялись разные ненужные вещи, под потолком дремало целое семейство летучих мышей, а из маленьких окошек-бойниц просматривалась вся Предисходняя как на ладони.

— Мы на крыше, братка! — обрадованно потёр ладони Антип. — Мы первыми добрались до самой высокой башни.

— Точно! Мы первые из пришельцев на чердачке! — сделал вид Архип, что тоже обрадовался, но тут же напустился на брата. — Да чего ты веселишься?! Как мы спустимся отсель, здесь же нет никаких люков?! Куковать теперь нам здесь бестолково, пока наши с ворогом лютым разборки учиняют.

Сатир, перевернувшись заодно с коварной стеной, оказался стоящим на голове, но так как в таком положении он бывал нечасто, то ему пришлось моментально потерять равновесие и упасть на пол. Догадавшись, каким образом произошло его перемещение с помощью стены, Фавнус начал быстро нажимать на все выступающие из неё камни, намереваясь вернуться в коридор к Круглову.

Так в поисках потайного рычага он обследовал половину мрачной комнаты и всё-таки нарвался на хитрую загогулину. Споткнувшись об эту самую “загогулину” (что это было, точнее сатир рассмотреть не успел), он привёл в действие потайную катапульти и подлетел вверх. Благо хитрый механизм раздвижного потолка сработал одновременно с катапультией, поэтому сатира не размазало по нему, а пропустило на следующий этаж. Так Фавнус оказался в... подвале.

Круглов брёл по коридорам замка, чисто интуитивно выбирая повороты. Он примерно знал, где находится главная башня, и старался уйти в противоположную сторону, дабы, в конце концов, оказаться в нужном ему месте. Лёха уже, как ему казалось, раскусил все уловки сумасшедшего замка. Но не тут-то было. За очередным поворотом он наткнулся на тупик. Ну как тупик, три кованых двери — и всё. Заглядывать в помещения пока не входило в планы Лёхи, мало ли что за ними могло поджидать.

Немного постояв перед дверями, Алексей всё же припомнил один из девизов разведчиков, гласящий “возвращаться дурная примета, я тебя никогда не увижу”, и рискнул проверить, что притаилось за дверями.

Распахнув первую правую дверь, он обнаружил обычный балкон. Выйдя на балкон, Лёха перегнулся через перила и увидел главную башню слева по курсу. Это означало, что ему надо было вернуться немного назад и припугивать по коридору направо. Сориентировавшись в очередной раз и разобравшись с направлением, Круглов покинул балкон. На запыхлённых перилах остались отпечатки его ладоней.

— Обожди ворчать, братка! — не теряя присутствия духа, Антип продолжал осмотр чердака. — Ежели чердак забит этой рухлядью, значит, его сюда как-то затаскивали. Люк должен быть даже у замка со съехавшей крышей. — Антип обошёл сваленные в кучу ящики и коробки и остановился около стоявшего у стены двустворчатого шкафа. — А вот и двери!

— Не открывай! — увидев находку брата, крикнул Архип, сразу и нормальный голос прорезался. — Это же саркофаг. Вдруг опять сигнализация раньше времени сработает, как в прошлый раз! Операцию сорвём!

Антип заглянул за шкаф и, увидев между ним и стеной гроздь пауков на паутине, огорчённо осведомил брата:

— И впрямь странная домовина, а никакой и не выход, — ни он, ни брат и не догадывались, что это обычный шкаф, или почти обычный. — Зачем только гроб “на попа” поставили и ещё двери приделали?

— А затем, что там может быть что угодно, — выдвинул гипотезу Архип. — Лев, например. Давай, наверно, не будем вовсе трогать его.

— Ну ты ляпнул, братка. Лев, ха-ха, — прыснул Антип. — Такое только хронике Нарьяну, и то в белой горячке, примерещиться могло. Этот гроб весь в пыли и паутине, давай всё же посмотрим, что в нём.

— Не надо! — крикнул Архип, но... было поздно.

— Будем выбираться по старинке, — пробурчал сатир оглядевшись, куда же его в очередной раз забросила судьба-злодейка. Желание экспериментировать со всевозможными потайными рычагами у него отпало раз и навсегда. — Надеюсь, в этом склепе нет никаких призраков.

— И не надейся, — глухо простонало у него за спиной и зевнуло.

Фавнус развернулся и увидел прозрачную субстанцию с размытыми чертами лица.

— О, Санто-Клаусия, моменто мори, де ля спагетто соуса, — затараторил гримско-каталитическую прискорбную молитву сатир, сомкнув ладони перед собой в попытке изгнать наваждение. — Денни де-вито идиото...

— Эй, парень, прекрати глумиться, — произнёс, ни в какую не желавший растворяться, призрак. — Бесплотного-то призрака всяк обругать горазд. Завязывай обзывать!

Сатир перестал, мягко говоря, молиться и открыл глаза. Нападать, пугать или ещё как-то будоражить центральную нервную систему Фавнуса призрак, по всей видимости, не намеревался.

— Ты здесь откуда? — держась настороже, спросил сатир у призрака.

— От простуды! — ответил призрак и кашлянул. — А ты зачем здесь?

— Заблудился, — честно признался Фавнус.

Призрак облетел вокруг него и, не найдя ничего подозрительного в искреннем взгляде сатира, предложил свои услуги.

— Да тебе крупно повезло, — расплылась прозрачная субстанция в один большой улыбающийся рот. — Не одну сотню лет я провёл в этом сумасшедшем замке. Я все его закоулки знаю. Вот здесь, например, — призрак трансформировался в руку с вытянутым указательным пальцем, направленный на одну из дверей, — у нашего хозяина яйцесклад.

— Что-о? — поднял брови сатир. — Какой клад?

— Я говорю, там Чёрт яйца хранит, — пояснил призрак.

— Чьи яйца?

— Естественно, чужие.

— Вот садюга! — пролепетал сатир.

— Короче, пошли, покажу, — произнёс призрак и просочился сквозь дверь. — Открывай, не бойся! — раздался его глухой голос уже из-за двери.

Сатиру ничего не оставалось делать, как последовать за местным гидом.

“Нет, надо проверить оставшиеся двери, — решил Алексей, сначала выйдя в коридор, а затем вернувшись назад. — Вдруг там ещё какие ориентиры будут”.

Он выбрал дверь справа и опять оказался на балконе, точь-в-точь таком же, как и у двери справа.

— Ух-ты! — удивился было Алексей, увидев отпечатки своих ладоней и на этом балконе. Хотя чему тут удивляться, замок сумасшедший, балкон мог и переползти сюда. — Оба-на! — вновь вырвалось у Лёхи: с этого ракурса главная башня виднелась справа по борту и немного наклонена, на манер её далёкой Пизанской родственницы.

“Ага, теперь, значит, надо двигать по левому флангу, — подрассчитал приблизительную траекторию движения Алексей. — Нас на лепнине не проведёшь”.

Круглов вышел за дверь.

Антип отворил дверь шкафа и обнаружил сидевший в позе лотоса скелет.

— Ёлки-палки, здесь труп высохший! — несколько не смутился он находке и, позабыв, где находится, игриво погладил черепушку. — Быть или не быть.

— Ну пусть будет “быть”! — вдруг поднял пустые глазницы скелет. — А в чём вопрос?

Антип от неожиданности отшатнулся, остушился и упал.

— Чур меня! Чур меня! — зашептал он, отползая подальше от шкафа.

— Так я не понял, — скелет переводил взгляд пустых глазниц с одного брата на другого. — В чём вопрос-то?

Архип, не испугавшись говорящего скелета, встал напротив шкафа.

— Здравсте! — поприветствовал он местного старожилы. — Извините за беспокойство. Мы здесь случайно оказались.

— Ладно врать! — миролюбиво попрекнул Архипа скелет. — Признавайтесь, зачем меня искали? Есть неразрешимая задача?

— Да мы просто не знаем, как отсюда выбраться, — ответил отошедший от внезапного знакомства Антип. Время, проведённое рядом с Командиром, обоим пошло на пользу, в плане морально-психологической устойчивости.

— Это и впрямь вопрос непростой, — посетовал скелет. — Здесь раньше люк был, ко мне многие заходили: и “эмо” — наложницы хозяина, и “готы” — его верные лакеи, и сам Джеймс Чёрт с вопросом иной раз появлялся. А после того как хозяину в замке попорукие молдайки ремонт затеяли, меня случайно и замуровали на чердаке. С тех пор забыли все, как и не было меня вовсе. А ведь скелет в шкафу, согласитесь, это такая редкость сегодня, можно сказать, антиквариат. Ну да чёрт с ними. Что я зря здесь торчу? Задайте по одному вопросу, на любой ответчу.

— Так я уже спросил же, как нам выбраться отсюда? — напомнил Антип свой вопрос.

— Вот заладил “как выбраться, как выбраться”, — передразнил его скелет. — Ты давай существенный вопрос задай. Например, где несметный клад Чингичкука зарыт или сколько будет 666 умножить на 999 в процентном соотношении. Вот это я понимаю, сложные вопросы.

— Нет, — махнул головой Антип. — Говори, как выбраться с чердака?!

— Экий ты шепутной, — промолвил скелет. — Вон канат под ящиком, — указал он костяшками в дальний угол. — По нему спустишься вниз.

— И это всё? — расстроился Антип, до последнего надеявшийся на сверхзасекреченный потайной ход с чердака.

— Всё! — иронично хмыкнул скелет. — Я же тебе предлагал насчёт клада вопрос задать. Теперь всё, проехали, — скелет повернул голову к Архипу. — А ты будешь спрашивать или у вас одна проблема на двоих?

Архип почесал затылок.

— У меня следующий интерес, — озарился он улыбкой. — Мне с самого начала заварухи было до смерти интересно, отчего у Чёрта такое имя дурацкое — Джеймс. Ладно там Дябло, Шайтан, Вельзевул, Мефистофель, Змий, Лукавый или Копчёный, нормальные для него прозвища. А это откуда взялось?

— А это, братец, и не тайна вовсе, — ответил скелет. — Его любимые книжки про одного ловкого шныря-лазутчика, в простонародье — шпиона. Там, я сам читал, такая чертовщина, что не приведи господи, столько лжи, врак и мракобесия. Якобы этот шпион на все руки мастер — всех врагов напополам ломает. Вот и взял наш Чёртушка его имя в своё распоряжение. Вот и вся тайна имени.

— И это всё? — в тон брату повторил вопрос Архип. — А мы-то думали...

— А меньше думать надо, больше действовать! — спохватился скелет. — Всё, ваш лимит исчерпан, извольте удалиться, и шкаф не забудьте закрыть.

Архип захлопнул шкаф со скелетом и пошёл к брату, помогать привязывать канат, чтобы спуститься с чердака вниз.

— Да это настоящий инкубатор! — воскликнул сатир, обнаружив за дверью аккуратно разложенные по полкам яйца. — Самая настоящая подпольная птицефабрика!

— Если бы, — напыщенно простонал призрак, удовлетворённый произведённым на экскурсанта эффектом. — Здесь птиц раз-два и обчёлся, остальные более экзотические представители фауны, и все в единственном экземпляре.

Все яйца были практически одинаковыми в размерах и все одного, белого цвета. Различить их можно было только по биркам, прикреплённым на полке рядом с каждым яйцом.

Сатир подошёл к одной из полок, на которой покоились яйца.

— “Яйцо птицы Феникс”, — прочёл Фавнус первую бирку. — Неужели той самой птицы?

— Однозначно! — уверенно кивнул призрак. — Её, родимой.

— “Яйцо Единорога”, — прочитал Фавнус следующую бирку. — А раз-ве единороги не млекопитающие?

— Эх ты, темнота! — попенял на незнание подобных вещей призрак и преобразил свою голову в голову единорога. — Попробуй-ка с таким рогом у мамки титьку пососать, всё брюхо ей распорешь. Эволюция, она брат, вещь умная, потому единороги и яйцекладущие.

— Обалдеть можно! — восхитился сатир выдумке матери-природы и перешёл к очередному экземпляру. — “Яйцо белой вороны”. Эка невидаль!

— Тоже дефицит! — важно заявил призрак. — Читай дальше.

— “Яйцо белой черепахи”, “Яйцо белого крокодила”, “Яйцо белого утконоса”, — продолжал зачитывать названия существ, притаившихся за белыми скорлупками. — “Яйцо белого черномаза”, офигеть, “Яйцо белого дракона”. Яйцо белого дракона?!

— Да! Его самого, — вновь утвердительно кивнул призрак. — Причём в этом яйце самка.

— Дак это же готовая невеста моим сорванцам! — воскликнул сатир.

— У тебя что, дракон есть? — не поверило привидение своим призрачным вытянувшимся ушам.

— А то, мои сынки Союз и Аполлон! — похвалился Фавнус.

— Молодец!

— Не то слово.

Сатир впервые с момента знакомства посмотрел на привидение свысока и перешёл к следующему яйцу.

— “Яйцо белого человека”, — прочитал он и озадаченно уставился на снующего перед ним призрака. — А это как понимать?

— Вообще-то это яйцо снежного человека, — немного замаялся призрак. — Но чтобы не портить цветовой модельный ряд, мы решили подписать его таким вот образом. Всё равно снежный человек имеет густой белый мех, так что это практически правдивая надпись.

— Понятно, а разве снежные люди не млекопитающие? — подозрительно прищурился сатир.

— Эх ты, темнота, друг малохольных! — вновь попенял на незнание естествознания призрак и преобразил свою голову в голову снежного человека. — Попробуй-ка на Джомолунгме в сорокаградусный мороз, да при порывистом ветре у мамки титьку пососать... Эволюция — она, брат, вещь умная, потому снежные люди и яйцекладущие. Закопал в сугроб — и гуляй, Йетя.

— Эх, мудра мать-природа! — чуть не прослезился от такой информации сатир.

— Кстати, и это яйцо женской особи снежного человека, — окутав своей субстанцией голову сатира, прошептал ему на ухо призрак.

— Иди ты! — не поверил тот.

— Да чтобы мне с этого места не сойти! — пафосно произнёс призрак, на мгновение превратившись в верстовой столб с цифрой “666”.

— Дак это же готовая невеста моему Йетитыте! — воскликнул сатир.

— Что, у тебя и снежный человек в сыновьях числится? — недоверчиво простонал призрак.

— Да брось ты! — улыбнулся сатир. — Дружбан мой, по-нашему — кореш.

— А-а, жизнь хороша, когда рядом кореша! — протянул грустно призрак и превратился в трагическую маску.

— А хошь и ты будь моим корешем! — заметив изменение в настроении призрака, вышел с креативным предложением сатир.

— Шутишь?

— На полном серьёзе, — без тени иронии ответил Фавнус. — Ты вроде мужик толковый, а то что бесплотный, так это даже круто.

— Но я, я женщина! — ошарашил Фавнуса своим признанием призрака. — Просто хорохорюсь так.

Сатир, разглядывая во все глаза призрачную женщину, ненадолго замолчал.

— Ну и чёрт с ним! — наконец тряхнул он своими рожками. — Только с бесплотной женщиной может состояться настоящая мужская дружба.

— Дас ист класс! — произнесла, вновь перевоплотившись в обаятельную улыбку, женщина-призрак. — А за это забирай-ка все эти яйца, они всё равно протухнут в склепе. А ты из них настоящих “людей” вырастишь, пусть даже драконов, крокодилов и черепах.

— Спасибо! — отвесил поклон Фавнус. — А есть сумка, куда их сложить?

— Зачем сумка, не надо! — призрак подлетел к стоявшему на другой полке чемодану. — Вот специальный ящик для яиц, с ячейками, чтобы не побились.

— Здорово!

Сатир раскрыл чемодан и стал аккуратно складывать по ячейкам яйца.

— Бери-бери! Всё бери! — подбадривала его призрачная подруга. — И вот это тоже бери, пригодится.

Привидение указало на отдельно стоявшее на полке яйцо, инкрустированное золотом и самоцветами.

— “Яйцо Фаберже”, — прочитал бирку сатир. — Это что за невидаль?

— Не знаю, — призналось привидение. — Оно здесь ещё до меня лежало. Может, это потомок чьих-то предков. Возьми, вылупится, узнаешь.

“Сильно сказано, — подумал сатир, — потомок предков, а ежели это потомок плотоядных предков? Ладно, возьмём на всякий случай, по крайней мере хотя бы самоцветы можно будет выковырять”.

И пресловутое “Яйцо Фаберже” — яйцо “невиданного зверя” тоже было заложено в чемодан.

— Вроде всё! — осмотрел Фавнус опустевшие полки. — Пора линять отсюда. Слышь, друг, — обратился он к трансформировавшейся в прозрачную копию сатира озорной призрачке. — Как мне выбраться отсюда?

— Смотря куда ты хочешь попасть, — деловито ответила та, вновь превратившись в размытое пятно. — Отсюда много ходов всяких.

— Мне бы к моим товарищам по оружию...

Алексей остановился в нерешительности. За последней центральной дверью, судя по выкрутасам замка лёгкого поведения, могло быть что угодно: от джакузи до самой чёртовой опочивальни.

Рискнём!

Круглов распахнул третью дверь и оказался на... том же балконе (те же перила, те же отпечатки пальцев). Он перегнулся через перила, посмотрел влево, затем вправо и нигде не обнаружил главной башни. Тогда он, стараясь не выпасть, вывернулся и заглянул одним глазком за козырёк над балконом.

О чудо! Башня красовалась прямиком над местом его нынешней дислокации. Оставалось дело за малым: взобраться по отполированной,

выдающейся вперёд неприступной стене, ворваться через окно в башню и сразиться с самим Чёртом.

Действительно, раз плюнуть!

— Давай, затягивай, братуха! — держась за один конец каната, Антип упёрся ногой в стену и, подождав пока Архип затянет узел, потянул верёвку, проверяя готовность их немудрёного альпинистского снаряжения. — Крепко! Сойдёт! — заключил он после проверки и выбросил свободный конец через чердачное оконце наружу.

— Давай лезь первым, — великодушно уступил место брату Архип, хоть это было на него и не похожим.

“Жаль, нет верёвки, — размышлял Алексей, не находя других путей решения насущной проблемы. — Можно было сделать аркан и заарканить соседний шпиль, а с него уже “перетарзанить” на главную башню”.

Словно внимая его мысленной просьбе, на балкон спустился закрученный узлами канат и приглашающе заболтался перед его лицом.

“Никак чёртовы шуточки!” — не веря в подобный фарт, Алексей нахмурил брови, но услышав доносившуюся сверху ругань, пересмотрел свои пессимистические взгляды на возможность подарков судьбы и в таком месте.

Сверху слышались недовольные голоса братьев Лычко, которые спускались с крыши главной башни. Как они там оказались, провалившись вниз на глазах у Алексея, тот пока не сообразил, но всё равно обрадовался их компании.

Закинув щит за спину и меч в ножны, Алексей поплевал на руки и, нахлобучив покрепче на голову “шишак”, полез навстречу братьям.

Они встретились ровно посреди каната.

— Командор! Ты откуда? — обрадовался Антип, узрев, чей шлем так немилосердно уколол его в ягодицу. — А мы тебя шукаем.

— Я тоже рад вас видеть, мужики! — взаимно поприветствовал близнецов Алексей и показал им на витражи башни. — Нам надо раскататься и протаранить их.

— Будет сделано! — дружно ответили братья Лычко и начали раскачиваться на канате. Они действовали так слаженно, что не прошло и трёх с половиной минут, как вся троица достигла окна из разноцветных стёкол и, разворотив раму, бестактно влетела в покои Князя Тьмы.

— Становись сюда, — показало привидение сатиру на затянутый паутиной камин в конце инкубатора.

Прижимая чемодан с драгоценными яйцами к груди, Фавнус безрелигиозно продрался сквозь паутину и занял место посреди камина.

— Видишь, кочерга возле стены прислонена?

— Ага, вижу.

— Это рычаг, — пояснил призрак женщины. — Дёргай его и окажешься рядом со своими друзьями.

— Надеюсь, огонь в камине не вспыхнет?

— Нет. Всего-навсего подкинет, опустит, швырнёт, кувыркнёт — и ты на месте, — выдал полный цикл перемещения призрак. — Главное, яйца не побей по дороге.

— Уж постараюсь, — громко произнёс сатир и с сомнением посмотрел на кочергу-рычаг. — А может, всё-таки по лестнице, а-а?

— Это же замок с прибабахом, — напомнило ему привидение. — Только потайными ходами, иначе никак.

— Эх, где наша не пропадала! — решившись на отчаянный шаг, Фавнус ухватился свободной рукой за кочергу. — За Родину!

Он дёрнул за рычаг и умчался восвояси.

Вторжение Круглова с товарищами было настолько стремительным и внезапным, что никто ничего, включая вторженцев, поначалу не понял. Алексей, вскочив с пола, продолжил оказывать психологическое давление на лютого врага своей внезапностью и неадекватностью. Так как шлем сполз ему на глаза, Лёха, выкрикивая боевые ругательства, выхватил меч и, не разбирая где свои, а где чужие, начал кромсать всё на своём пути.

Не чувствуя какого-либо сопротивления со стороны вероятного противника, он вскоре решил уточнить диспозицию сил и, остановившись, снял с головы шлем и наткнулся на близнецов.

Братья Лычко, вовремя отбежавшие в стороны, стояли по углам и указывали Алексею оглянуться за спину. Он оглянулся и обомлел. С плохо скрытым испугом в глазах на него взирали лучезарные очи принцессы. Той самой, которую он пробудил своим чистым поцелуем.

Принцесса стояла у школьной доски с мелом в руках, а напротив неё сидел за партой степенный джентльмен в цивильном костюме и бабочке и с не меньшим интересом смотрел на Лёху. Небольшие рожки на лбу джентльмена вовсе его не уродовали, а даже придавали некую пикантную изюминку его внешности.

“Это и есть Джеймс Чёрт, — правильно установил личность импозантного субъекта Алексей. — Ну, держись у меня...”

— Молодой человек, вы что себе позволяете?! — вдруг начала отчитывать своего спасителя Елена Прекрасная. Она совсем не узнала его в бороде и в каких-никаких доспехах и приняла за обычного принца-выскочку. — Врывааетесь без разрешения, как бандит через окно, срываете нам занятие любовью. Имеете наглость...

Она продолжала отчитывать Лёху как нашкодившего школьника, но он её уже не слушал.

“Так вот про какое занятие любовью говорили богатыри, а я, извращённый глупец, сразу подумал совсем о другом (а вы бы про что подумали на его месте!), — прочитав на доске написанное мелом “Тема занятия: Любви все возрасты покорны. Лекция”, Круглов не знал опять же — радоваться или печалиться. — Но, с другой стороны, зачем ей проводить занятия с этим монстром? Может, между ними что-то есть?!”

До Алексея вновь донеслись нелюбезные слова принцессы.

— ... и извольте внимательно слушать, когда к вам обращается девушка, — продолжала она распекать “хулигана”. — Вот совсем скоро сюда придёт мой принц, настоящий принц. Он уже однажды снял с меня чары своим горячим поцелуем, растопил лёд моего сердца. Он проучит и вас, и мистера Джеймса Чёрта, за то, что он держит меня в неволе. Будете знать, как измываться над беззащитной девушкой.

До Алексея дошёл смысл её слов, и он вновь воспрял духом.

— Я и есть тот самый, э-э, “принц”, — с улыбкой на губах произнёс Круглов, утопая в глазах своей возлюбленной. — Я вас, сударыня, и, так сказать, “растопил” однажды.

В её взоре мелькнула тень узнавания.

— Неужели это ты, тот самый благородный принц?! — вскрикнула Елена Преклассная.

— Ну-у как принц, — смущённо замялся Круглов, врать ей не хотелось. — Скорее, витязь-одиночка.

— Как воспитательно! — принцесса захлопала в ладоши и бросилась к Круглову, но тонкая золотая цепь, пристёгнутая к её ноге на серебряный замок, не позволила ей исполнить желаемое.

— Эй, Чёрт, — нахмурился Круглов мрачнее серой тучи за разбитым окном. — Отпусти её подобру-поздорову. Не заставляй брать грех на душу.

Импозантный джентльмен с рожками на лбу встал из-за парты и учтиво поклонился.

— Грехов на наш век ещё хватит, — произнёс джентльмен. — А вы примите мои поздравления. Честно признаться, я не верил, что вам удастся добраться сюда. Я глубоко тронут. И не важно, что двигало вами, доблестный рыцарь, любовь к женщине или жалость к людям, вы здесь, и вы выполнили мои условия.

— Какие ещё условия? — Алексей опустил меч, не понимая, куда клонит хитрый Чёрт.

— Ну как же, те самые “сдавшись победить” или хотя бы “выиграть проиграв”. А вы их оба перевыполнили. Я поражён вашим везением и отвагой. Вы намеренно сдались в состязаниях по произвольной борьбе с ордой, но выиграли драгоценное время, а чтобы выиграть у этого мерзкого шулера Гавра, поначалу проиграли даже себя. Мне службу сослужили. Теперь не будут больше топтать моё, и так хилое в плане флоры княжество, эти лихачи-сорвиголы. А за Гавра вам отдельное спасибо! Жаль, что с вами нет вашего четвёртого товарища, сатира...

— Я где-сь! — вылетел из камина Фавнус верхом на чемодане с яйцами. — Кто меня спрашивал?

— Изумительно! — вновь выразил своё почти искреннее восхищение отрядом Круглова Чёрт. — Вы и мой “безбашенный” замок обдурили. У вас талант, господа!

— Ладно, хватит нам петь панегирики, — вновь взмахнул мечом Алексей, как это делал богатырь Ильян Мурмич на мосту. — Отпусти принцессу и сними проклятье с мира, если, говоришь, что мы в расчёте. Я драться особо желанием не горю.

— Сию минуту, господа! — промолвил Чёрт и хлопнул в ладоши. — Всё готово!

Золотая цепь с ноги принцессы спала, и Елена Преклассная бросилась к Лёхе.

Тот ничего не успел предпринять, как её сочные губы сомкнулись на его плотно сжатых губах (это всё что он мог сделать, как-то по-другому предотвратить запретный поцелуй Круглов не мог: обе руки заняты боевым инвентарём — ну не мечом же и щитом, в самом деле, от поцелуя прекрасной дамы сердца обороняться, не то что люди, куры засмеют).

Несмотря на то что Лёха честно сжимал губы изо всех сил, этого поцелуя хватило обоим с лихвой. Круглов почувствовал лёгкость во всём теле и

сомкнул от наслаждения глаза. Но всё равно “прекрасные” очи Елены продолжали глядеть сквозь его “зеркало души” прямо в сердце...

Финита ли?

Почувствовав, что сладкие девичьи губы прекратили терзать его мужественный рот в страстном поцелуе, Алексей приоткрыл глаза. Приоткрыл их и... громко застонал.

Но застонал он не от сладострастия и неги.

— Опять, твою мать, проделки Чёрта! — в сердцах бросил Лёха и чуть не заплакал, увидев перед собой стену из красного кирпича, а по бокам пушистые ели. — Куда же теперича меня занесло?! Опять в глухомань выкинуло. Ну что за облом?!

Все его мечты и надежды рухнули в “каньон Щемящей Тоски”.

Алексей намахнулся мечом на ель-красавицу, но передумал калечить дерево и сплеча рубанул по стене.

Лёха принялся иступлённо рубить стену. Под ударами “кладенца” от неё откальвались большие куски кирпича и разлетались по округе.

Алексей рубил и рубил в гневе и печали, а легче ему не становилось.

На губах ещё не остыла сладость девичьих губ, а в душу уже заползла гадюка-тоска.

Лёха рубил, а тоска сжигала душу.

Он терял силы в бесполезном рвении, а тоска только мужала.

Он отбросил щит и шлем и, схватив меч двумя руками, продолжил свирепо дырять кроваво-красную стену.

Круглов замахнулся в очередной раз и... получив дубинкой по голове, упал как подкошенный (вот зачем, спрашивается, шлем снял, нарушение мер безопасности налицо).

Несколько подозрительных личностей в одинаковых серых сюртуках склонились над ним и, посоветовавшись, потащили его обессиленное тело прочь от стены.

Алексей открыл глаза и мутным взглядом отрешённо посмотрел на небосвод. Несмотря на то что небо было пасмурным и моросил мелкий противный дождик, совсем рядом, казалось, протяни руку и достанешь, горели крупные рубиновые звёзды.

“Красные карлики, — догадался Круглов, — или глюки”, — ещё успел подумать он, прежде чем его сознание окончательно отключилось во избежание более разрушительных для мозга потрясений.

Его донесли до крытой повозки и забросили внутрь, где сидели суровые инквизиторы с непроницаемыми лицами в белых балахонах и с багровыми крестами на колпаках.

Повозка с противным звуком поколесила по мощённой серым гранитом площади и скрылась из виду.

Чёрный кот, проводив повозку внимательным взглядом, спрыгнул с еловой ветки и потрусил вдоль стены по своим кошачьим делам. А дел у него было невпроворот.

Но это уже иная спецоперация.

Конец второй части.

Р. С. Что третья часть нам уготовит...

Илья КРИШТУЛ

Антикризисное эссе

Наступили тяжёлые времена. Народ лишается работы. Причём на улице оказываются не дворники — они и так сутками на улице, не депутаты и не водители депутатов. Увольнения коснулись прежде всего самого многочисленного отряда наёмных работников — менеджеров среднего звена. Эти образованные, умные, красивые и гордые люди находятся сейчас в ужасном положении. Из краеугольного камня мирового бизнеса они превратились в пыль. Их жизнь потеряла смысл. Их не ждут ровно в десять в офисе. Им не надо до шести вечера сидеть за компьютером с пятью перерывами на чай-кофе, обсуждая ужасные пробки. Не надо по пятницам пить пиво, а по субботам “вискарь”. У них не будет уже никогда весёлых и хмельных корпоративов. Остался в прошлом отдых в Турции. Исчез халявный Интернет вместе с “Одноклассниками.ру”. Закончились офисные дни рождения с тортами, цветами и шампанским. Нет больше ежедневного обзвона клиентов, на чём, кстати, и держалась вся российская экономика. По ночам на бывших менеджеров среднего звена накатывает ностальгия по деловым, но сытным встречам за счёт фирмы в недорогих итальянских рестораниках. Их домашний холодильник пуст, а автомобиль стоит без бензина. Жена, видя вместо денег мужа, сходит с ума и скандалит. Организм ровно в четырнадцать ноль-ноль по будням требует обеда и не получает. Ребёнок хнычет без подарков. Статус упал на землю и разбился. Соседи-маргиналы не просят в долг. Вместо “Парламента” приходится покупать “Яву золотую”, а вместо бочкового “Гиннеса” пить пластмассовое “Очаковское”. “Как жить дальше и стоит ли вообще жить?” — спрашивают себя бывшие менеджеры среднего звена. И сами себе отвечают: “Нет! Дальнейшая жизнь будет неэффективна. Да и есть ли она, жизнь вне офиса? Как она проходит у остальных людей, у всех этих “неменеджеров”? Жизнь без охраны на первом этаже... Жизнь без костюма и галстука... Без кожаного портфеля и без секретарши начальника Людочки, без корпоративных сувениров и оплаченного мобильного, без офисного романа и быстрого секса в пустом кабинете директора... Сколько стоит поездка в метро, наконец?!”

“Одна поездка на метро стоит 22 рубля” — отвечают работники биржи труда: “А жизнь вне офиса существует! Выдавальщицы медицинских карт в районных поликлиниках и гардеробщицы там же, продавцы магазинов шаговой доступности и комплектовщицы наборов детских игрушек, дежурные по эскалатору и кассиры пригородных касс — все они живут увлекательной и насыщенной жизнью!”. И, кстати, не только они! “Кризис не страшен. Его надо просто преодолеть”, — сказал автору этих строк отдиральщик незаконно наклеенных объявлений. “И преодолеть прежде всего в себе”, — добавила его жена, расклейщица этих же объявлений. Им, молодым, уверенным в себе и в своём будущем не грозят никакие экономические потрясения, а слово “дефолт” заставляет краснеть, хихикать и уединяться. Им некогда читать экономические сводки, они работают, делают карьеру, а по вечерам пьют за гаражами пиво, с улыбкой глядя на слабеющих рубль.

Вот с них надо брать пример, ныне безработный, а в недавнем прошлом менеджер среднего звена! А не с Абрамовича, который ежедневно теряет по миллиону долларов! Рабочий по обслуживанию линейных

сооружений не теряет ничего, если только по пьянке забудет, где находятся эти его линейные сооружения и как они выглядят. И запомни — бывших менеджеров не бывает! Бывшими бывают только жёны, мужья и президенты. К тому же недавно, по настоянию психологов и с целью уменьшения случаев суицида из-за социального неравенства в названиях всех профессий, зарегистрированных в Российской Федерации, появилось это волшебное слово! Так что гони прочь депрессивные мысли! Никаких намысленных верёвок, уходов в монастырь и в алкогольное забытьё! Подними голову, открой глаза — новый, совершенно незнакомый мир лежит у твоих ног! И этому миру нужны твои мозги и твои руки! Ты работал менеджером по продажам в крупной торговой сети? Такая же должность менеджера, но по розничной продаже проездных документов для проезда на наземном транспорте ждёт тебя! Или ты был заместителем начальника отдела продаж автомобильного салона? Тебе тоже будет интересна эта профессия! Потерю в зарплате компенсирует уютный, отдельно стоящий и хорошо отапливаемый офис на одного человека, расположенный у троллейбусной остановки. А если ты работал начальником отдела ипотечного кредитования в банке, то ты быстро освоишь все премудрости этой работы и уже через полгода сможешь стать СТАРШИМ менеджером-экспедитором по ОПТОВЫМ продажам льготных проездных документов! Мобильный, кстати, тоже оплачивается. Сложнее придётся бывшим заместителям руководителей проектов управления развития систем процессинговых центров. В трамвайном депо № 5, например, долго смеялись, узнав о такой должности, но, отсмеявшись, предложили вакансию менеджера-кондуктора с перспективой через год стать менеджером всего вагона. Раньше это называлось “вагоновожатый”. Истеблишмент, кстати, всего трамвайного бизнеса.

А через год-полтора кризис закончится и всё вернётся на круги своя. Опустевшие офисы вновь наполнятся звонкими голосами менеджеров среднего звена, которые привычно начнут обзванивать клиентов. А их клиенты начнут обзванивать своих, те свои — других своих, а другие свои обзвонят первых. Круг замкнётся и экономика России снова поднимется с колен и семимильными шагами двинется вперёд, к новым свершениям. И, кстати, к новому кризису. Больше десяти лет только на обзвоне клиентов никакая, даже супергазо нефтегазоалюминикелевая экономика не выдерживает. Так что не стоит зарекаться от суммы, уже достигнув вершин бизнеса и работая старшим менеджером по оптовым закупкам детского питания в крупной сети супермаркетов. “И это пройдёт”, как сказал один из первых в мире топ-менеджеров. Поэтому остановись как-нибудь, проезжая мимо будки по продаже троллейбусных билетиков. Выйди из своей иномарки и поклонись в пояс этой будочке. Помаши рукой менеджеру трамвая. И дай пятьдесят рублей стоящему рядом менеджеру по сбору средств на восстановление храма. Пусть похмелится. И воздастся потом тебе сторицей...

Смерть подвижника

На 29-м году жизни скончался Ефимий Никодимский, автор книг “Как прожить до 100 лет”, “О правильном питании”, “Почему вредны алкоголь и табак”, “Жить без болезней” и многих других, учёный, исследователь, подвижник и ярый популяризатор здорового образа жизни. Всё

отпущенное ему время он исповедовал раздельное питание, в любую погоду ходил босиком, принимал ледяной душ и даже летом плавал в проруби. Ангина, простая ангина сгубила этого замечательного человека. Богатырский и закалённый (а не истощённый, как заявляют медики) организм не выдержал нервного напряжения последних месяцев. Развязавшая травлю учёного семья не понимала его, не принимала его учение, отказывалась вести здоровый образ жизни и выбрасывала пищу, приготовленную Ефимием, в мусорное ведро. Последней каплей стал запрет на растирание смесью из коровьего и конского навоза, которое Ефимий применял в последние дни, борясь со смертельной болезнью. Блестящий учёный ушёл из жизни непонятым родными людьми, но так и не предал своё учение, показав пример стойкости своим ученикам. Уже находясь на смертном одре, он отказался принимать из рук родственников так называемые “лекарства”, хотя они, эти родственники, действовали грубым, силовым методом, с привлечением психиатров и милиции. И даже на похоронах эти варвары устроили скандал! Прадед покойного, 106-летний Илья Борисович, заметив группу последователей Ефимия и находясь под воздействием табака и тяжёлых алкогольных напитков, схватил всю группу (16 человек) и выбросил за забор кладбища. А ведь их всего на один час отпустили из больницы! Все они уже давно ведут здоровый образ жизни и недавно получили инвалидность 1-й группы! Как потом выяснилось, Илью Борисовича возмутила попытка учеников Ефимия помянуть покойного, выпив при этом чайную ложку растительного масла и закусив корнями одуванчика. Пожилой человек, к сожалению, не читал книг правнука и не знал, что растительное масло, выпитое утром вкупе с корнями одуванчика, прекрасно выводит из организма шлаки, поднимает жизненный тонус и даёт положительный заряд на весь день! Сам ушедший от нас Ефимий в течение последних двух лет предпочитал именно такую пищу! Всё это пытались объяснить Илье Борисовичу ученики Ефимия, но старый и, по-видимому, смертельно больной и глухой человек никого не хотел слушать. Два санитары ещё в течение часа собирали плачущих от обиды последователей Ефимия, которых разметало ветром по огромному пустырю за кладбищем. Когда их грузили в багажник больничной “Нивы”, один из последователей, собравшись с силами, пробормотал: “Дикая страна... Дикие люди...”. Эти слова, произнесённые почти шёпотом, услышал Илья Борисович и, несмотря на сильную никотиновую и алкогольную интоксикацию, перевернул автомобиль вместе с пассажирами, тяжелобольными людьми, исповедующими здоровый образ жизни. Действительно — дикая страна, дикие люди...

Резюме

соискателя на получение должности главного юриста Гусева Б. С.

Я, Гусев Б. С., родился в тихом и зелёном городе Москве в 60-х годах прошлого века, где и живу почти в центре по индексу 105043. Уточнить дату рождения можно у моего нынешнего работодателя, директора всего общепита в кафе “Лакомка”, хоть он и не говорит по-русски, но человек очень хороший и паспорт обещал вернуть. Участковые (милиционер и доктор Сергей Николаевич) мною в известность по поводу паспорта поставлены, а я,

в свою очередь, поставлен ими в известность на учёт в какое-то заведение с окнами, они сказали, что это биржа труда. Непонятно только, почему на бирже труда мне колют болезненные уколы и заставляют пить несладкие таблетки, а из работы предложили только мыть полы в женском туалете, на что я с большой радостью согласился, но до обеда, потому что потом я в “Лакомке” нужен, там тоже полы после обеда грязные, посетители столько грязи нанесут, что ужас.

Школу я окончил в 1998 году уже разведённым мужчиной и сразу поступил на юридический факультет МГУ на должность слесаря-сантехника. Окончив в 2000 году МГУ на той же должности за мелкую кражу, я начал работать главным юристом и уже в 2002 году в списке самых богатых людей мира, составленным журналом “Forbes”, занял почётное 5 879 432 574 место с годовым доходом 4156 рублей 54 копейки, на 53 копейки опередив свою жену-сожительницу Зину, тунеядку и проститутку. За время работы главным юристом я сменил 145 организаций и принял участие в 145 судебных процессах, которые проиграл, приобретя огромный судейский опыт. Этот опыт пригодился мне в моих последующих 57 процессах, которые я тоже проиграл, опять приобретя опыт, сын ошибок трудных (да, стихи я тоже пишу). После этого главным юристом в Москве меня на работу не брали даже дворником на рынок, зато хорошие случайные знакомые предложили должность главного бухгалтера в компании “Иванкорп”, которая занималась всяким бизнесом. Спустя три месяца там чего-то случилось и компания “Иванкорп” прекратила заниматься всяким бизнесом, а меня отправили в важную командировку в Читинскую область, где я и провёл следующие три года общего режима с конфискацией. Во время командировки я познакомился со знаменитым экономистом Ходорковским, который охотно начал заниматься со мною математикой, экономикой и юриспруденцией. Через три минуты после начала занятий г-н Ходорковский предложил мне выкопать подземный туннель до Израиля и покинуть Читинскую область с целью продолжения образования в Иерусалимском университете, так как я чертовски талантлив. Копать я начал незамедлительно, потому что когда ещё побываю в Израиле, но ко мне сразу подошли неизвестные мужчины в форме, поинтересовались здоровьем и сделали физическое замечание резиновыми дубинками, после чего я попал в больницу и в командировку уже не вернулся, а вернулся в Москву на свою жилплощадь по указанному выше индексу с целью получения инвалидности, которая у меня и так была после падения с высоты собственного роста по пьянке во втором классе. Из документов к этому времени у меня были военный билет моей жены-сожительницы Зины и её же детские рисунки, по которым устроиться на работу оказалось очень сложно. Меня последовательно не взяли главным юристом в Кремль, в патриархию, в Думу и в ФСБ, поэтому я и вынужден работать в кафе “Лакомка” просто юристом, но со странными обязанностями.

Уважаемый Барак Обама! Взяв меня на работу главным юристом США, Вы приобретёте не просто ценного и толкового работника, имеющего огромные связи в деловом мире Первомайской улицы (Ваня с 28-й квартиры, Руслан из 33-й), но и кристально честного человека, любящего рэп, баскетбол, афроамериканцев и всегда стоящего на страже всего. Ведь люди типа меня, входящие в список самых богатых людей журнала

“Forbes”, о чём я уже писал выше, воровать прекращают, так как уже нечего и незачем, хотя лишний рубль никогда не помешает. И не забывайте, что я приеду к вам из страны, в которой ведётся суровая борьба с коррупцией и за взятки сажают всех, невзирая на должности. Даже депутата за взятку могут посадить на место мэра или губернатора, а самого мэра или губернатора сошлют в ссылку в далёкую, а если взятка большая, то и в тёплую страну.

И последнее. Зарплата в 4 (зачёркнуто) 5 (зачёркнуто) 7 тысяч рублей (зачёркнуто) долларов (зачёркнуто) евро (зачёркнуто) 8 тысяч в какой-нибудь достойной меня валюте, плюс еда, одежда и проживание у Вас в Белом доме меня вполне устроит. Жену-сожительницу Зину я могу взять с собой, но если у вас там есть чего поновей, посимпатичней и без запаха, в наказание она знает за что оставлю в Российской Федерации и навещать буду по средам чартерными рейсами, но не каждую неделю, я же не железный. Резюме это передаю с оказией через одного знакомого грузина по кличке Армянин, его всё равно из России высылают и он в Ваши края собирается поработать. Вы ему там помогите первое время, но барсетки, свою и жены, подальше держите, он в основном по ним работает. Прошу отметить мою изумительную грамотность, которой я достиг, ежедневно анализируя сказки народов Севера в туалете на Ярославском вокзале. Жду от Вас положительного решения по телефону 367-47-21 добавочный 2, Ирина, звонить после обеда, позвать Нину Сергеевну, а она уже позовёт меня, если я не пьяный. С уважением, искренне Ваш, Гусев Б. С., родившийся в тихом и зелёном городе Москве в 60-х годах прошлого века.

г. Москва.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 06.08.2010 г.

Подписано к печати 09.09.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 4930.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.